

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

№ 1
ТОМ 13

ISSN 2413-6891

2025

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A   N A U K A
I   S O C I A L ' N A J A   P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2025. Том 13, № 1

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1

EDN: OPFHCI

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:

<https://www.socnp.ru>

Редакционная коллегия

ГОРШКОВ Михаил Константинович	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	заместитель главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
СМИРНОВ Александр Ильич	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail	(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocentiy	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
GRINBERG Ruslan	Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	(Deputy Editor), Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)
MOZGOVAYA Alla	(Deputy Editor), Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Deputy Director for Research, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

- Петухов Р. В.*
Образы и представления о будущем в динамике массового сознания россиян в 2014–2023 гг. 7
- Кузнецов И. С.*
Институциональное доверие, образ будущего страны и личного будущего 25

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

- Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Серкина Я. И., Шаповал Ж. А.*
Проблемы консолидации региональных сообществ: позиция социального реализма 48
- Курбанова Л. У., Гуня А. Н., Абдулаева Э. С.*
Городская среда Грозного как пространство конструирования и воспроизводства коллективной памяти современного чеченского общества 74

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ. КОНФЛИКТОЛОГИЯ

- Чумиков А. Н.*
Теория конфликта в социально-политической сфере: ретроспективная динамика и современный вектор медиакоммуникационного воздействия 95

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Кулагина Е. В.*
Занятость лиц с инвалидностью: возможности, приоритеты и результаты активной политики в государствах благосостояния. Часть вторая 117

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

- Газиева И. А.*
Патриотизм как социальная ценность: восприятие студенческой молодёжи 142

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

- Ларина Е. В.*
Киберсталкинг как современная угроза общественной безопасности: меры противодействия в России и за рубежом 170

CONTENT

SOCIOLOGY OF MASS CONSCIOUSNESS

- Petukhov R. V.*
Images and expectations of the future in the dynamics
of mass consciousness of Russians in 2014–2023. 7
- Kuznetsov I. S.*
Institutional trust, the image of the future of the country
and the image of the personal future 25

SOCIAL PROCESSES. SOCIAL DYNAMICS

- Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Serkina Y. I., Shapoval Zh. A.*
Problems of regional communities' consolidation:
the position of social realism 48
- Kurbanova L. U., Gunya A. N., Abdulaeva E. S.*
The urban environment of Grozny as a space for constructing
and reproducing the collective memory of modern Chechen society 74

SOCIOLOGY OF COMMUNICATION. CONFLICTOLOGY

- Chumikov A. N.*
Theory of conflict in the social and political sphere:
retrospective dynamics and the modern vector of media
communication impact. 95

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

- Kulagina E. V.*
Employment of persons with disabilities: opportunities, priorities
and outcomes of active policies in welfare states. Part two 117

SOCIOLOGY OF SOCIAL GROUPS

- Gazieva I. A.*
Patriotism as a social value: the perception of student youth 142

THE SOCIOLOGY OF DEVIANT BEHAVIOR

- Larina E. V.*
Cyberstalking as a modern threat to public security:
countermeasures in Russia and abroad. 170

ОБРАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ В ДИНАМИКЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН В 2014–2023 гг.

Роман Владимирович Петухов

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

petukhovrv@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-0940-9315

Для цитирования: Петухов Р. В. Образы и представления о будущем в динамике массового сознания россиян в 2014–2023 гг. // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 7–24. DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.1. EDN KSSRCV.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические концепты «образ будущего» и «представления о будущем», которые используются в социологических исследованиях будущего. Автор предлагает понимать «образы будущего» как устойчивые концептуальные конструкции, отражающие культурные и ценностные ориентиры соответствующего общества. «Представления о будущем» определяются в статье как ситуативные ожидания, реагирующие на такие краткосрочные вызовы, как социально-экономические и политические кризисы. Исходя из этого предположения, формулируется гипотеза о том, что образы будущего более устойчивы к внешнему воздействию, чем представления о коллективном и индивидуальном будущем. Для проверки данной гипотезы были использованы материалы массовых общероссийских опросов, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2014–2023 гг. Эти данные позволили показать, каким образом социально-экономические и политические кризисы последнего десятилетия оказали влияние на образы и представления россиян о будущем. Автор рассматривает в качестве одной из возможных операционализаций теоретического концепта «образ будущего» ответы на вопрос о целях развития России в XXI веке. Анализ динамики соответствующих показателей позволяет сделать вывод о том, что наиболее востребованным образом будущего является экономически развитое государство, влияющее на международные дела политическими методами. Актуальность этого образа для большей части опрошенных остаётся неизменной на протяжении всего последнего десятилетия. В качестве одного из возможных вариантов представлений о коллективном будущем, в статье анализируются мнения россиян о перспективах развития страны на ближайший год. Динамика ответов на соответствующий вопрос показывает, что восприятие «завтрашнего дня» существенным образом зависит от социально-экономической и политической ситуаций в обществе. В условиях кризисов число респондентов, пессимистично настроенных в отношении будущего, увеличивается, а доля верящих в успешное развитие страны или надеющихся на сохранение статус-кво сокращается. Проведённый в статье анализ позволяет сделать вывод о наличии оснований для более чёткого различения понятий «образ

будущего» и «представления о будущем» и необходимости дальнейших исследований для подтверждения выдвинутой гипотезы.

Ключевые слова: исследования будущего, футурология, будущее, образ будущего, представления о будущем, социальные изменения

Благодарности: исследование выполнено по теме «Личное будущее и будущее страны в массовых представлениях россиян в 2014–2024 гг.: динамика, факторы изменений, влияние на социальное поведение» (рег. номер 124091200014-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Введение

Думать о будущем естественно для любого человека. Известный советский физиолог и автор системного подхода, академик П. К. Анохин доказал, что человек, как и другие живые существа, не только «вписан» в основные законы пространственно-временных соотношений» [1, с. 14], но и способен предугадывать будущее в микроинтервалах времени, приспособившись к пространственно-временным структурам неорганического мира (механизм «опережающего отражения») [1, с. 24]. Тем не менее потребовалось значительное время для того, чтобы способность к рефлексорному предвидению следующего мгновения развилась в осмысленное отношение человека к индивидуальному и коллективному будущему.

Свойственное современным людям осознанное отношение к «завтрашнему дню», их способность предвидеть и планировать его, не были характерны для ранних периодов человеческой истории [2, с. 159–160]. Несмотря на то, что эсхатологический миф является частью многих древних религий и систем верований, линейное или векторное представление о времени, позволяющее думать о будущем в категориях изменения и развития, окончательно сложилось только в Средние века [2, с. 164–165]. Предметом систематического научного изучения оно стало только во второй половине XX в., когда сформировалась междисциплинарная область научных исследований будущего (Futures studies) [3, с. 5].

Естественно, что и до этого социальные мыслители задумывались о будущем. Начиная с Томаса Мора, социальные утопии, как альтернатива религиозной эсхатологии, были неразрывно связаны с прогрессом социально-философской мысли. Рисуя картины желательного общественного устройства, авторы утопий формировали образ идеального будущего, альтернативного существующей общественной организации. Н. В. Романовский отмечает, что и социологические классики со времён О. Конта конструировали идеальные (утопические) альтернативы существующему общественному устройству [4, с. 13]. Но только в 1950-х гг. стало складываться представление о том, что будущее может являться не только предметом абстрактного теоретизирования, но и изучаться методами прикладных социологических исследований. Одним из первых, кто призвал социологов изучать социальное будущее также как

существующие общества, был голландский социальный философ Фред Полак [5, с. 304], получивший широкую известность благодаря английскому переводу своей книги «Образ будущего» («The image of the future»).

Сегодня проблематика будущего находится в центре внимания как в зарубежной [6; 7; 8 и др.], так и в российской [3; 9; 10 и др.] литературе по социальным наукам. Поэтому можно считать, что призыв Полака был услышан. Однако, несмотря на очевидное внимание к проблематике будущего, понятийный аппарат этого исследовательского направления как минимум в России до конца не сформирован. В частности, отечественные авторы нередко отождествляют такие концепты, как «представление о будущем» и «образ будущего» [11; 12; 13; 14 и др.], что, по нашему мнению, в некоторых случаях приводит к искажению логики анализа и интерпретации данных эмпирических исследований.

В настоящей работе предпринята попытка более чёткого различения понятий «образ будущего» и «представление о будущем». Мы будем исходить из того, что эпистемологически эти концепты опираются на разные уровни знаний. Если «образ будущего» является концептуальной моделью, отражающей ценностные ориентиры людей, и основывается на историческом и культурном контексте, то «представления о будущем» – это ситуативные, динамично изменяющиеся ожидания, строящиеся как на эмоциональной, так и на рациональной оценке настоящего. Исходя из этого, можно предположить, что образы будущего формируются через длительный процесс осмысления идеалов и коллективных целей, следовательно, они более устойчивы и меньше подвержены краткосрочным изменениям, тогда как представления о будущем отличаются большей реактивностью и чаще меняются под воздействием актуальной социально-экономической и политической обстановки. Для проверки этой гипотезы будут использованы данные 14 волн массовых всероссийских опросов, проводившихся Институтом социологии ФНИСЦ РАН в рамках мониторинговых исследований в 2014–2023 гг. (далее – Мониторинг) ¹.

Образы и представления о будущем

В самом широком смысле об образе будущего мы можем говорить как о представлении. Однако Фред Полак, работа которого «Образ будущего» («The Image of the Future») положила начало активному внедрению этого

¹ Опросы являлись частью проектов «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (2014–2018) и «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» (2020–2022, 2023–2024), поддержанных РНФ. Опросы проводились в октябре 2014 г., марте и октябре 2015 г., марте и октябре 2016 г., мае и октябре 2017 г., марте и октябре 2018 г., июне 2019 г., октябре 2020 г., марте 2021 г., марте 2022 г. и июне 2023 г. Объём выборочной совокупности исследований составлял в каждой волне от 2000 до 4000 респондентов, репрезентировавших взрослое население России в возрасте 18 лет и старше по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения.

термина в социальные науки [3, с. 15], подчёркивал, что образ будущего – это картина мира «завтрашнего дня», разделяемая массовыми социальными группами [5, с. 14]. Образ является не просто индивидуальным представлением, но социальной конструкцией, которая формируется через культуру, религию, политику и общественные институты [3, с. 18–19]. По мнению Полака, образ будущего направляет действия людей, задаёт их идеалы и формирует стратегии общественного развития, а, следовательно, оказывает решающее влияние на общество [5, с. 5].

Например, представления о будущем у человека могут включать отдельные мысли о том, что в будущем технологии станут более развитыми или что экономика будет менее стабильной. Эти представления могут быть расплывчатыми и зависеть от личных обстоятельств или текущих событий. Образ будущего, напротив, будет включать более чёткое видение – например, представление о том, что Россия станет технологической сверхдержавой с высоким уровнем социального благополучия.

В целом же можно выделить следующие различия между «представлениями о будущем» и «образом будущего»:

- представления включают в себя фрагментированные ожидания, убеждения и мысли о грядущем, а образ, напротив, является целостной картиной будущего;
- представления о будущем могут быть противоречивыми и не конкретными, тогда как образ будущего обычно сформулирован более-менее чётко и консистентно;
- представления о будущем могут касаться индивидуальных ожиданий или страха перед неопределённостью, тогда как образ будущего чаще носит коллективный характер и формируется через социальные идеалы¹;
- образ будущего тесно связан с чувственным восприятием, т. к. он включает в себя эмоциональные, символические и культурные аспекты, которые формируются через коллективные и индивидуальные переживания, мечты, страхи и надежды², а представления о будущем имеют как чувственную, так рациональную компоненту, основанную на знании, опыте и анализе текущих тенденций.

Теоретическое различие концептов «образ будущего» и «представление о будущем», наверно, не столь значимо в общегуманитарном дискурсе

¹ Следует оговориться, что образ индивидуального будущего также возможен. Это более-менее целостная картина будущей жизни отдельного индивида, обладающая сильной мотивирующей силой. Однако, консистентность такого видения индивидуального будущего не может быть не связана с определённым образом коллективного будущего. Более того, «частное будущее» в значительной степени производно от «коллективного будущего». Например, для нескольких поколений советских граждан невозможно было помыслить свою жизнь вне образа коммунистического будущего и только эрозия и девальвация этой картины мира позволила людям увидеть другие перспективы.

² Поэтому нередко образы будущего выражаются через визуальные или художественные формы, такие как картины, литературные произведения, фильмы, мифы и символы.

о будущем, но кажется крайне важным при анализе результатов массовых опросов общественного мнения. Образ коллективного будущего определяет перспективы социального развития и тем самым задаёт рамки всей совокупности представлений о «завтрашнем дне».

Проведённый анализ позволяет нам конкретизировать сформулированную выше гипотезу о том, что образы будущего более устойчивы к внешнему воздействию социальной повседневности и меняются гораздо медленнее, чем представления о коллективном и индивидуальном будущем. В контексте череды социально-экономических и политических кризисов, через которые Россия проходит в течение последних десяти лет, на основе данных массовых опросов общественного мнения мы можем поставить и проверить вопрос о том, насколько эти кризисы повлияли на образы и представления о будущем современных российских граждан. В условиях жанровых ограничений научной статьи мы остановимся на анализе мнений только по двум вопросам, через которые операционализируются интересующие нас понятия, обращая внимание на динамику соответствующих индикаторов, в том числе в разрезе возрастных, образовательных, географических (типы населённых пунктов) и имущественных особенностей.

Цели развития России в XXI в. как образ будущего

Для проверки сформулированной гипотезы о влиянии кризисов на восприятие будущего, обратимся к вопросу о целях, к которым должна стремиться Россия в XXI веке. На выбор респондентам были предложены четыре цели: во-первых, возвращение статуса супердержавы, который был у СССР, во-вторых, вхождение в число наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира, в-третьих, лидерство на постсоветском пространстве и, в-четвертых, отказ от стремления к глобальным целям.

Каждой из этих целей имплицитно корреспондирует определённый образ будущего. Первая цель отсылает к образу страны с развитой экономикой, обеспечивающей не только высокий уровень жизни своих граждан, но и внешнеполитическую влиятельность. Второй образ – это сверхдержава, построенная по аналогии с Советским Союзом, т. е. страна, проводящая активную внешнюю политику в масштабах всего мира, опирающаяся на мощные вооружённые силы и оборонно-промышленный комплекс. Третий образ будущего предполагает довольно сильное сокращение амбиций во внешнеполитической сфере и переориентацию на выстраивание хороших отношений с постсоветскими странами ближайшего зарубежья. Наконец, четвёртый образ может быть охарактеризован как изоляционистский, т. е. предполагающий отказ от участия в глобальных процессах и концентрацию на внутригосударственной повестке.

Как видно из рисунка 1, на протяжении всех девяти лет с 2014 по 2023 год большинство опрошенных неизменно отдавало предпочтение образу России будущего как одной из наиболее экономически развитых и политически

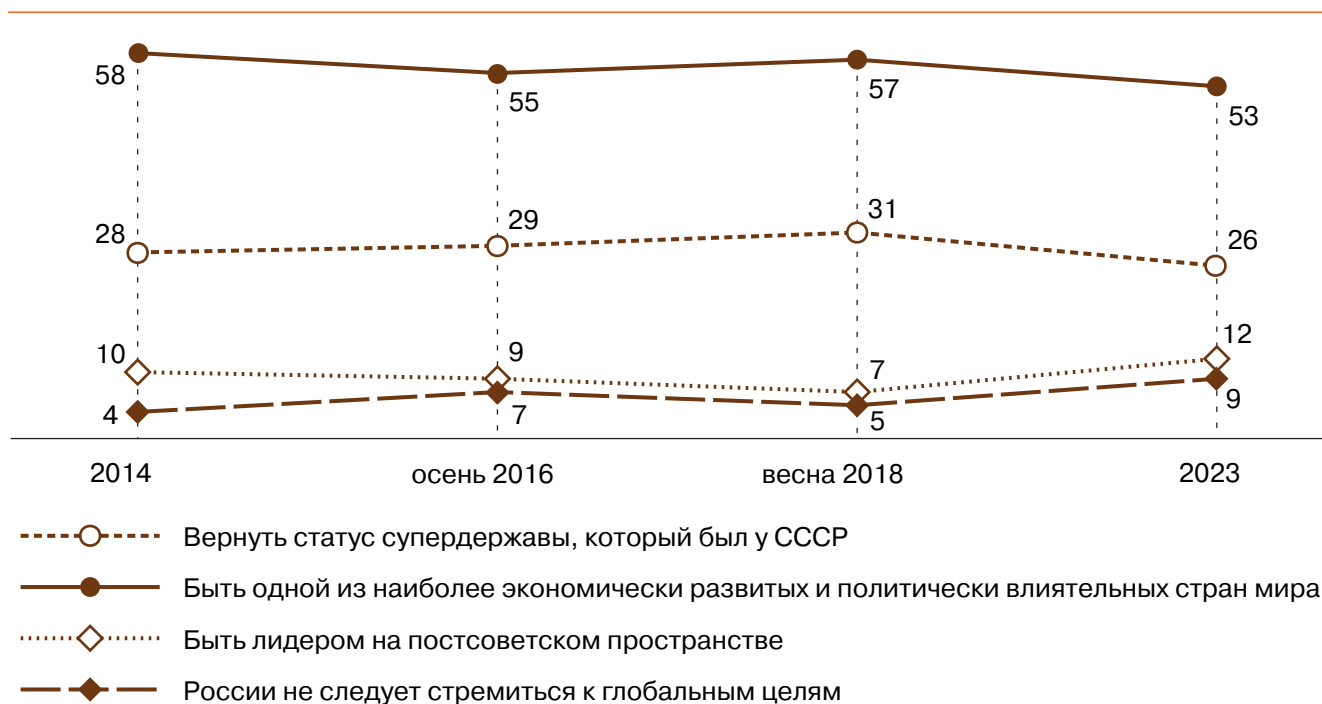

Рис. 1. Динамика мнений о целях, к которым должна стремиться Россия в XXI в., %

влиятельных стран мира (максимально 58% в 2014 г. и минимально 53% в 2023 г.). Следующим по уровню востребованности идёт образ супердержавы наподобие Советского Союза (максимально 31% в 2018 г. и минимально 27% в 2023 г.). Далее с большим отставанием от двух доминирующих образов следует лидерство на постсоветском пространстве (максимум 12% в 2023 г. и минимум 7% в 2018 г.) и отказ от стремления к глобальным целям (максимум 9% в 2023 г. и минимум 4% в 2014 г.).

На протяжении всего периода наблюдений распределение мнений респондентов о целях развития страны оставалось стабильным и статистически значимые изменения произошли только в 2023 году на фоне СВО на Украине. Так, в этом году на 4 п. п. сократились доли опрошенных, видящих в качестве образа будущего экономически развитую страну и сверхдержаву советского типа (с 57 и 31% в 2018 г. до 53 и 27% в 2023 г. соответственно), и выросла поддержка лидерства на постсоветском пространстве и самоизоляции (с 7 и 5% в 2018 г. до 12 и 9% в 2023 г. соответственно). По всей видимости, в небольшом, но статистически значимом увеличении количества опрошенных, выбирающих более скромные цели для России будущего, проявляется возросший скептицизм части общества в отношении способности российского государства обеспечить прорывное развитие в экономической и/или военно-промышленной сфере.

Поляризация мнений о целях развития страны становится более заметной при анализе распределения ответов в разных социально-демографических группах.

Прежде всего следует отметить, что доминирование в массовом сознании образа экономически развитой России будущего настолько велико, что эта цель

всегда была наиболее популярной во всех возрастных когортах. Тем не менее, как видно из таблицы 1, наибольшую заинтересованность в таком эконоцентристском варианте развития проявляют молодые россияне, а наименьшую – люди пожилого возраста. Так в 2016 году, когда Россия восстанавливалась после экономического кризиса 2014–2015 гг., образ экономически развитой страны выбрали 67% респондентов в возрасте до 25 лет, что на 12 п. п. больше, чем в среднем по выборке в этот год (55%) и на 20 п. п. больше, чем в группе опрошенных старше 65 лет (47%).

Таблица 1

*Динамика мнений о целях, к которым должна стремиться Россия в XXI в. в разных возрастных категориях, 2014, 2016, 2018 и 2023 гг., %
(темно-оранжевой заливкой выделены наибольшие значения по каждой строке, а светло-оранжевой – наименьшие значения)*

Цели, к которым должна стремиться Россия в XXI в.		В целом по массиву	Возрастные группы					
			до 25 лет	от 26 до 35	от 36 до 45	от 46 до 55	от 55 до 65	после 66 лет
Вернуть статус супердержавы, какой был у СССР	2014	28	25	26	24	34	31	36
	2016	29	17	25	26	29	37	41
	2018	31	25	25	29	32	37	40
	2023	26	17	22	24	25	33	39
Быть одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира	2014	58	60	56	60	54	60	53
	2016	55	67	58	57	56	50	47
	2018	57	61	62	60	56	51	52
	2023	53	56	59	56	53	46	47
Быть лидером на постсоветском пространстве	2014	10	11	12	11	9	6	6
	2016	9	8	10	11	7	9	5
	2018	7	7	7	8	8	7	5
	2023	12	14	10	12	13	14	7
России не следует стремиться к глобальным целям	2014	4	4	6	5	3	3	5
	2016	7	8	7	6	8	4	7
	2018	5	7	6	3	4	5	3
	2023	9	14	9	8	9	7	8

При всей востребованности эконоцентристского варианта развития страны среди молодых россиян, для довольно значительной их части не чужд и образ сверхдержавы. Несмотря на то, что в 2016 и 2023 гг. в возрастной группе до 25 лет фиксировался минимальный для всех возрастных групп уровень поддержки этой цели развития (17%), в 2014 и 2018 гг. её выбирало 25% молодых

опрошенных. В свою очередь, в возрастной когорте от 25 до 35 лет доля, выбравших сверхдержаву в качестве образа будущего, не опускалась ниже 22% в 2023 году. И всё же наиболее востребован этот образ у старших поколений и особенно в возрастной группе старше 65 лет (минимум 36% в 2014 г. и максимум 41% в 2016 г.), т. е. среди тех людей, родившихся и успевших довольно долго пожить в реальной сверхдержаве, которой до определённого момента был Советский Союз.

Отдельно следует сказать о восприятии в разных возрастных группах образов России как регионального лидера и самоизолировавшегося государства. Выше уже было сказано, что в 2023 году произошёл небольшой, но статистически значимый рост популярности соответствующих целей развития. Как видно из приведённой выше таблицы, больше всего полагающих, что России в будущем следует ограничиться лидерством на постсоветском пространстве, было в возрастных группах до 25 лет и от 55 до 65 лет (как в одной, так и в другой группе 14%). Этот результат не сильно отличается от среднего по выборке (на 2 п. п.), но в два раза выше, чем у опрошенных старше 65 лет (7%). Отказ от глобальных целей в XXI веке также больше всего востребован в возрастной когорте до 25 лет, но в данном случае самые молодые респонденты заметно выделяются как на фоне среднего показателя по массиву (соответственно 14% против 9% в среднем), так и среди иных возрастных групп.

На рисунке 2 представлено распределение мнений респондентов различных социально-демографических групп относительно будущего страны.

Образ экономически развитой России будущего ожидаемо более востребован респондентами с высшим и двумя высшими образованиями, жителями мегаполисов и людьми, оценивающими свою материальную обеспеченность как хорошую. Образ сверхдержавы как цели будущего развития чаще выбирают опрошенные с низким уровнем образования, жители сельской местности и плохо материально обеспеченные. Из рисунка 2 видно, что в 2023 году вхождение в число ведущих экономически развитых стран мира было наиболее актуально для респондентов с несколькими высшими образованиями (70%, что на 17 п. п. больше, чем в среднем по массиву), жителей мегаполисов (59%) и людей с одним высшим образованием (57%). Наименее востребованной эта цель была среди опрошенных с начальным или неполным средним образованием (33%, что на 20 п. п. меньше среднего по массиву) и жителей сельской местности (50%).

Напротив, сверхдержава как образ будущего наиболее близка респондентам с минимальным уровнем образования (39%, что на 12 п. п. больше, чем в среднем по выборке) и наименее интересна обладателям нескольких высших образований (12%, что на 15 п. п. меньше среднего). Интересно, что оппозиция между опрошенными с минимальным и максимальным уровнем образования характерна и для тех, кто выбрал региональное лидерство в качестве цели для будущего развития. В данном случае доля опрошенных с начальным или неполным средним образованием достигает 20%, что на 8 п. п. больше, чем в среднем

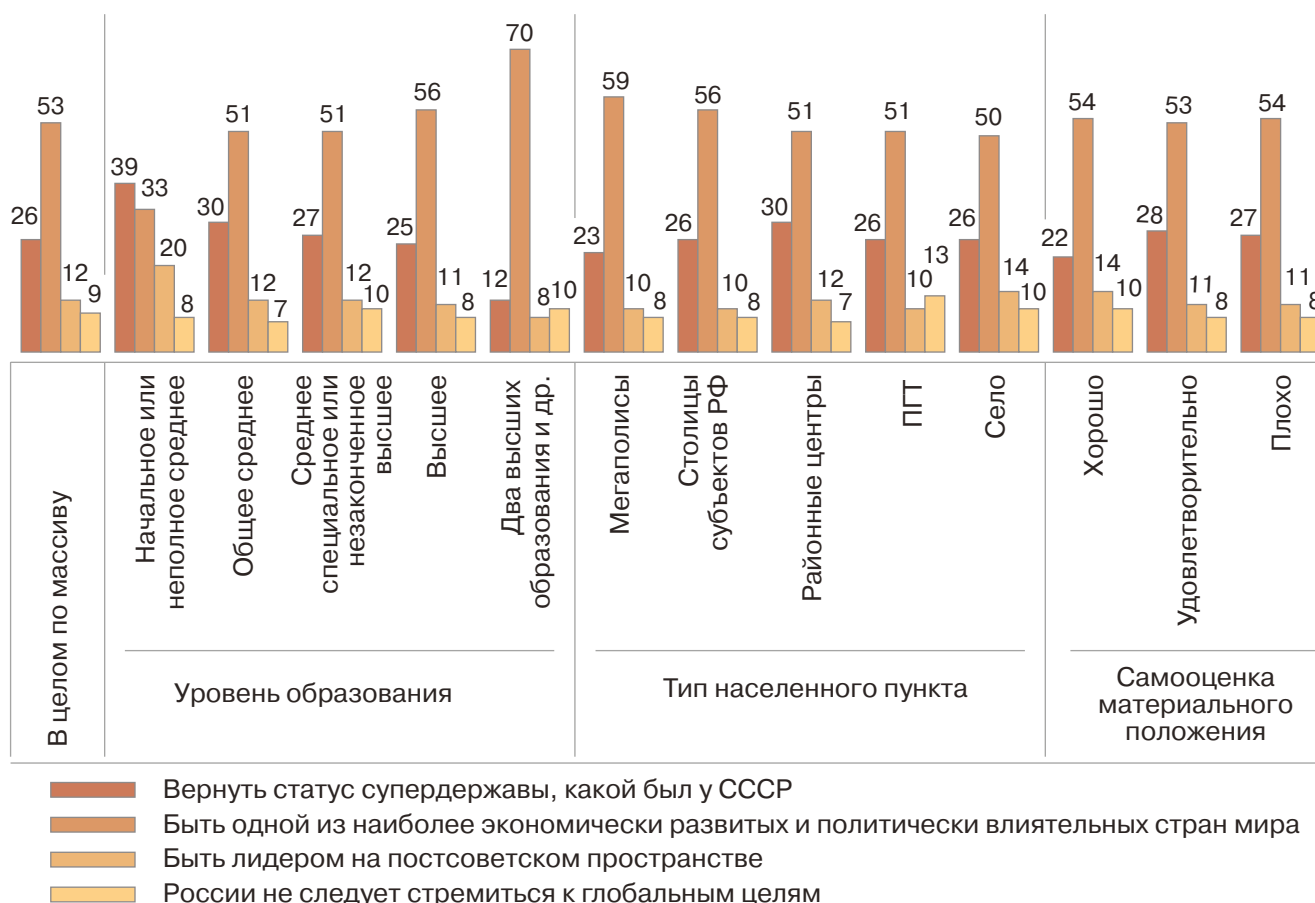

Рис. 2. Распределение мнений респондентов о целях, к которым должна стремиться Россия в XXI в. в зависимости от уровня образования, типа поселений и самооценки материальной обеспеченности, 2023 г., %

по выборке (12%), а долю респондентов с несколькими высшими образованиями, наоборот, на 4 п. п. меньше (8%). Сторонников отказа от глобальных целей больше всего среди жителей посёлков городского типа (ПГТ) (13%, что на 4 п. п. больше среднего) и меньше всего среди респондентов, живущих в районных центрах, и людей со средним образованием (в обоих случаях – 7%, что на 2 п. п. меньше среднего).

В целом данные о целях развития России в XXI веке позволяют сделать вывод о том, что большинство россиян разделяет образ будущего страны как экономически развитого государства, влияющего на международные дела политическими методами. Поддержка этого варианта коллективного будущего устойчива и практически не подвержена снижению даже во время такого серьёзного кризиса, как СВО на Украине. Вторым по значимости образом будущего и почти таким же устойчивым, как первый, является возвращение Россией статуса сверхдержавы по аналогии с Советским Союзом. Несмотря на некоторый рост востребованности (особенно у молодёжи) образа России как лидера на постсоветском пространстве и идеи отказа от глобальных целей, эти варианты будущего пользуются минимальной поддержкой у россиян.

Представления о коллективном будущем в краткосрочной перспективе

Представления как о коллективном, так и индивидуальном будущем содержат в себе значительную долю рационального расчёта, т. к. при их формировании учитывается не столько идеальное видение завтрашнего дня, сколько существующее сегодня положение дел. Именно эта особенность заставляет нас предполагать, что представления о будущем более подвержены влиянию социально-экономических и политических кризисов. Причём чем о более короткой временной дистанции идёт речь, тем большую динамику демонстрируют массовые настроения.

Приведённые ниже данные (см. рис. 3) о том, как на протяжении последних девяти лет россияне оценивали перспективы развития страны в ближайший год, подтверждают сделанное нами предположение. Представления опрошенных о ближайшем коллективном будущем отличаются динамизмом и неустойчивостью. В течение всего периода наблюдения преобладали негативные ожидания, которые то усиливались, то ослаблялись, откликаясь на внутри- и внешнеполитические процессы.

Как видно из приведённого выше рисунка, с ростом в российском обществе социально-экономической и политической напряжённости усиливались

Рис. 3. Динамика мнений о перспективах развития России в ближайший год, %

негативные ожидания от ближайшего будущего. Напротив, нормализация ситуации способствовала увеличению числа россиян, ожидающих в течение следующего года успешного развития страны или сохранения статус-кво.

Так, в 2014 году 25% опрошенных верили в успешное развитие России в ближайший год, но уже весной 2015 г. этот показатель снизился до 19%. В этот момент российское общество столкнулось с эффектами кризиса, последовавшего после Крымской весны. По мере адаптации общества к новым условиям осенью 2015 г. наблюдался незначительный рост позитивных оценок до 22%. В 2016 году доля оптимистов стабилизировалась на уровне 20–21%. Далее этот показатель начинает расти и достигает пика в 32% весной 2018 г. В этот период российское общество чувствовало стабилизацию ситуации в стране и в международных отношениях, символом чего стал прошедший в России летом 2018 г. Чемпионат мира по футболу. Однако с осени этого года оптимизм начинает падать, и к 2020–2021 гг. его уровень достигает минимума – всего 13%. Этот спад в значительной степени может быть объяснён пандемией COVID-19 и её экономическими последствиями. С началом СВО в 2022 году, уверенных в успешном развитии страны не прибавилось, но в 2023 году доля оптимистичных оценок начинает расти. В этом году 27% опрошенных ожидали успешного развития страны в течение ближайшего года.

Как видно из приведённого выше рисунка, динамика негативных представлений почти всегда была зеркальна по отношению к позитивным, т. е. увеличение доли уверенных в успешности развития сопровождалось сокращением числа тех, кто ожидал трудных времён и наоборот.

А вот представление о неизменности положения дел в стране в ближайшем будущем имело собственную траекторию. В 2014 году 25% респондентов считали, что в ближайший год в России не произойдут значительные изменения, но уже весной 2016 г. этот показатель увеличивается до 31%. Осенью 2016 г. и весной 2017 г. он достиг одного из своих пиковых значений (39%), а потом немного снизился и вышел на плато. С осени 2017 г. по осень 2018 г. доля уверенных в неизменности существующего положения находилась на уровне 35–37%. В 2019 году процент уверенных в том, что в краткосрочной перспективе ничего не поменяется, достиг своего пикового значения в 40%. Начало острой стадии пандемии коронавируса COVID-19 и конституционная реформа, пришедшиеся на 2020 год, привели к снижению на 4 п. п. доли уверенных в неизменности «завтрашнего дня», но уже в 2021 году она снова выросла до 40%. А вот с началом СВО в 2022 году этот показатель обвалился сразу на 31 п. п. и достиг своего минимума в 9%. Пожалуй, это одно из самых ярких свидетельств того, каким образом начало боевых действий на Украине повлияло на российское общество. В следующем 2023 году процент уверенных в том, что в России в ближайший год ничего принципиально не изменится, выросло до 18%. Это свидетельствует об активной адаптации части российского общества к новым социально-экономическим и политическим условиям. Похожая ситуация наблюдалась на начальном этапе наблюдения в 2014–2016 гг., когда

доля уверенных в неизменности ситуации в стране росла по мере приспособления к новой реальности.

Как и в случае с образом будущего, представления о коллективном «затрашном дне» имеют существенные различия в разных возрастных группах. Молодые респонденты демонстрируют заметно более оптимистичное видение будущего, чем представители старших возрастных групп. Если говорить о самой младшей когорте (до 25 лет), то её представления ещё и наиболее стабильны. Как видно из таблицы 2, в этой группе было больше всего уверенных в том, что страна будет успешно развиваться в следующем году, и меньше всего тех, кто ожидает трудных времён. Исключением является 2023 год, когда максимальная доля «оптимистов» была зафиксирована в возрастной группе «26–35 лет» (35% против 27% в среднем по выборке).

Таблица 2

Динамика мнений о перспективах развития России в ближайший год в разных возрастных категориях, % (темно-оранжевой заливкой выделены наибольшие значения по каждой строке, а светло-оранжевой – наименьшие значения)

Цели, к которым должна стремиться Россия в XXI в.	В среднем по выборке	до 25 лет	от 26 до 35	от 36 до 45	от 46 до 55	от 55 до 65	после 66 лет	
Страна будет развиваться успешно	2014	25	33	27	25	24	22	19
	весна 2016	20	25	20	19	17	23	16
	осень 2018	18	23	20	17	16	16	18
	2021	15	19	15	14	13	14	14
	2023	27	27	35	29	23	31	21
Страну ждут трудные времена	2014	49	38	48	51	52	56	55
	весна 2016	48	44	45	52	51	46	56
	осень 2018	47	40	45	46	50	54	47
	2021	45	40	42	45	45	48	52
	2023	55	45	46	55	59	55	60
Ничего принципиально не изменится	2014	26	29	25	24	24	22	26
	весна 2016	32	31	35	29	32	31	28
	осень 2018	35	37	35	37	34	30	35
	2021	40	41	43	41	42	38	34
	2023	18	28	19	16	18	14	19

Как видно из приведённой выше таблицы, наиболее пессимистично настроенными являются пожилые респонденты. В 2014 и 2018 гг. больше всего уверенных в том, что страну ждут трудные времена, было среди респондентов в возрасте от 55 до 65 лет (соответственно, 56 и 54% против 49 и 47% в среднем), а в 2016, 2021 и 2023 гг. – в возрастной когорте старше 65 лет (соответственно,

56, 52 и 60% против 48, 45 и 55% в среднем). Несмотря на то, что пожилые люди менее уверенно и более пессимистично смотрят на ближайшее будущее страны, их мнения не так сильно отличаются от позиции средневозрастных групп (36–45 и 46–55 лет), которые ближе всего к средним показателям по массиву.

Уровень образования, тип населённого пункта и самооценка материального положения также дифференцируют представления о перспективах развития России в ближайший год (см. рис. 4).

Чаще других ожидают трудных времён наиболее образованные респонденты, жители мегаполисов и посёлков городского типа, а также плохо материально обеспеченные россияне (см. рис. 4). Например, в 2023 году пессимистическое видение «завтрашнего дня» было у 60% опрошенных с несколькими высшими образованиями, что на 5 п. п. превосходит средний показатель по выборке (55%) и на 9 п. п. больше, чем в самой массовой группе опрошенных со средним образованием (46%). Среди жителей мегаполисов и ПГТ доля «пессимистов» составляла 64 и 62%, соответственно, что больше среднего на 9 и 7 п. п. Наконец, больше всего ожидающих трудных времён было среди респондентов, оценивающих своё материальное положение как плохое (67%, что на 12 п. п. больше, чем в среднем). В этих же группах было меньше всего уверенных в успешном развитии страны.

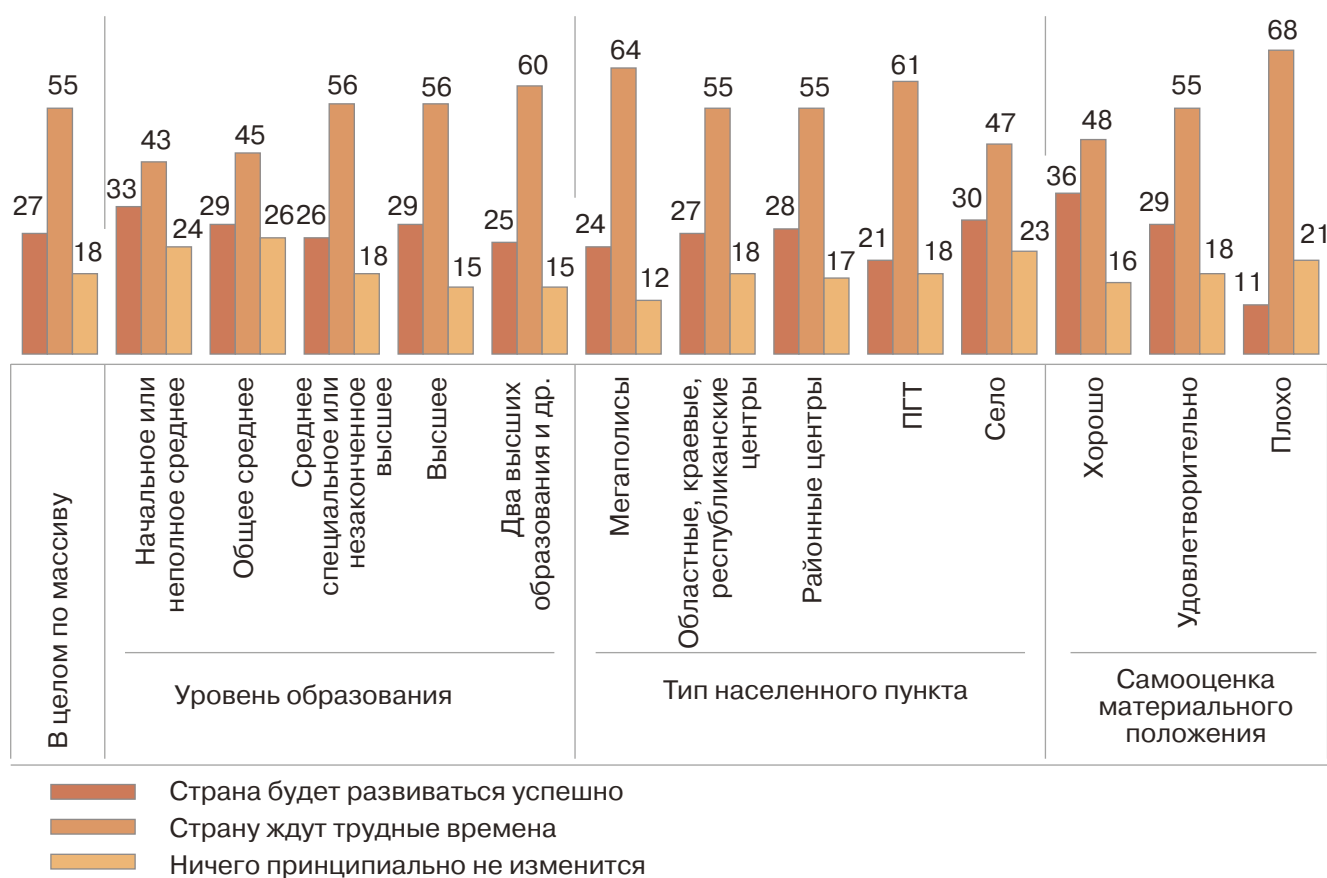

Рис. 4. Динамика мнений о перспективах развития России в ближайший год в зависимости от уровня образования, типа поселений и самооценки материальной обеспеченности, 2023 г., %

Наиболее оптимистично настроенными по отношению к ближайшему будущему России являются обладатели начального или неполного среднего образования (33% против 27% в среднем по выборке), жители сельской местности (30%) и хорошо материально обеспеченные (36%). Наконец, мнение о том, что в ближайшем будущем ничего принципиально не изменится, чаще других было характерно для респондентов со средним (26% против 18% в среднем) и начальным образованием (24%), а также для опрошенных, проживающих в сельских населённых пунктах (23%).

Таким образом, анализ данных массовых опросов общественного мнения наглядно демонстрирует наличие существенной динамики в оценках перспектив развития России в будущем году. Особо заметные колебания долей оптимистов и пессимистов приходятся на периоды социально-экономических и политических кризисов. Как правило, при вхождении в сложную социальную ситуацию уверенность россиян в успешном завтрашнем дне резко падает. Можно утверждать, что глубина этого спада отражает остроту и продолжительность кризисной ситуации. При этом восстановление оптимизма всегда происходит довольно медленно и не всегда достигает предыдущих уровней. В совокупности это подтверждает наше предположение о том, что представления о коллективном будущем демонстрируют существенную динамику в условиях социально-экономических и политических кризисов.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что проанализированные выше данные массовых опросов общественного мнения подтверждают нашу гипотезу о том, что образы будущего более устойчивы и меньше подвержены изменениям, в том числе по воздействию общенациональных кризисов, чем представления о будущем. По сути, они являются двумя различными уровнями восприятия массовым сознанием завтрашнего дня. Образы будущего остаются стабильными на протяжении многих лет, т. к. отражают глубокие культурные и ценностные ориентиры соответствующего общества. Они формируются на основе исторического опыта и коллективных идеалов, что делает их менее чувствительными к краткосрочным изменениям социально-экономической и политической ситуации. В свою очередь, представления о будущем носят более динамичный характер и реагируют на актуальные события. В периоды кризисов, таких как экономические потрясения или международные конфликты, резко усиливается пессимистическое видение будущего и снижается уверенность в успешности развития страны.

Для того, чтобы считать тезис о необходимости различения понятий «образ будущего» и «представления о будущем» окончательно доказанным, нужны более глубокие изыскания, демонстрирующие их существенно различное социальное содержание. Одним из направлений таких исследований может стать анализ других операционализаций этих концептов. Вместе с тем уже сейчас

можно говорить о важности различения при анализе восприятия будущего в массовом сознании долгосрочных ценностных ориентиров (образов будущего) и краткосрочных ожиданий (представлений о будущем). Такая дифференциация позволяет более точно понимать, как общество реагирует на социально-экономические и политические изменения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анохин П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М. : Медицина, 1968. 547 с.
2. Гуревич А. Я. Представления о времени в средневековой Европе // История и психология ; под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. И. Анцыферовой. М. : Изд. «Наука», 1971. С. 159–198.
3. Желтикова И. В. Образ будущего : монография. Орёл : Изд-во «Картуш», 2021. 164 с. ISBN 978-5-9708-0901-6. EDN [DSHHFS](#).
4. Романовский Н. В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. 2015. № 11 (379). С. 13–22. EDN [VBZYQR](#).
5. Polak F. The Image of the Future. NY : Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 319 p. ISBN 0-444-41053-8.
6. Bell W. Public Sociology and the Future: The Possible, the Probable, and the Preferable // Handbook of Public Sociology / Ed. by V. Jeffries. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2009. P. 89–105.
7. Rubin A. Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing times // Futures. 2013. № 45. P. 38–44. DOI [10.1016/j.futures.2012.11.011](#).
8. Krafft A. M. Our Hopes, Our Future: Insights from the Hope Barometer. Berlin, Heidelberg : Springer Berlin Heidelberg, 2023. 179 p. ISBN 978-3-662-66204-5. DOI [10.1007/978-3-662-66205-2](#).
9. Цой Л. Н. «Будущее» как социологическое понятие // Мир психологии. 2013. № 2 (74). С. 120–134. EDN [QANUSR](#).
10. Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А. Представления молодёжи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](#). EDN [HMLFLO](#).
11. Абрамова С. Б. Образ будущего в представлениях современных подростков: ожидания и страхи // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 3. С. 97–106. DOI [10.15688/lp.jvolsu.2017.3.12](#). EDN [YVCQLJ](#).
12. Вилков А. А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодёжи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22, № 1. С. 101–107. DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107](#). EDN [OJUWVV](#).
13. Ильичева М. В. Образ будущего страны в представлениях студенческой молодёжи России: трансформация в условиях перемен и кризисных потрясений // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 39–56. DOI [10.24412/2071-6141-2023-3-39-56](#). EDN [BVLONY](#).
14. Батанина И. А., Лаврикова А. А., Шумилова О. Е. Образ будущего страны: восприятие региональным сообществом // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 13–19. DOI [10.24412/2071-6141-2023-1-13-19](#). EDN [GJSXBM](#).

Сведения об авторе

Р. В. Петухов

кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: 7618-2300

Статья поступила в редакцию 08.11.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024;
принята к публикации 28.01.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.1.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.1)

IMAGES AND EXPECTATIONS OF THE FUTURE IN THE DYNAMICS OF MASS CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS IN 2014–2023

Roman Vladimirovich Petukhov

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

petukhovrv@yandex.ru,

ORCID [0000-0003-0940-9315](https://orcid.org/0000-0003-0940-9315)

For citation: Petukhov R. V. Images and expectations of the future in the dynamics of mass consciousness of Russians in 2014–2023. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1):7–24. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.1).

Abstract. The article is devoted to the analysis of the distinction between the concepts of “image of the future” and “expectations of the future” as important theoretical constructs for analyzing mass consciousness. The author proposes to understand “images of the future” as stable conceptual frameworks that reflect the cultural and value orientations of a given society. “Expectations of the future” are defined in the article as situational anticipations that respond to short-term challenges such as socio-economic and political crises. Based on this distinction, the author formulates the hypothesis that images of the future are more resistant to external influences than collective and individual expectations of the future. To test this hypothesis, the author refers to data from mass public opinion surveys conducted by the Institute of Sociology, FCTAS RAS, from 2014 to 2023. These data illustrate how the socio-economic and political crises of the last decade have affected Russians’ images and expectations of the future. One possible operationalization of the theoretical concept of the “image of the future” is examined through respondents’ answers to the question about Russia’s development goals in the 21st century. Analysis of the dynamics of these indicators reveals that the most prevalent image of the future is that of an economically developed state that influences international affairs through political means. The relevance of this image for the majority of respondents has remained constant over the past decade. As one possible representation of collective expectations for the future, the article analyzes Russians’ opinions about the country’s prospects in the near future. The dynamics of responses to this question show that perceptions of the “tomorrow” are significantly influenced by the socio-

economic and political situation. During crises, the proportion of pessimistic respondents increases, while those who believe in the successful development of the country or hope for the preservation of the status quo decreases. The analysis presented in the article allows the author to conclude that there are grounds for a clearer distinction between the concepts of “image of the future” and “expectations of the future” and highlights the need for further research to validate the hypothesis.

Keywords: future studies, futurology, future, image of the future, ideas about the future, social changes

Acknowledgments: the study was conducted on the topic “Personal future and the future of the country in the mass perceptions of Russians in 2014-2024: dynamics, factors of change, impact on social behavior” (registration number 124091200014-0) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

REFERENCES

1. Anoxin P. K. Biology and neurophysiology of conditioned reflex [Biologiya i nejrofiziologiya uslovnogo refleksa]. Moscow: Medicina; 1968. 547 p. (In Russ.).
2. Gurevich A. Ya. Ideas about time in Medieval Europe [Predstavleniya o vremeni v srednevekovoj Evrope] In: B. F. Porshnev and L. I. Antsyferova, eds. History and psychology. Moscow: Nauka; 1971. P. 159–198. (In Russ.).
3. Zheltikova I. V. The Image of the future. Orel: Kartush; 2021. 164 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9708-0901-6.
4. Romanovskij N. V. Future as a problem of contemporary sociology. *Sociological journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2015;(11):13–22. (In Russ.).
5. Polak F. The Image of the Future. New York: Elsevier Scientific Publishing Company; 1973. 319 p. ISBN 0-444-410553-8.
6. Bell W. Public sociology and the future: the possible, the probable, and the preferable. In: V. Jeffries, ed. Handbook of Public Sociology. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers; 2009. P. 89–105.
7. Rubin A. Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing times. *Futures*. 2013;(45):38–44. DOI [10.1016/j.futures.2012.11.011](https://doi.org/10.1016/j.futures.2012.11.011).
8. Krafft A. M. Our hopes, our future: insights from the hope barometer. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg; 2023. 179 p. ISBN 978-3-662-66204-5. DOI [10.1007/978-3-662-66205-2](https://doi.org/10.1007/978-3-662-66205-2).
9. Tsoy L. N. Future as a sociological concept. *The world of psychology=Mir psixologii*. 2013;2(74):120–134. (In Russ.).
10. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Youth views about the future of the country in the projection of culture. *Science. Culture. Society=Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2023;16(3):39–52. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1).
11. Abramova S. B. The way of the future in the views of today's youth: expectations and fears. *Logos et Praxis*. 2017;16(3):97–106. (In Russ.). DOI [10.15688/lp.jvolsu.2017.3.12](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2017.3.12).
12. Vilkov A. A. Value and ideological factor of formation of the image of Russia's future among modern youth (regional case). *News of Saratov University. New series. Series: Sociology. Politology=Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya*. 2022;22(1):101–107. (In Russ.). DOI [10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107](https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107).
13. Ilyicheva M. V. The image of the country's future in the views of russian students: transformation in the face of changes and crisis shocks. *News of Tula State University*.

Humanities=Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauk. 2023;(3):39–56. (In Russ.). DOI [10.24412/2071-6141-2023-3-39-56](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-3-39-56).

14. Batanina I. A., Lavrikova A. A., Shumilova O. E. The image of the country's future: perception by the regional community. *News of Tula State University. Humanities=Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauk.* 2023;(1):13–19. (In Russ.). DOI [10.24412/2071-6141-2023-1-13-19](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-1-13-19).

Information about the Author

R. V. Petukhov

Candidate of Law,

Leading Researcher

ResearcherID: [P-7947-2016](https://orcid.org/0009-0001-7947-2016)

Scopus AuthorID: [57202086532](https://orcid.org/0009-0001-7947-2016)

The article was submitted 08.11.2024; approved after reviewing 25.12.2024; accepted for publication 28.01.2025.

УДК 316.3, 316.4
DOI: [10.19181/snsp.2025.13.1.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.2)
EDN: VDKRDO

Научная статья

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ДОВЕРИЕ, ОБРАЗ БУДУЩЕГО СТРАНЫ И ЛИЧНОГО БУДУЩЕГО

Игорь Сергеевич Кузнецов

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

kyznetsov.igor@gmail.com,

ORCID [0000-0002-4477-5233](https://orcid.org/0000-0002-4477-5233)

Для цитирования: Кузнецов И. С. Институциональное доверие, образ будущего страны и личного будущего // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 25–47. DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.2). EDN VDKRDO.

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь между институциональным доверием, образом будущего страны и образом личного будущего. В последнее время представители различных дисциплин уделяют повышенное внимание концепту «образ будущего». Он имеет важное значение для осознания прошлых, современных и будущих процессов и событий, лежит в основе управленческих и стратегических решений, является одним из ключевых элементов развития культуры и общества. Интерес исследователей фокусируется главным образом на социальных, политических и экономических обстоятельствах его формирования. Доверие редко встречается среди них, хотя, как показывают немногочисленные исследования, оно способно оказывать значимое влияние на благоприятное развитие общества, оптимистическое видение будущего, возникновение долгосрочных ориентаций. В статье использованы данные общероссийских опросов, которые на регулярной основе с 2014 по 2023 гг. проводятся Институтом социологии ФНИСЦ РАН и репрезентируют взрослое население Российской Федерации по параметрам пола, возраста, образования и типа населённого пункта. На основе эмпирического материала показано, что доверие к институтам связано с формированием и воспроизводством позитивного образа будущего страны и образа личного будущего, тогда как недоверие к ним – с возникновением негативных представлений о будущем. В то же время наличие и сила такой связи зависят от целевых функций и особенностей конкретного социального института. Доверие к государственным институтам, в отличие от доверия к общественным, имеет более устойчивую связь с видением будущего. Социально-экономические, социально-демографические и территориальные факторы по-разному обуславливают взаимосвязь между институциональным доверием и представлениями о будущем. Значимость подобных факторов зависит от специфики социальных институтов: государственные институты в большей степени склонны игнорировать их эффекты, чем общественные. Кроме того, указанная взаимосвязь частично определяется контекстом, то есть зависит от событий и процессов, происходящих в обществе и мире. Они приобретают особое значение на фоне различных кризисов – политических, военных, эпидемических и других. Согласно результатам исследования, в такие периоды связь институционального доверия с позитивными образами будущего становится менее заметной.

© Кузнецов И. С., 2025

Ключевые слова: образ будущего, образ будущего страны, образ личного будущего, институциональное доверие, доверие

Благодарности: исследование выполнено в рамках госзадания ФНИСЦ РАН 2024 г. «Личное будущее и будущее страны в массовых представлениях россиян в 2014–2024 гг.: динамика, факторы изменений, влияние на социальное поведение» (Рег. номер: 124091200014-0) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Введение

Динамизм, постоянные изменения и неопределённость современной жизни всё чаще ставят под сомнение устоявшиеся способы её осмысления. В. Белл и Дж. Мау полагают, что намного полезнее было бы рассматривать общество не через концепт установления и поддержания порядка, а через систему управления, в рамках которой решающее значение отводилось бы образу будущего [1, р. 2] – взаимодействию идей, убеждений, символов и ценностей, а также преднамеренных усилий человека, направленных на долгосрочное целеполагание и прогнозирование. В свою очередь Ф. Полак рассматривает данный феномен как главный конституирующий элемент культуры и общества. Он утверждает: «Взлёт и падение образов будущего предшествуют или сопровождают взлёт и падение культур. Пока имидж общества позитивен и процветает, культура также находится в полном расцвете. Однако, как только образ начинает разрушаться и терять свою жизненную силу, культура долго не просуществует» [2, р. 19]. С его точки зрения, выживает такая культура, которая способна дать своевременные и адекватные ответы на вызовы, исходящие не только из прошлого и настоящего, но также из будущего.

Поэтому неудивительно, что в последнее время наблюдается повышенный интерес к изучению образа будущего со стороны зарубежных [3; 4; 5] и отечественных [6; 7; 8] исследователей. Причём интерес к изучению данного феномена лежит в плоскости междисциплинарных исследований – социологических [9], политических [10], психологических [11] и других. В рамках подобных исследований образ будущего рассматривается в контексте индивидуальных и коллективных ожиданий, которые касаются общества, социальной группы или человека [4; 12]. Повышенное внимание уделяется также факторам, влияющим на возникновение представлений о будущем, в особенности социально-демографическим, социально-психологическим, политическим и экономическим (см., напр.: [6; 7; 13]). Доверие редко встречается среди них несмотря на то, что способно играть важную роль в становлении различных картин будущего.

Например, в немногочисленных работах показано, что высокий или низкий уровень доверия к политическим институтам выступает индикатором устойчивого или неустойчивого социально-политического развития страны, на основе которого складывается определённое видение будущего [13]. Институциональное и генерализированное доверие положительно связаны

с социальным оптимизмом, с долгосрочными ориентациями личности и инициативами государства, тогда как недоверие – с социальным пессимизмом и в целом с сокращением горизонта планирования [11]. Межличностное доверие создаёт основы для успешного возникновения и достижения образов личного будущего: доверие школьника своему учителю позволяет ему в большей степени ориентироваться на будущее – иметь лучшие способности к планированию, формулировать более чёткие цели и успешно преодолевать препятствия на пути к их достижению [14].

Результаты анализа данных, представленные в статье, дополняют эти исследования. В частности, рассматривается вопрос о том, как институциональное доверие связано с образом будущего страны и образом личного будущего.

Доверие и образ будущего: теоретическая перспектива

«Образ будущего» как концепт не получил широкого распространения в социологической теории. Его употребление в социально-гуманитарном дискурсе часто носит политико-правовую, социально-политическую и социально-психологическую коннотации. В то же время вторая часть этого концепта никогда не выпадала из поля зрения социологов. Обращение к интуициям и идеям, которые связаны с будущим, имеет достаточно долгую традицию в социологии: первоначально интерес к подобным идеям появляется в классических трудах, позднее они становятся неотъемлемой частью современных теорий развития общества, более отчётливое воплощение получают уже в футурологических подходах и концепциях (см., напр.: [8]). Кроме того, в научном сообществе периодически возникают попытки говорить о социологии будущего как о необходимой и важной отрасли социологического знания [15]. Однако во всех этих дискурсах о будущем часто опускаются или остаются недостаточно проработанными те аспекты данного феномена, которые касаются «образа». Такая ситуация сохраняется, несмотря даже на то, что в рамках социальной мысли известны интересные и продуктивные попытки его концептуализации [1; 2].

Одна из первых подобных теоретических работ была предложена более полувека назад социологом и социальным философом Фредом Полаком. Образ будущего для него является многосоставным концептом, включающим рефлексивные, эмоциональные и аксиологические аспекты. Содержание данного феномена составляют планы, ожидания, мифы, мечты, идеалы, страхи, ценности и т. п. Кроме того, образ имеет отношение не только к будущему, но также к прошлому и настоящему: он возникает на основании того, что произошло, происходит и может (или не может) произойти [2, p. 16]. Поэтому для каждого исторического периода времени, для каждой эпохи, для каждого общества характерно своё собственное видение будущего [2, p. 18].

Одной из основных функций образа будущего является преодоление неизвестных процессов, явлений и событий, которые могут когда-то появиться

или произойти. Если выражаться точнее, то речь идёт скорее о предвосхищении будущего посредством воображения, фантазии планирования и прочего, нежели о реальном преодолении. Полак об этом пишет следующим образом: «Этот образ всегда работает как обратная проекция – из будущего в настоящее. Даже если он есть или кажется смутным воспоминанием из далёкого прошлого, он действует как предзнаменование далёкого будущего» (цит. по: [16]). Причём влияние образа на приближение самого будущего скорее непредсказуемо, чем однозначно и прямолинейно.

Доверие – ещё одно понятие, роль которого предполагает заключение в скобки неизвестного. Оно также, как и образ будущего, сопряжено со всеми тремя временными измерениями – с прошлым, настоящим, будущим. Более того, в зависимости от акцента на том или ином временном измерении появляется возможность говорить о разных подходах к пониманию природы данного феномена. Так, она может быть связана с опытом, знанием, привычкой, которые выступают в качестве «прочного» основания для оценки надёжности объекта доверия [17; 18], либо тяготеть к оправданию определённых (благоприятных, позитивных и др.) ожиданий, связанных с будущими действиями, поступками, решениями, событиями (см., напр.: [19; 20]), либо рассматриваться в качестве «моста» между «прошлым» и «будущим», «известным» и «неизвестным» – выступать в качестве такого элемента, который позволяет соединять «оценку надёжности» с «оправданием ожиданий» [21].

В отличие от образа будущего, доверие работает скорее как проекция из «настоящего в будущее», а не наоборот – из «будущего в настоящее». То есть оно становится актуальным в ситуации, в которой будущее как будто уже находится в настоящем и человеку приходится в такой ситуации как-то жить и действовать. В этом смысле доверие может рассматриваться как «лекарство» от неопределённого будущего [22, р. 60] или «стратегия упрощения» мира [23, р. 38].

Итак, оба понятия – «образ будущего» и «доверие» – имеют отношение к будущему, причём оно выступает для них важной конститутивной характеристикой. Вероятно, именно по этой причине образ будущего вполне способен стать благоприятной почвой для появления долгосрочных доверительных отношений [11], собственно, как и наоборот – доверие может стать основанием для формирования образов будущего. Например, в рамках первого случая возникновение и поддержание доверия зависят от доброжелательных, справедливых, оптимистичных ожиданий относительно возможного поведения других людей.

В рамках второго случая роль доверия в социальных науках нередко сводится к обеспечению социального порядка, легитимности политической системы, эффективной работе социальных институтов, возникновению прочных отношений и т. п. В свою очередь, отсутствие доверия или наличие недоверия приводит к беспорядку, хаосу, отчуждению, разочарованию, неуверенности и в конечном итоге к смутным и тревожным представлениям о будущем. Неслучайно Э. Гидденс говорит о базовом доверии как об онтологической безопасности и об экзистенциальной тревоге как о его противоположности [24, с. 232]. Исходя из этого,

доверие в силу своих функциональных особенностей выступает фундаментом для возникновения положительных образов развития общества и индивида, тогда как недоверие приводит к формированию отрицательных образов.

В данном исследовании особое внимание заслуживает институциональное доверие. Оно основано на способности институтов достигать ожидаемых результатов, то есть быть эффективными, справедливыми, открытыми, предсказуемыми (см., напр.: [20; 25]). По мнению Н. Лумана, институциональное доверие, в отличие, например, от межличностного, в большей степени придаёт уверенность людям в завтрашнем дне, помогает им сформировать устойчивое отношение к случайным и непредсказуемым событиям, которые могут произойти в современном мире и которые не ограничиваются только личными отношениями и переживаниями [20, р. 58]. Иными словами, институциональное доверие в отличие от межличностного играет более существенную роль в формировании представлений о будущем, особенно если эти представления в меньшей степени затрагивают жизненные миры конкретных индивидов. Учитывая рассмотренные теоретические предпосылки, мы предполагаем, что институциональное доверие связано с позитивными образами будущего страны и образами личного будущего, тогда как институциональное недоверие – с негативными.

Эмпирическая база. Результаты анализа данных

Институциональное доверие и образ будущего страны. В статье используются данные общероссийских опросов, которые проводятся на регулярной основе с 2014 по 2023-е гг.¹ Они репрезентируют взрослое население Российской Федерации по региону проживания, а внутри него – по полу, возрасту, уровню образования и типу поселения². На протяжении всего мониторинга респондентам задавались два вопроса – один об образе личного будущего, другой – об образе будущего страны. В первом случае вопрос касается положительных и отрицательных представлений о потенциальном экономическом положении респондентов и звучит следующим образом: «Как Вы оцениваете свои перспективы в материальном плане на ближайший год?». Во втором случае вопрос предполагает оценку позитивного и негативного будущего страны: «Как Вы оцениваете перспективы развития России в ближайший год?»³ В свою очередь, для измерения

---

¹ Опросы были проведены по общероссийской выборке: в 2014–2018 гг. n = 4000, в 2019–2023-е гг. n = 2000.

² Исследования проводились в рамках проектов, которые были реализованы Институтом социологии ФНИСЦ РАН при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Российского научного фонда.

³ В исследованиях разных лет помимо двух указанных показателей образа будущего присутствуют и другие вопросы, которые можно отнести к оценкам данного феномена. Однако именно выбранные вопросы повторяются почти неизменным образом во всех проведённых опросах. Это позволяет проследить интересующую нас связь в динамике лет. Вместе с тем содержание этих вопросов допускает позитивную и негативную трактовку образа будущего, что представляет основной предмет исследования.

институционального доверия респондентов регулярно спрашивали об их доверии определённым государственным и общественным институтам. Этот вопрос присутствует практически во всех волнах мониторингового исследования.

Сначала рассмотрим, как соотносится институциональное доверие с представлениями о будущем нашей страны. Результаты опроса за 2023 год демонстрируют наличие сильной взаимосвязи между двумя этими переменными.

В таблице 1 представлены данные об уровне доверия институтам совокупностей респондентов, по-разному оценивающих перспективы развития страны в ближайшем будущем. Анализировалось доверие к восьми институтам, среди которых первым четырём оказывается наибольшее доверие, тогда как остальным четырём – наименьшее ¹.

Таблица 1
Институциональное доверие и образ будущего страны, 2023 г., %

Государственные и общественные институты	Оценка перспектив развития России в ближайший год								
	Страна будет развиваться успешно n = 549 (28%)			Страну ждут трудные времена n = 1091 (54%)			Ничего принципиальным образом не изменится n = 360 (18%)		
	Институциональное доверие								
	Доверяют	Не доверяют	Разница, п. п.	Доверяют	Не доверяют	Разница, п. п.	Доверяют	Не доверяют	Разница, п. п.
<i>Четыре института, которым чаще доверяют</i>									
Президент России	33	8	25	49	74	25*	18	18	0
Российская армия	31	15	16	51	66	15*	17	19	2*
Российская академия наук	31	20	11	52	61	9*	17	19	2*
Церковь	32	20	12	50	61	11*	18	19	1*
<i>Четыре института, которым чаще не доверяют</i>									
Судебная система	38	20	18	44	61	17*	17	18	1*
Государственная дума России	37	19	18	45	62	17*	18	18	0
Пресса (газеты, журналы)	38	23	15	44	60	16*	18	18	0
Политические партии	38	22	16	43	60	17*	19	18	1

Примечание: * здесь и далее во всех таблицах показывает, что значения недоверия превышают значения доверия.

¹ В исследованиях, проводившихся в период с 2014 по 2023 год, вопрос о доверии к институтам включал три варианта ответа: «Доверяю», «Не доверяю» и «Затрудняюсь ответить». Исключение составляет опрос 2021 года, в котором были доступны только первые два варианта. Ответ «Затрудняюсь ответить» исключён из анализа. Объём выборки – 2000 респондентов.

Выбранные институты стабильно относятся к «лучшим» и «худшим» по уровню доверия (входят в топ-5) на протяжении почти всех волн мониторинга (см. подробнее: [26]). Независимо от того, какой ранг имеет социальный институт – высокий или низкий, – респонденты, которые доверяют ему, чаще выбирают вариант ответа «Страна будет развиваться успешно», те же, кто не доверяют, чаще предпочитают вариант «Страну ждут трудные времена». Причём разница между доверием и недоверием в том и другом случае существенна, что исключает возможность ошибки наблюдения и указывает на статистическую значимость выявленной связи¹. Например, в рамках института «Президент России» разрыв между доверием и недоверием в отношении позитивного образа будущего страны равен 25 п. п., тогда как относительно негативного образа разрыв составляет 25 п. п., в рамках института «Российская армия» – 16 и 15 п. п., «Политические партии» – 16 и 17 п. п., «Пресса» – 15 и 16 п. п. соответственно.

Однако насколько такая связь является устойчивой? Чтобы ответить на этот вопрос, сначала рассмотрим данные в динамике лет. В таблице 2 показана выявленная в период с 2014 по 2023 г. разница между доверием и недоверием к разным социальным институтам респондентов², имеющих позитивное представление о будущем страны³.

Данные таблицы 2 позволяют сделать ряд выводов. Во-первых, если анализировать только средние значения разрыва по каждому институту за все наблюдаемые периоды, то можно заметить наличие значимой взаимосвязи между институциональным доверием и образом будущего. Причём доверие положительно связано с «успешным развитием страны», тогда как недоверие – с «наступлением трудных для неё времён».

Во-вторых, наибольшая разница между доверием и недоверием характерна для государственных институтов: президента, правительства, руководителей субъектов РФ, органов местного самоуправления, Государственной думы, Совета Федерации, а также политических партий. Средние показатели разрыва как в рамках позитивного, так и в рамках негативного сценария будущего равны или превышают 20 п. п.

---

¹ Во всех представленных случаях критерий хи-квадрат Пирсона (асимптотическая значимость двусторонняя) равен 0,000.

² Чтобы сравнить значимость и стабильность связи доверия (недоверия) к различным социальным институтам с образами будущего, дополнительно были рассчитаны средние арифметические значения разниц между уровнем доверия и недоверия респондентов к этим институтам. Среднее значение получено путём простого сложения разниц, выявленных в ходе девяти волн мониторинга (с 2014 по 2023 гг.). Затем полученная сумма была разделена на количество волн. Следует отметить, что разброс данных относительно среднего значения невелик.

³ Вопрос «Как Вы оцениваете перспективы развития России в ближайший год?» предполагает три варианта ответа: «Страна будет развиваться успешно», «Страну ждут трудные времена», «Ничего принципиальным образом не изменится». Однако в ряде волн мониторинга к этим трём вариантам добавлялся ещё один – «Затрудняюсь ответить». Он присутствует в исследованиях 2021, 2020, 2019, 2016 и 2014 гг., но отсутствует в исследованиях 2023, 2018, 2017 и 2015 гг. Указанный вариант ответа нами не учитывается при сопоставлении результатов опросов разных лет.

Таблица 2

Институциональное доверие и образ позитивного будущего страны в динамике лет, разница между доверием и недоверием, п. п.

Государственные и общественные институты	Страна будет развиваться успешно										Страну ждут трудные времена, средн. знач.
	2023 июнь	2021 март	2020 сентябрь	2019 июнь	2018 октябрь	2017 октябрь	2016 октябрь	2015 октябрь	2014 октябрь	Среднее значение	
Президент России	25	16	24	23	25	31	26	23	26	24	30*
Правительство России	17	16	25	26	32	32	28	21	25	25	26*
Руководитель республики, губернатор области, края	12	12	20	24	26	28	24	18	19	20	23*
Органы местного самоуправления	14	12	20	21	27	29	23	16	20	20	23*
Государственная дума России	18	17	29	25	31	34	25	24	23	25	25*
Совет Федерации	19	17	29	29	30	35	21	22	23	25	26*
Политические партии	16	15	24	13	25	28	20	18	18	20	19*
Полиция, органы внутренних дел	14	10	23	13	20	24	13	18	19	17	19*
Пресса (газеты, журналы)	15	11	18	14	19	17	8	7	4	13	15*
Телевидение	16	8	15	12	20	16	6	7	4	12	14*
Российская армия	16	7	11	13	12	18	15	16	15	14	16*
Профсоюзы	12	7	13	13	17	15	21	16	10	14	15*
Судебная система	18	9	22	15	24	26	14	16	14	18	19*
Церковь	12	6	13	12	15	10	13	8	4	10	12*
Общественные организации	9	5	9	13	11	13	11	9	4	9	11*
Российская академия наук	11	7	13	14	12	16	14	13	3	11	14*

Примечание: здесь и далее по тексту статьи средние значения по негативным ожиданиям от будущего страны приводятся для сравнения; разработочные данные оставлены за пределами таблицы.

В-третьих, начиная с 2021 года относительно вышеперечисленных государственных и политических институтов наблюдается сокращение разрыва, которое в ряде случаев уменьшается на 10 п. п. (исключение составляет президент, в отношении которого уже в 2023 году этот показатель восстанавливается до средних значений). То есть в последние годы взаимосвязь между институциональным доверием и благоприятными ожиданиями будущего ослабевает. Кроме того, выделяется ещё один период, когда разница между доверием и недоверием наименьшая, – это 2014–2015 гг. Здесь снижение значений разрыва происходит

главным образом за счёт общественных институтов (прессы, телевидения, науки, церкви, общественных организаций). По всей видимости, усиление или ослабление взаимосвязи между институциональным доверием и образом будущего страны контекстно обусловлено – зависит от того, носят ли события и процессы деструктивный или конструктивный характер для человека, страны и мира. События, которые происходили в 2014–2015 гг. и предшествовали им, сложно охарактеризовать как «спокойные»: «крымская весна», «война санкций», «военная операция в Сирии» и т. д.; собственно, «спокойствием» не отличаются и 2021–2023 гг.: «пандемия COVID-19», «СВО».

В-четвёртых, доверие к таким социальным институтам, как церковь, Российская академия наук и общественные организации, в меньшей степени, чем доверие к остальным институтам, связано с формированием образов будущего страны. Средние значения разрыва в рамках позитивного сценария (вариант ответа «Страна будет развиваться успешно») не превышают 11 п. п., негативного («Страну ждут трудные времена») – 12 п. п. Кроме того, в отношении этих трёх институтов, а также телевидения и прессы, наблюдаются периоды (2014 и 2021 гг.), когда разрыв минимален (3–5 п. п.). Примечательно, что два института – церковь и наука – «традиционно» имеют сравнительно высокие показатели по уровню доверия (не только за 2023 год, но и за предыдущие годы [26]), и, несмотря на это, доверие к ним сравнительно слабо и неустойчиво связано с возникновением положительных представлений о будущем.

Рассмотрим теперь, насколько связь между переменными остаётся стабильной в зависимости от социально-экономических, социально-демографических и территориальных факторов (см. табл. 3). Опять же, если анализировать только усреднённые значения разрыва между доверием и недоверием к социальным институтам по всем группам, то они превышают возможную ошибку наблюдения. В то же время эти показатели не отличаются постоянством. На них сказываются как особенности социальной группы, так и специфика институтов.

Наиболее высокие средние значения разрыва между доверием и недоверием наблюдаются в отношении опрошенных в возрасте 51–65 лет (21 п. п. для варианта ответа «Страна будет развиваться успешно»), с высшим образованием (19 п. п.), относящихся к низкодоходным или медианной по доходу группам (17 и 18 п. п. соответственно), проживающих в мегаполисах (22 п. п.). Сравнительно низкие средние значения разрыва характерны для респондентов возрастной группы 41–50 лет (12 п. п.), без профессионального образования (13 п. п.), относящихся к высокодоходным группам (11 п. п.), проживающих в региональных центрах (15 п. п.). Заметим, что приведённые высокие и низкие показатели, вероятно, могут меняться в зависимости от набора тех институтов, которые включаются в анализ.

Говоря о специфике институтов, следует отметить, что при формировании позитивного сценария будущего роль доверия к президенту России наиболее значимая, чем доверие к другим институтам: разница между доверием и недоверием к этому институту в большинстве случаев значительно превышает

Таблица 3

Институциональное доверие и позитивный образ будущего страны респондентов, сгруппированных по социально-экономическим, социально-демографическим и территориальным параметрам, 2023 г., разница между доверием и недоверием, п. п.

Группы респондентов по социально-экономическим, социально-демографическим и территориальным параметрам	Страна будет развиваться успешно									
	Президент России	Российская академия наук	Российская армия	Церковь	Государственная дума	Политические партии	Пресса	Судебная система	Среднее значение	Страну ждут трудные времена, средн. знач.
<i>Возраст, лет</i>										
18–30	31	6	9	17	8	11	12	14	14	17*
31–40	27	11	21	13	19	15	21	22	19	10*
41–50	16	15	13	9	9	17	8	10	12	13*
51–65	32	12	25	11	28	22	19	22	21	20*
66+	18	9	12	18	21	13	19	18	16	22*
<i>Образование</i>										
Без профессионального образования	27	11	0,4	5	17	13	17	18	13	18*
Среднее специальное или незаконченное высшее	23	9	19	14	16	11	15	19	16	14*
Высшее, два высших и др.	26	14	20	14	21	22	16	18	19	17*
<i>Доход относительно поселенческой медианы ¹</i>										
Низкодоходные (до 0,75 медиан)	19	15	18	15	18	13	16	18	17	16*
Медианная (от 0,75 до 1,25 медиан)	29	6	15	12	22	22	17	19	18	18*
Среднедоходная (от 1,26 до 2 медиан)	21	9	16	10	10	10	13	19	13	12*
Высокодоходные (от 2 медиан и выше)	23	12	9	1*	15	10	11	5	11	7*
<i>Тип населённого пункта ²</i>										
Мегаполисы	23	18	28	24	29	19	16	18	22	29*
Областные, краевые, республиканские центры	23	9	17	10	16	16	7	20	15	15*
Районные центры, города, не являющиеся районными центрами	25	12	12	13	18	13	20	16	16	18*
Село	30	10	14	10	15	19	20	18	17	8*

Примечание: средние значения по негативным ожиданиям от будущего страны приводятся для сравнения; разработочные данные оставлены за пределами данной таблицы.

¹ Среднемесячный доход респондента (зарплата, пенсия, приработки и т. д.). Для выделения 4 доходных слоёв использовалась не медиана доходного распределения по стране в целом, а медиана в различных типах поселений – столицах (Москва и Санкт-Петербург), центрах субъектов РФ, районных центрах и сёлах.

² По причине недостаточного объёма выборки не рассматриваются респонденты, проживающие в посёлках городского типа.

средние показатели по группе. Иными словами, респонденты, которые доверяют президенту, чаще всего имеют благоприятные ожидания относительно будущего страны, причём независимо от того, к какой возрастной когорте они принадлежат, какое образование имеют, какую заработную плату получают и в каком населённом пункте постоянно проживают.

Институциональное доверие и образ личного будущего. В исследованиях 2014–2019 гг. вопрос об образе личного будущего – «Как Вы оцениваете свои перспективы в материальном плане на ближайший год?» – предполагал три варианта ответа («Должны улучшиться», «Скорее ухудшатся, чем улучшатся», «Останутся без изменений»), тогда как в опросах 2020, 2021 и 2023 гг. – уже пять («Должны улучшиться», «Скорее улучшатся», «Останутся без изменений», «Скорее ухудшатся», «Должны ухудшиться»). Для обеспечения сопоставимости результатов исследования была редуцирована пятибалльная шкала до трёхбалльной через суммирование отдельно положительных и отрицательных ответов.

В таблице 4 представлено распределение институционального доверия в разрезе позитивного образа личного будущего.

Таблица 4

Институциональное доверие и образ личного будущего, 2023 г., %

Государственные и общественные институты	Оценка личных перспектив в материальном плане на ближайший год								
	Должны улучшиться n = 581 (29%)			Скорее ухудшатся, чем улучшатся n = 409 (21%)			Останутся без изменений n = 1010 (50%)		
	Уровень институционального доверия								
	Доверяют	Не доверяют	Разница, п. п.	Доверяют	Не доверяют	Разница, п. п.	Доверяют	Не доверяют	Разница, п. п.
<i>Четыре института, которым чаще доверяют</i>									
Президент России	32	18	14	15	39	24*	53	43	10
Российская армия	32	21	11	15	36	21*	53	43	10
Российская академия наук	30	26	4	17	27	10*	53	47	6
Церковь	29	28	1	15	28	13*	56	44	12
<i>Четыре института, которым чаще не доверяют</i>									
Судебная система	38	23	15	10	27	17*	53	49	4
Государственная дума	37	23	14	11	27	16*	52	50	2
Пресса (газеты, журналы)	35	26	9	10	25	15*	54	49	5
Политические партии	39	24	15	11	25	14*	49	51	4

При поверхностном рассмотрении может показаться, что доверие к разным государственным и общественным институтам надёжно связано не только с положительным образом будущего страны, но также и с положительным образом личного будущего. Говоря конкретнее, респонденты, доверяющие социальным институтам, чаще полагают, что их «перспективы в материальном плане должны улучшиться на ближайший год», те же, кто испытывают к ним недоверие, чаще считают, что «перспективы в материальном плане скорее ухудшатся, чем улучшатся»¹. Причём такая тенденция не обусловлена рангом доверия институту, она сохраняется независимо от того, относится он к четырём «лучшим» или «худшим» по уровню доверия.

Исключение составляют два общественных института – наука и церковь, в отношении которых наблюдается неоднозначный уровень доверия при формировании позитивного образа личного будущего. В отношении науки разница между доверием и недоверием составляет 4 п. п., церкви – 1 п. п. То есть речь идёт либо об очень слабой связи, либо о её отсутствии.

Эрозия взаимосвязи между разными видами институционального доверия и образом личного будущего становится более очевидной при анализе в динамике лет (см. табл. 5)².

Во-первых, устойчивый эффект на образ личного будущего наблюдается со стороны доверия к государственным институтам, среди которых наиболее существенными являются следующие: президент (среднее значение разрыва составляет 14 п. п.), правительство (16 п. п.), Государственная дума (16 п. п.) и Совет Федерации (17 п. п.). Во-вторых, сравнительно слабую связь с благоприятным образом личного будущего (среднее значение разрыва составляет 7–8 п. п.) демонстрирует доверие к общественным организациям, науке и армии, тогда как о весьма ненадёжной связи можно говорить в отношении доверия к трём институтам – прессе (5 п. п.), телевидению (4 п. п.), церкви (4 п. п.). В-третьих, существуют периоды, когда эффекты от уровня институционального доверия сводятся к минимуму – разница составляет 0–3 п. п. в 2014–2016 гг., а также в 2021 и 2023 гг. Подобные низкие показатели отсутствуют при анализе взаимосвязи между доверием и позитивными представлениями о будущем страны. То есть можно утверждать, что институциональное доверие значимо слабее связано с позитивным образом личного будущего, чем с позитивным образом будущего страны. В-четвёртых, в рамках негативного образа личного будущего намного чаще встречаются более высокие средние значения разрыва. Высокий уровень доверия к институтам реже соотносится с оптимистическим восприятием личного будущего, в то время как недоверие к ним чаще соответствует пессимистическому восприятию.

¹ Здесь также во всех представленных случаях критерий хи-квадрат Пирсона (асимптотическая значимость двусторонняя) равен 0,000.

² Вопрос об образе личного будущего в опросах 2020, 2017 и 2015 гг. предлагал респондентам также вариант ответа «Затрудняюсь ответить». Этот вариант был исключён при анализе данных.

Таблица 5

*Институциональное доверие и позитивный образ личного будущего
в динамике лет, разница между доверием и недоверием, п. п.*

Государственные и общественные институты	Перспективы в материальном плане должны улучшиться										Скорее ухудшатся, чем улучшатся, средн. знач.
	2023 июнь	2021 март	2020 сентябрь	2019 июнь	2018 октябрь	2017 октябрь	2016 октябрь	2015 октябрь	2014 октябрь	Среднее значение	
Президент России	14	13	14	13	17	19	13	12	13	14	26*
Правительство России	12	18	19	20	21	22	13	10	8	16	24*
Руководитель республики, губернатор области, края	10	7	16	15	17	18	9	6	5	12	20*
Органы местного самоуправления	11	6	19	18	18	17	6	8	10	13	19*
Государственная дума	14	16	23	22	21	22	8	12	8	16	21*
Совет Федерации	14	15	24	22	23	22	11	10	10	17	22*
Политические партии	15	12	22	11	17	17	6	7	6	13	16*
Полиция, органы внутренних дел	14	7	12	11	16	10	5	8	7	10	19*
Пресса (газеты, журналы)	9	3	10	8	11	9	2*	0,4	5*	5	12*
Телевидение	8	2	6	7	13	9	1*	2*	6*	4	12*
Российская армия	11	2	8	6	11	9	11	4	2*	7	15*
Профсоюзы	9	4	9	10	12	11	11	14	8	10	16*
Судебная система	15	10	19	13	15	13	7	8	4	11	19*
Церковь	1	3	7	7	7	5	6	0,6*	1*	4	10*
Общественные организации	9	2	14	12	9	16	4	9	1*	8	12*
Российская академия наук	4	4	9	10	9	12	11	8	1	8	12*

Дополнительно отметим, что в 2014–2016 гг., а также в 2021 и 2023 гг., разница между доверием и недоверием – наименьшая по сравнению с другими годами. То есть в эти периоды связь между институциональным доверием и позитивными представлениями о личном будущем ослабевает. Снижение показателей разрыва чаще встречается относительно общественных институтов. Особенность контекста, событий, процессов имеет значение не только для взаимосвязи институционального доверия с образом будущего страны, но и для его взаимосвязи с образом личного будущего. Ухудшение настроения,

преобладание пессимизма в обществе, накопление разочарований накладывают свой отпечаток на уровень доверия к разным институтам, на специфику видения будущего и на то, как первое связано со вторым.

Детализация анализа по социально-экономическим, социально-демографическим и территориальным параметрам выявила неустойчивую и слабую корреляцию институционального доверия с позитивными представлениями о личном будущем (см. табл. 6).

Это особенно заметно на фоне взаимосвязи между доверием и восприятием образа будущего страны, где аналогичные показатели в среднем выше¹. Помимо сказанного, отличие также состоит в том, что почти для каждой анализируемой социальной группы имеются оценки, которые заметно ниже ошибки наблюдения. В основном низкие значения встречаются относительно таких институтов, как наука, армия, пресса и церковь. Доверие к этим институтам со стороны респондентов разного возраста, образования, профессии и типа населённого пункта проживания в наименьшей степени связано с возникновением положительных ожиданий. Напротив, в отношении президента, судебной системы и политических партий показатели разрыва сравнительно стабильны и не подвержены существенным изменениям.

Наиболее высокие средние значения разрыва между доверием и недоверием к институтам характерны для респондентов в возрасте 51–65 лет (15 п. п.), с высшим образованием (13 п. п.), низким доходом (14 п. п.), проживающих в мегаполисе (19 п. п.). Эти группы совпадают с группами, в которых наблюдается сравнительно сильная взаимосвязь между институциональным доверием и образом будущего страны. Самые низкие средние значения фиксируются для возрастной когорты 66 лет и старше (5 п. п.), респондентов без профессионального образования (5 п. п.), относящихся по доходу к медианной группе (8 п. п.) и проживающих в сёлах (7 п. п.). Следует отметить, что получение подобных «профилей», вероятно, обусловлено не только набором институтов, включённых в анализ, но также и редукцией личного образа будущего к материальным перспективам.

Выводы. Институциональное доверие и образы будущего: общие замечания

В целом можно утверждать, что доверие связано с позитивными образами будущего, тогда как недоверие – с негативными. Подобные эффекты согласуются с немногочисленными отечественными исследованиями по сходной тематике [11; 13; 14]. Однако наличие, сила и надёжность такой взаимосвязи

---

¹ Средние значения разрыва между доверием и недоверием в отношении позитивного образа личного будущего находятся в диапазоне от 5 до 19 п. п., тогда как аналогичные показатели разрыва относительно позитивного образа будущего страны – в диапазоне от 11 до 22 п. п.

Таблица 6

Институциональное доверие и образ личного будущего респондентов, сгруппированных по социально-экономическим, социально-демографическим и территориальным параметрам, 2023 г., разница между доверием и недоверием, п. п.

Группы респондентов по социально-экономическим, социально-демографическим и территориальным параметрам	Перспективы в материальном плане должны улучшиться									Скорее ухудшатся, чем улучшатся, средн. знач.
	Президент России	Российская академия наук	Российская армия	Церковь	Государственная дума	Политические партии	Пресса	Судебная система	Среднее значение	
<i>Возраст, лет</i>										
18–30	11	14	4	7*	13	13	18	9	9	9*
31–40	13	2	17	3	17	21	13	17	13	13*
41–0	16	1,4	14	7	13	15	3	7	10	16*
51–65	18	3	17	8	18	17	16	21	15	20*
66+	15	7	6	0,2	1	7	1,1*	9	5	25*
<i>Образование</i>										
Без профессионального образования	10	9	0,4	10*	9	9	1,2	13	5	9*
Среднее специальное или незаконченное высшее	17	2	16	1	11	17	7	13	10	16*
Высшее, два высших и др.	14	4	9	6	22	19	16	17	13	19*
<i>Доход относительно поселенческой медианы</i>										
Низкодоходные (до 0,75 медиан)	17	6	10	9	19	14	16	24	14	21*
Медианная (от 0,75 до 1,25 медиан)	16	2	13	2*	10	11	3	7	8	14*
Среднедоходная (от 1,26 до 2 медиан)	12	5	8	4*	16	24	10	14	11	11*
Высокодоходные (от 2 медиан и выше)	14	5*	21	10	11	19	5	15	11	15*
<i>Тип населённого пункта</i>										
Мегаполисы	11	23	14	9	32	26	14	21	19	27*
Областные, краевые, республиканские центры	17	9	10	3*	5	14	7	15	9	16*
Районные центры, города, не являющиеся районными центрами	17	6*	7	2*	17	15	12	10	9	16*
Село	8	1,6*	11	3	11	11	5	12	7	10*

Примечание: средние значения по негативным ожиданиям от личного будущего приводятся для сравнения; разработочные данные оставлены за пределами таблицы.

зависят от специфики институтов, которым доверяют, и от особенностей образов будущего.

В частности, наше предположение о связи институционального доверия с положительным образом будущего страны в ближайший год и, соответственно, институционального недоверия с отрицательным образом такого будущего – подтвердилось. Взаимосвязь сохраняется в динамике лет, а также в разрезе социально-экономических (образование, доход), социально-демографических (возраст) и территориальных (тип населённого пункта) факторов. Впрочем, сила и устойчивость подобной связи неодинаковая для разных социальных институтов. Как было показано, доверие к государственным и политическим институтам (президенту, правительству, руководителям субъектов РФ, Государственной думе, Совету Федерации, политическим партиям) в наибольшей степени соотносится с позитивным восприятием будущего страны, тогда как доверие к общественным институтам (церкви, телевидению, прессе, науке и общественным организациям) – в наименьшей.

Предположение о связи институционального доверия с положительным образом ближайшего личного будущего полностью подтверждается исключительно в контексте государственных институтов, среди которых выделяются четыре: президент, правительство, Государственная дума и Совет Федерации. Доверяющие им респонденты чаще имеют позитивные представления о своём будущем. Что касается других институтов, то подобная взаимосвязь не прослеживается либо выражена слабо и нестабильно.

Согласно результатам исследования, доверие лишь к определённым, но не ко всем институтам тесно связано с оптимистичным восприятием будущего как для отдельного человека («Перспективы в материальном плане должны улучшиться»), так и для страны в целом («Страна будет развиваться успешно»). Привилегированное положение занимают не столько общественные институты, сколько государственные – то есть такие институты, которые отвечают за непосредственное планирование, стратегическое управление и воплощение в жизнь долгосрочных инициатив. Общий вывод состоит в том, что характер связи институционального доверия (или недоверия) с образом будущего страны и образом личного будущего зависит от того, какую функцию выполняет социальный институт, а также, по всей видимости, и от того, насколько эффективно (справедливо, предсказуемо и т. п.) он её выполняет. С этим выводом сопряжён ряд соображений, заслуживающих краткого рассмотрения.

Одно из них заключается в том, что высокий уровень доверия к институту не всегда приводит к тому, что этот институт с высокой вероятностью будет играть ключевую роль в формировании будущего. То есть не обязательно должно выполняться следующее условие: чем больше доверия к институту, тем теснее оно связано с определённым образом будущего. В данном исследовании красноречивыми примерами этого положения выступают два института – наука и церковь, – которые стабильно имеют сравнительно высокий уровень доверия (входят в топ-5 на протяжении почти всех волн мониторинга), но при этом

их связь с рассмотренными образами будущего минимальна¹. Предварительно можно заключить, что для появления позитивного или негативного видения будущего первоочередным является то, какую функцию выполняет институт, и уже потом, как он её выполняет.

Второе соображение сводится к тому, что взаимосвязь между институциональным доверием и образами будущего может быть контекстно обусловлена. Она зависит от того, какой характер носят процессы и события, происходящие в обществе и в мире, вызваны ли они, например, разными кризисами (политическими, военными, эпидемическими и т. д.) или гармоничным развитием (экономическим ростом, стабильностью политической системы, отсутствием военных конфликтов и т. п.). В рамках данного исследования выделяются два периода – 2014–2016 гг., а также 2021 и 2023 гг., – когда происходит ослабление взаимосвязи между институциональным доверием и позитивными представлениями о личном будущем и о будущем страны. Как уже упоминалось, эти периоды были отмечены или им предшествовали различные «тревожные» события – «крымская весна», «военная операция в Сирии», «война санкций», «пандемия COVID-19», «СВО» и др. И всё же подобные события неодинаковым образом определяют роль социальных институтов в формировании представлений о будущем. Данные свидетельствуют о том, что связь между доверием к государственным институтам и позитивным видением будущего страны значительно стала слабее в последние годы. При этом около десяти лет назад она уменьшалась за счёт доверия к общественным институтам. При формировании позитивного образа личного будущего также наблюдается ослабление связи, но уже со стороны доверия к общественным институтам, как в ранний, так и в более поздний «кризисный» периоды. Однако в отношении доверия к государственным институтам (в особенности президенту, правительству, ГД и СФ) подобная взаимосвязь сохраняется на протяжении всего времени. Кроме того, существуют социальные институты, которые способны выходить за рамки представленных контекстов. В данном случае речь идёт о доверии президенту России, значимость которого в «неспокойные» периоды остаётся приблизительно на том же уровне, что и в «спокойные», либо имеет свойство к сравнительно быстрому восстановлению. Итак, в одних исторических и культурных условиях роль институционального доверия может снижаться, в других – повышаться, в-третьих – оставаться без изменений. Такая вариативность объясняется функциональными особенностями институтов, спецификой образов будущего и наличием определённых (исторических, культурных, политических и других) контекстов.

---

¹ Наука и церковь – два института, которые непосредственно связаны с будущим: первый – благодаря своим «научным открытиям», второй – благодаря «религиозной вере». В то же время образы ближайшего будущего страны и индивида в том виде, в котором они представлены в данных исследования, имеют ненадёжную связь с этими институтами. Вероятно, респонденты либо до конца не осознают связь между ними, либо сознательно считают её не самой важной.

Наконец, третье соображение сопряжено с социально-экономическими и другими факторами, обуславливающими взаимосвязь между институциональным доверием и представлениями о личном и общем будущем. Во-первых, как отмечают исследователи, высокий экономический и образовательный капиталы выступают важными детерминантами возникновения и поддержания доверия [27]. Исходя из этого, логично предположить, что на характере взаимосвязи между доверием и представлениями о будущем также могут сказываться материальное положение и уровень образования респондентов. То есть высокий доход и высшее образование предполагают более сильную положительную корреляцию между переменными, тогда как низкий доход и начальное/общее/среднее образование – более слабую. Результаты исследования показывают, что подобные теоретические ожидания оправдываются для фактора образования, но не для фактора дохода. Институциональное доверие высокообразованных респондентов чаще коррелирует с позитивным образом будущего страны и образом личного будущего. В свою очередь, институциональное доверие респондентов, относящихся к низкодоходным группам, в отличие от респондентов из высокодоходных групп, чаще связано с возникновением положительных образов будущего. Во-вторых, значимость этих и других параметров определяется особенностями институтов: являются ли они государственными или общественными. Первые в отличие от вторых в большей степени игнорируют влияние социально-экономических, социально-демографических и территориальных факторов.

В данной статье предпринята попытка ответить на вопрос о том, как связано институциональное доверие с образами ближайшего будущего. Разумеется, полученные выводы в первую очередь касаются конкретных представлений о будущем. В частности, в фокусе нашего внимания находились положительные и отрицательные перспективы развития страны и личности. Образ будущего может выражаться и через другие пары, например: долгосрочное и краткосрочное планирование, необходимость перемен или стабильности, наличие тревог или уверенности, возникновение удовлетворённости или разочарования и т. д. Также видение будущего не замыкается только в бинарных оппозициях, но и имеет отношение к более широким представлениям: сопряжённым, например, с идеологическими, экономическими, политическими, социальными и другими предпочтениями; выходящими за рамки личности и конкретного общества; затрагивающими большие и не очень «миры» – города, организации, этнические группы, нации и т. п. с этой точки зрения исследовательский интерес может быть связан с тем, в каких ситуациях возрастает значимость одних типов доверия и уменьшается других, в каких случаях роль доверия к общественным институтам (церкви, науке, прессе и прочим) в формировании образов будущего будет более существенной, в каких обстоятельствах фактор высокого дохода или низкого уровня образования будет иметь большее значение. Взаимосвязь между доверием и образами будущего заслуживает особого внимания и тщательного изучения, не только для принятия более эффективных управленческих

решений, но и для лучшего понимания того, как происходят «взлёты и падения» индивидуальных и коллективных жизненных траекторий, обществ и культур, цивилизаций и человечества в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Bell W., Mau J.* Sociology of the future: theory, cases and annotated bibliography. NY : Russell Sage Foundation, 1971. 480 p. ISBN 978-0-87154-106-2.
2. *Polak F.* The Image of the Future. NY : Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 319 p. ISBN 0-444-41053-8.
3. *Rubin A.* Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing times // *Futures*. 2013. № 45. P. 38–44. DOI [10.1016/j.futures.2012.11.011](https://doi.org/10.1016/j.futures.2012.11.011).
4. *Zittoun T., Gillespie A.* Imagining the collective future: a sociocultural perspective // *Imagining Collective Futures*. Palgrave Studies in Creativity and Culture / Eds. C. de Saint-Laurent, S. Obradović, K. Carriere. Cham : Palgrave Macmillan, 2018. P. 15–37. DOI [10.1007/978-3-319-76051-3_2](https://doi.org/10.1007/978-3-319-76051-3_2).
5. *Delanty G.* Imagining the future: Social struggles, the post-national domain and major contemporary social transformations // *Journal of sociology*. 2020. Vol. 57, № 1. P. 27–46. DOI [10.1177/1440783320969860](https://doi.org/10.1177/1440783320969860).
6. *Трофимова И. Н.* Представления россиян о будущем страны: существует ли консенсус? // *Социологические исследования*. 2022. № 10. С. 37–48. DOI [10.31857/S013216250020843-0](https://doi.org/10.31857/S013216250020843-0). EDN [GMSFIK](https://www.edn.ru/gmsfik).
7. *Андреев А. Л., Андреев И. А., Слободенюк Е. Д.* Представления россиян о будущем России // *Социологические исследования*. 2022. № 10. С. 49–61. DOI [10.31857/S013216250020368-7](https://doi.org/10.31857/S013216250020368-7). EDN [MVXCJNI](https://www.edn.ru/mvxcgnl).
8. *Дидковская Я. В., Трынов Д. В., Чистяков П. А.* Профессиональные стратегии студентов в контексте образа социального будущего // *Социологические исследования*. 2023. № 9. С. 63–77. DOI [10.31857/S013216250027778-8](https://doi.org/10.31857/S013216250027778-8). EDN [WNVBZO](https://www.edn.ru/wnvbzo).
9. *Социология российского образа будущего: предварительные результаты / А. А. Токарев, И. Д. Кравчук, М. Ю. Бойко, Р. В. Ильинский // Полис. Политические исследования*. 2022. № 5. С. 117–136. DOI [10.17976/jpps/2022.05.09](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.09). EDN [AGNHIY](https://www.edn.ru/agnhiy).
10. *Шестопал Е. Б.* Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 464. С. 99–112. DOI [10.17223/15617793/464/12](https://doi.org/10.17223/15617793/464/12). EDN [GVSOHV](https://www.edn.ru/gvsohv).
11. *Нестик Т. А.* Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // *Социодиггер*. 2021. Т. 2, № 9. С. 6–48. EDN [SIJJS](https://www.edn.ru/sijjs). URL: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2021_09_gorizonty_budushego/2021_09.pdf (дата обращения: 20.08.2024).
12. *Желтикова И. В.* Образ будущего как образ // *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2013. № 5 (55). С. 75–80. EDN [RXXJYN](https://www.edn.ru/rxxjyn).
13. *Великая Н. М., Шушпанова И. С., Афанасьев В. А.* Образ будущего в массовом сознании граждан как фактор устойчивого социально-политического развития общества // *Вестник РГГУ. Серия Философия. Социология. Искусствоведение*. 2021. № 1 (24). С. 64–77. DOI [10.28995/2073-6401-2021-1-64-77](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-64-77). EDN [VURVIK](https://www.edn.ru/vurvik).
14. *Исследование взаимосвязи образа будущего и доверия к учителям у школьников / М. В. Ферাপонтова, П. А. Малышева, Ю. В. Суховершина, Р. Н. Абрамишвили // Педагогика и психология образования*. 2023. № 2. С. 126–137. DOI [10.31862/2500-297X-2023-2-126-137](https://doi.org/10.31862/2500-297X-2023-2-126-137). EDN [AJOGFL](https://www.edn.ru/ajogfl).

15. Волков Ю. Г. Социология будущего: социологическое знание и социальный проект: монография. М. : КНОРУС, 2017. 178 с. ISBN 978-5-406-05736-0. DOI [10.15216/978-5-406-05736-0](https://doi.org/10.15216/978-5-406-05736-0). EDN [XCVAUX](https://www.edn.ru/xcvauX).
16. Желтикова И. В. Образ будущего в трактовке Ф. Полака // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. Т. 23, № 3. DOI [10.12731/2218-7405-2013-3-11](https://doi.org/10.12731/2218-7405-2013-3-11). EDN [QCLWHB](https://www.edn.ru/qclwhb). URL: <http://www.journal-s.org/index.php/sisp/article/view/3201311> (дата обращения: 22.11.2024).
17. McAllister D. J. Affect- and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations // Academy of Management Journal. 1995. № 38. P. 24–59. DOI [10.5465/256727](https://doi.org/10.5465/256727).
18. Lewicki R. J., Bunker B. B. Developing and Maintaining Trust in Work Relationships // Trust in Organizations / Eds. R. M. Kramer, T. R. Tyler. Thousand Oaks : Sage, 1996. P. 114–139. DOI [10.4135/9781452243610.n7](https://doi.org/10.4135/9781452243610.n7).
19. Coleman J. S. Foundations of Social Theory. Cambridge : Harvard University Press, 1990. 993 p. ISBN 0-674-31225-2.
20. Luhmann N. Trust and Power. New York : Wiley, 2017. 224 p. ISBN 978-1-509-51945-3.
21. Möllering G. The Nature of Trust: From Georg Simmel to a Theory of Expectation, Interpretation and Suspension // Sociology. 2001. Vol. 35, № 2. P. 403–420. DOI [10.1017/S0038038501000190](https://doi.org/10.1017/S0038038501000190).
22. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” as a much more challenging task // Russian Sociological Review. 2016. Vol. 15, № 4. P. 57–75. DOI [10.17323/1728-192X-2016-4-57-75](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-4-57-75).
23. Earle T., Cvetkovich G. Social Trust: Toward a Cosmopolitan Society. NY : Praeger, 1995. 240 p. ISBN 978-0275948450.
24. Гидденс Э. Последствия современности / Э. Гидденс ; пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича. М. : Праксис, 2011. 352 с. ISBN 978-59015-7490-4.
25. Putnam R. D. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1993. 258 p. ISBN 1-400809-789.
26. Латов Ю. В. Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175. DOI [10.17976/jpps/2021.05.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11). EDN [SYMSKW](https://www.edn.ru/symskw).
27. Uslaner E. M. The Moral Foundations of Trust. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 298 p. ISBN 0521812135.

Сведения об авторе

И. С. Кузнецов

кандидат социологических наук,
научный сотрудник
SPIN-код: [6112-1811](https://www.edn.ru/6112-1811)

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 25.12.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.1.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.2)

INSTITUTIONAL TRUST, THE IMAGE OF THE FUTURE OF THE COUNTRY AND THE IMAGE OF THE PERSONAL FUTURE

Igor Sergeevich Kuznetsov

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

kuznetsov.igor@gmail.com,

ORCID [0000-0002-4477-5233](https://orcid.org/0000-0002-4477-5233)

For citation: Kuznetsov I. S. Institutional trust, the image of the future of the country and the image of the personal future. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1):25–47. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.2).

Abstract. The article explores the relationship between institutional trust, the image of a country's future, and the image of a person's personal future. Recently, representatives of various disciplines have been paying increased attention to the concept of "image of the future". It underlies management and strategic decisions and it is one of the key elements in the development of culture and society. The interest of researchers focuses mainly on the social, political and economic circumstances of its occurrence. Trust is rare among them. Although, as several studies show, trust can significantly influence the sustainable development of society, an optimistic vision for the future, the emergence of long-term orientations, etc. According to data from all-Russian surveys, institutional trust correlates with the emergence of a positive image of the country's future and an image of a personal future, while distrust of institutions correlates with negative images of the country's future and images of a personal future. Moreover, the presence and strength of such a correlation depends on the characteristics of the social institution. Trust in government institutions, as opposed to trust in public institutions, has a more stable correlation with images of the future. Socio-economic, socio-demographic, and territorial factors determine the relationship between institutional trust and images of the future in different ways. The importance of such factors depends on the specifics of social institutions: state institutions are more likely to ignore their effects than public institutions. In addition, this relationship is contextual – it depends on the events and processes occurring in society and the world. These events and processes become especially significant against the background of various crises – political, military, epidemic and other factors. According to the study, during such periods the correlation of institutional trust with positive image of the future becomes less noticeable.

Keywords: image of the future, image of the country's future, image of the personal future, institutional trust, trust

Acknowledgments: the study was conducted within the framework of the state assignment of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences 2024 on the topic "Personal future and the future of the country in mass perceptions of Russians in 2014–2024: dynamics, factors of change, influence on social behavior" (reg. number 124091200014-0) with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

REFERENCES

1. Bell W., Mau J. *Sociology of the future: theory, cases and annotated bibliography*. New York: Russell Sage Foundation; 1971. 480 p. ISBN 978-0-87154-106-2.
2. Polak F. *The image of the future*. New York: Elsevier Scientific Publishing Company; 1973. 319 p. ISBN 0-444-41053-8.
3. Rubin A. Hidden, inconsistent, and influential: Images of the future in changing times. *Futures*. 2013;(45):38–44. DOI [10.1016/j.futures.2012.11.011](https://doi.org/10.1016/j.futures.2012.11.011).
4. Zittoun T., Gillespie A. Imagining the collective future: a sociocultural perspective. In: C. de Saint-Laurent, S. Obradović, K. Carriere, eds. *Imagining collective futures*. Palgrave studies in creativity and culture. Cham: Palgrave Macmillan; 2018. P. 15–37. DOI [10.1007/978-3-319-76051-3_2](https://doi.org/10.1007/978-3-319-76051-3_2).
5. Delanty G. Imagining the future: Social struggles, the post-national domain and major contemporary social transformations. *Journal of sociology*. 2020;57(1):27–46. DOI [10.1177/1440783320969860](https://doi.org/10.1177/1440783320969860).
6. Trofimova I. N. Russians' ideas about the future of the country: is there a consensus? *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(10):37–48. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250020843-0](https://doi.org/10.31857/S013216250020843-0).
7. Andreev A. L., Andreev I. A., Slobodenyk E. D. Russians' ideas about the future of Russia. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022;(10):49–61. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250020368-7](https://doi.org/10.31857/S013216250020368-7).
8. Didkovskaya Ya. V., Trynov D. V., Chistyakov P. A. Students' professional strategies in the context of the image of the social future. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;(9):63–77. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250027778-8](https://doi.org/10.31857/S013216250027778-8).
9. Tokarev A. A., Kravchuk I. D., Boyko M. Y., Ilyinsky R. V. Sociology of the Russian image of the future: preliminary results. *Polis. Political Studies*. 2022;(5):117–136. (In Russ.). DOI [10.17976/2022.05.09](https://doi.org/10.17976/2022.05.09).
10. Shestopal E. B. Image of an ideal future: Russians' normative concepts of authorities. *Tomsk State University Journal=Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021;(464):99–112. (In Russ.). DOI [10.17223/15617793/464/12](https://doi.org/10.17223/15617793/464/12).
11. Nestik T. A. Image of the future, social optimism and long-term orientation of Russians: socio-psychological analysis. *Sociodigger=Sociodigger*. 2021;2(9):6–48. (In Russ.). Available at: https://sociodigger.ru/fileadmin/user_upload/2021_09_gorizonty_buduschego/2021_09.pdf (accessed: 20.08.2024).
12. Zheltikova I. V. The image of the future as an image. *Scientific notes of Orel State University=Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki*. 2013;55(5):75–80. (In Russ.).
13. Velikaya N. M., Shushpanova I. S., Afanas'ev V. A. The image of the future in the mass consciousness of citizens as a factor of sustainable socio-political development of society. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies"=Vestnik RGGU Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedeniye»*. 2021;(1):64–77. (In Russ.). DOI [10.28995/2073-6401-2021-1-64-77](https://doi.org/10.28995/2073-6401-2021-1-64-77).
14. Ferapontova M. V., Malysheva P. A., Sukhovshina Yu. V., Abramishvili R. N. Study of the relationship between the image of the future and trust in teachers among schoolchildren. *Pedagogy and Psychology of Education=Pedagogika i Psikhologiya Obrazovaniya*. 2023;(2):126–137. (In Russ.). DOI [10.31862/2500-297X-2023-2-126-137](https://doi.org/10.31862/2500-297X-2023-2-126-137).
15. Volkov Yu. G. *Sociology of the future: sociological knowledge and social project: monograph*. Moscow: KNORUS; 2017. 178 p. (In Russ.). DOI [10.15216/978-5-406-05736-0](https://doi.org/10.15216/978-5-406-05736-0).
16. Zheltikova I. V. F. Polak's concept «the image of the future». *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem=Russian Journal of Education and Psychology*. 2013;23(3).

- DOI [10.12731/2218-7405-2013-3-11](https://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/3201311). Available at: <https://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/3201311> (accessed: 22.11.2024).
17. McAllister D. J. Affect- and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations. *Academy of Management Journal*. 1995;(38):24–59. DOI [10.5465/256727](https://doi.org/10.5465/256727).
  18. Lewicki R. J., Bunker B. B. Developing and maintaining trust in work relationships. In: R. M. Kramer, T. R. Tyler, eds. *Trust in organizations*. Thousand Oaks: Sage; 1996. p. 114–139. DOI [10.4135/9781452243610.n7](https://doi.org/10.4135/9781452243610.n7).
  19. Coleman J. S. *Foundations of social theory*. Cambridge: Harvard University Press; 1990. 993 p. ISBN 0-674-31225-2.
  20. Luhmann N. *Trust and power*. New York: Wiley; 2017. 224 p. ISBN 978-1-509-51945-3.
  21. Möllering G. The nature of trust: from Georg Simmel to a theory of expectation, interpretation and suspension. *Sociology*. 2001;35(2):403–420. DOI [10.1177/S0038038501000190](https://doi.org/10.1177/S0038038501000190).
  22. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” as a much more challenging task. *Russian Sociological Review=Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2016;15(4):57–75. DOI [10.17323/1728-192X-2016-4-57-75](https://doi.org/10.17323/1728-192X-2016-4-57-75).
  23. Earle T., Cvetkovich G. *Social trust: toward a cosmopolitan society*. New York: Praeger; 1995. 240 p. ISBN 978-0275948450.
  24. Giddens A. *The Consequences of modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press [Posledstviya sovremennosti]. Russian translation by G. K. Ol'khovikov, D. A. Kibal'chich. Moscow: Praxis; 2011. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-59015-7490-4.
  25. Putnam R. D. *Making democracy work: civic traditions in modern Italy*. Princeton, N.J.: Princeton University Press; 1993. 258 p. ISBN 1-400809-789.
  26. Latov Yu. V. Institutional trust as a social capital in modern Russia (on the results of monitoring). *Polis. Political Studies*. 2021;(5):161–175. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2021.05.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.05.11).
  27. Uslaner E. M. *The moral foundations of trust*. Cambridge: Cambridge University Press; 2002. 298 p. ISBN 0521812135.

Information about the Author

I. S. Kuznetsov

Candidate of Sociology,

Researcher

ResearcherID: [AAG-4137-2021](https://orcid.org/0009-0001-9000-4137)

Scopus AuthorID: [57226842021](https://orcid.org/0009-0001-9000-4137)

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 25.12.2024.

ПРОБЛЕМЫ КОНСОЛИДАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: ПОЗИЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА

Валентин Павлович Бабинцев¹

Галина Николаевна Гайдукова²

Яна Игоревна Серкина³

Жанна Александровна Шаповал⁴

^{1, 3, 4} Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Белгород, Россия

² Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Россия

¹ babintsev@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-0112-6145

² g_gaidukova@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0001-6300-9174

³ serkina_ya@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-5106-7104

⁴ shapoval@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-8069-9274

Для цитирования: Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Серкина Я. И., Шаповал Ж. А. Проблемы консолидации региональных сообществ: позиция социального реализма // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 48–73. DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.3. EDN QDYPZC.

Аннотация. Целью статьи является критический анализ наиболее распространённых концептов консолидации региональных сообществ, их верификация на основе результатов эмпирического исследования процессов, протекавших в приграничных с Украиной регионах России в начале 20-х годов нашего столетия. Обосновывая актуальность рассматриваемой темы, авторы указывают на противоречие между объективно обусловленной, адекватной сущности человека интенции на консолидацию, которая находит своё отражение как в декларациях государственных руководителей и общественных лидеров, так и среди значительной части населения, и ограниченностью её реальных практик. Это противоречие пока не получило удовлетворительного объяснения в социологической литературе, в которой преобладает упрощённый взгляд на консолидацию как на сплочение граждан на основе общих ценностей. В статье рассматриваются два концепта консолидации (как ценностно ориентированной сплочённости и как необходимости) и утверждается, что механизмы

© Бабинцев В. П., 2025

© Гайдукова Г. Н., 2025

© Серкина Я. И., 2025

© Шаповал Ж. А., 2025

консолидации сложны и далеко не очевидны. Попытка упростить представление о них в гносеологическом отношении отражает неспособность осмыслить реальный консолидационный процесс во всей его противоречивости. В социальном аспекте причины связаны со стремлением исследователей соответствовать современным политическим трендам без их полноценной рефлексии, что косвенно свидетельствует о не излеченной полностью «болезни» сервильности. Авторы доказывают, что только позиция социального реализма, в основе которой лежат понимание неоднозначности и неоднородности консолидационного процесса, освобождение от соображений политической конъюнктуры, проблематизация и депроблематизация, рефлексивная оценка собственного опыта анализа, равно как и опыта других авторов, позволяет избежать ошибочных суждений, хотя и не гарантирует этого. Сформулированные выводы опираются на результаты двух авторских социологических исследований, проведенных в 2021 и 2022 гг. в Белгородской, Воронежской и Курской областях. И хотя исследования почти не захватили период СВО, довольно резко контрастирующий в отношении консолидационных практик с предыдущим «мирным» периодом, этот контраст отражает многие из аспектов проблемы не только применительно к приграничью, но и к другим территориям. Опираясь на полученные результаты, авторы утверждают, что можно говорить о различных формах консолидации – стихийной, административной, кризисной, партнёрской, механизмы каждой из которых имеют свои особенности. Недостаточная успешность консолидации в настоящее время связана с неадекватностью сложившимся условиям её предпочитаемой формы (партнёрская) и низким уровнем готовности населения к участию в решении общих региональных проблем. Это противоречие более или менее успешно разрешается в регионах-фронтах при выборе кризисной формы, в перспективе – смешанной, административно-стихийной.

Ключевые слова: социальная консолидация, социальная солидарность, идентичность, сообщество, региональное сообщество, метасоциальный институт, приграничный регион

Введение. Обоснование предмета исследования

Понятия «солидарность» и «консолидация» в последние годы широко используются участниками общественно-политического диалога в России. К этой теме неоднократно обращались в своих публичных выступлениях Президент России (см.: [1]), Патриарх Кирилл¹. Не удивительно, что проблематика солидарности и консолидации постоянно является предметом внимания отечественных исследователей² (см., напр.: [2–11]).

---

¹ Патриарх Кирилл: Идеи солидарности и заботы об общем призваны стать скрепой нашего общества // Правмир : сайт. 03.11.2012. URL: <https://www.pravmir.ru/patriarx-kirill-idei-solidarnosti-i-zaboty-ob-obshhem-prizvany-stat-skrepoj-nashego-obshhestva/> (дата обращения: 20.08.2024).

² См., напр.: Агеева Е. А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (на примере полиэтнического региона) : автореф. дис. ...канд. полит. наук : 23.00.02 / Агеева Екатерина Александровна ; науч. рук. М. Г. Анохин ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Москва, 2004. 25 с.; Аносов С. С. Консолидация как социальный феномен: социально-философский анализ : дис. ...канд. филос. наук : 09.00.11 / Аносов Сергей Сергеевич ; науч. рук. О. А. Кармадонов ; Забайк. гос. ун-т. Чита, 2019. 206 с.; Ковригина Г. Д. Социальная солидарность как метаинститут : дис. ...д-ра филос. наук : 09.00.11 / Ковригина Галина Дмитриевна ; Забайк. гос. ун-т. Чита, 2020. 304 с.

Но, несмотря на явную актуальность задачи консолидации российского общества, имеется крайне ограниченное число примеров практической реализации данной идеи в мирных условиях. Наиболее известным из них является опыт реализации региональной стратегии формирования солидарного общества в Белгородской области до 2025 года¹, в ходе которой был разработан и апробирован ряд «микропрактик солидарности» на муниципальном уровне (в городских округах, муниципальных районах, городских и сельских поселениях). Однако они выглядят, скорее, исключением, чем нормой.

В то же время специальная военная операция (СВО) на Украине сопровождается примерами высокого уровня солидарных практик населения, что особенно наглядно проявилось в приграничных регионах России, которые в настоящее время представляют собой регионы-фронтиры. Примерами этих практик стало формирование многочисленных добровольческих отрядов самообороны из местных жителей, поддержка населением приграничья военных («Солдатский привал»), деятельность волонтерских групп, сбор гуманитарной помощи людям, покинувшим свои дома из-за обстрелов, и др.²

Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, служит вполне достаточным основанием для размышлений о содержании солидарности в современном обществе и о механизмах консолидации поликультурного населения приграничных регионов России. Наша исходная позиция при этом заключается в том, что идея

¹ Постановление Правительства Белгородской области от 24.11.2011 № 435-пп «Об утверждении Стратегии “Формирование регионального солидарного общества” на 2011–2025 годы» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469027022> (дата обращения: 20.08.2024).

² См., напр.: Шакиров А. В Белгородской области сформировали семь батальонов территориальной обороны // Комсомольская правда. 2023. 24 мая. URL: <https://www.kp.ru/online/news/5284738/> (дата обращения: 20.08.2024); Резанов И. Плечом к плечу. Как в Белгородской области помогают военным и беженцам // Fonar.tv. 2023. 06 марта. URL: <https://fonar.tv/article/2023/03/06/plechom-k-plechu-kak-v-belgorodskoj-oblasti-pomogayut-voennym-i-bezhencam> (дата обращения: 20.08.2024); Белгородская область одна из первых начала сбор гуманитарной помощи для жителей Курской области // Мир Белогорья : сайт. URL: <https://mirbelogorya.ru/region-news/61-belgorodskaya-oblast-news/63752-belgorodskaya-oblast-odna-iz-pervykh-nachala-sbor-gumanitarnoj-pomoshchi-dlya-zhitelej-kurskoj-oblasti.html> (дата обращения: 20.08.2024); Королёва Е. «Пусть наши ребята знают, что мы их тыл»: как жители Белгорода поддерживают российских военных // RT на русском : сайт. 09.04.2022. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/987670-volontery-pomosch-belgorod> (дата обращения: 20.08.2024); Подзолкова И. Тепло и уют «Солдатского привала»: как волонтеры Белгородской области помогают военнослужащим // Российская газета. 2023. 09 июня. URL: <https://rg.ru/2023/06/09/reg-cfo/teplo-i-uyut-soldatskogo-privala-kak-volontery-belgorodskoj-oblasti-pomogayut-voennosluzhashchim.html> (дата обращения: 20.08.2024); Народное единство: как волонтеры поддерживают эвакуированных жителей Курской области // 5 канал : сайт. 19.08.2024. URL: <https://www.5-tv.ru/news/491263/narodnoe-edinstvo-kak-volontery-podderzivaut-evakuirovannyh-zitelej-kurskoj-oblasti/> (дата обращения: 20.08.2024); Киселёва М. Покинувшим свои дома жителям Курской области помогают студенты-волонтеры // Парламентская газета. 2024. 12 августа. URL: <https://www.pnp.ru/social/pokinuvshim-svoi-doma-zhatelyam-kurskoj-oblasti-pomogayut-studenty-volontery.html> (дата обращения: 20.08.2024).

консолидации применительно к современности ни в коей мере не является своего рода симулякром, тем более, если следовать Ж. Бодрийяру, симулякром третьего порядка – то есть знаком, символом, который никоим образом не соотносится с иной реальностью, кроме своей собственной, и формируется на основе структурного закона ценности [12].

Обусловлено это рядом обстоятельств не только культурно-исторического (единство истории и культуры) и социально-политического (способность консолидированного общества быть наиболее конкурентным; минимизация внутренних конфликтов), но и природно-биологического характера.

Очевидно, не случайно проблема солидарности и консолидации разрабатывалась многими классиками социально-гуманитарного знания, начиная от О. Конта и Э. Дюркгейма, что довольно обстоятельно проанализировано отечественными исследователями¹.

В ходе осмысления проблемы сформулировано множество аргументов, позволяющих рассматривать идеи солидарности и консолидации как отражающие реальные интегративные процессы в человеческом обществе. Приведём лишь некоторые из них:

– *естественно-природный*, который предполагает, что социальная консолидация – это выражение естественного стремления людей, их жизненно важной потребности в объединении, создании социальной группы, коллектива. Так, например, как отмечает французский антрополог П. Буайе, «люди, как мы знаем, испытывают сильное стремление образовывать социальные группы и присоединяться к ним – это бесспорный факт. Социальный образ жизни, наблюдаемый у некоторых видов, обеспечивает преимущества и сам по себе не является эволюционной загадкой» [13, с. 47]. При этом установка на солидаризацию, по оценке П. Буайе и ряда других учёных, базируется на вполне рациональных основаниях. В частности, Р. Бойд и П. Ричерсон в своих исследованиях подчёркивали, что те человеческие сообщества, в которых процветало сотрудничество и культурный конформизм, преуспевали больше эгоистически ориентированных и имели больше шансов на выживание [14]. М. Ридли также последовательно приходит к выводу о наличии у человека представлений (не всегда осознаваемых) об определённых личных выгодах от принадлежности к той или иной социальной общности [15];

– *глобально-политический*. Он сводится к двум основным позициям. Во-первых, развитие процесса глоболокализации (глокализации) предполагает не только унификацию культуры, но и повышение уровня субъектности локальных сообществ, их конкурентоспособности. Консолидация в данном контексте представляет собой осуществляемый ими сознательный выбор способа заявить о себе. Во-вторых, нарастание нестабильности и рисков, в контексте которых безопасность личности, группы и общества превращается в одну из наиболее

¹ Аносов С. С. Указ. соч.; Ковригина Г. Д. Социокультурные ресурсы социальной консолидации российского общества : дис. ...канд. филос. наук : 09.00.11 / Ковригина Галина Дмитриевна ; науч. рук. О. А. Кармадонов ; Сиб. федер. ун-т. Красноярск, 2015. 178 с.

значимых (если не самую значимую) потребностей. Солидарность и консолидация с учётом этого обстоятельства рассматриваются в качестве важного условия обеспечения безопасности любого сообщества, его способности к защите своих интересов. Исследования алтайских социологов, в частности, показывают: для региона с интегральным (высоким) уровнем социальной безопасности гражданская солидарность входит в число наиболее значимых факторов, оказывающих на неё влияние [16]. Отметим, что проведение специальной военной операции на Украине подтвердило востребованность консолидационных практик, по меньшей мере, в регионах приграничного с Украиной российского фронта [9; 10];

– *когнитивно-исторический*, заключающийся в том, что проблема солидарности и консолидации имеет длительную исследовательскую традицию. Она восходит к трудам О. Конта и Э. Дюркгейма. Так, хорошо известно и часто упоминается выделение последним механической и органической солидарности. Первая, по его мнению, была характерна для архаичного общества, а вторая присуща современному [17, с. 101]. О солидарности рассуждают многие классики социально-гуманитарного знания (см., напр.: [18; 19; 20; 21]).

Представляется весьма сомнительным, что столь долгая традиция была связана с обсуждением симулякра.

Но на практике мы наблюдаем ряд противоречий. Во-первых, между призывами к консолидации, исходящими от государственных руководителей и общественных деятелей, которые особенно актуализировались в связи санкциями против России и проведением специальной военной операции на Украине, и ограниченностью практик их реализации. Ситуация, сложившаяся в приграничных с Украиной регионах в ходе СВО, пока является скорее исключением, чем правилом. Но даже здесь консолидационный процесс идёт непоследовательно. Так, в 2022 году реализация региональной стратегии формирования солидарного общества в Белгородской области была прекращена досрочно¹ на основании заявления об исполнении всех запланированных в её рамках мероприятий. При этом не был проведён анализ результатов осуществления стратегии, не состоялось и их публичное обсуждение.

Во-вторых, существует противоречие между высокой степенью интеллектуальной активности в отношении проблематики солидарности и консолидации и отсутствием более или менее ясной концепции этих феноменов. Чтобы увидеть это, достаточно привести в данной связи лишь некоторые дефиниции. Так, согласно А. В. Дуке, «консолидация представляет собой процесс рутинизации форм деятельности и соглашений основных акторов, норм, регулирующих их (взаимо) действие, основывающихся на определённых базовых принципах» [22, с. 26]. По мнению Д. Ю. Павлова, это «процесс сплочения общества политическими методами и технологиями, как на социально-политическом, так

¹ Постановление Правительства Белгородской области от 06.06.2022 № 340-пп «О признании утратившим силу постановления Правительства Белгородской области от 24 ноября 2011 г. № 435-пп» // Официальный портал правовой информации : сайт. 08.06.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202206080001> (дата обращения: 20.08.2024).

и на экономическом, культурном, ментальном и демографическом уровнях для решения внутренних, а иногда и внешних государственных проблем, обеспечения развития страны и выведения её на более высокий уровень развития»¹. С точки зрения Е. А. Агеевой, консолидация – это «сплочение граждан страны, основанное на внутреннем (ментальном, ценностном) согласии, по поводу понимания назревших общезначимых проблем и целей, связанных с их разрешением»². Согласие авторов в данном случае не простирается далее констатации довольно очевидного положения о том, что консолидация – это объединение/сплочение. Однако в качестве его оснований указываются различные явления и процессы: некие принципы, методы и технологии, ментальные и ценностные характеристики субъектов. В сущности, эти несовпадающие, а иногда и противоречащие друг другу суждения отражают разные взгляды на механизмы консолидации. А они должны быть не просто продекларированы, а детально изучены, что в нынешних условиях является экзистенциальной проблемой для нашего общества.

В-третьих, есть противоречие между сложившимися стереотипами в отношении различных аспектов социальной консолидации и их реальным восприятием социальными субъектами, которые, собственно, и являются её агентами. Эти стереотипы воспроизводятся в исследовательской литературе и публицистике, принимая форму иллюзий, и несмотря на то, что социальная теория в России мало связана с практикой, всё же создают интеллектуальные барьеры для реального объединения и сплочения граждан.

Целью данной статьи является критический анализ двух наиболее распространённых концептов консолидации российского общества (концепта ценностно ориентированной сплочённости и концепта консолидации как необходимости), их верификация на основе результатов эмпирического исследования процессов, протекавших в приграничных с Украиной регионах России в начале 20-х годов нашего столетия. Исследование почти не захватило период СВО, довольно резко контрастирующий в отношении консолидационных практик с предыдущим «мирным» периодом, но этот контраст как лакмусовая бумага отражает многие из аспектов проблемы не только применительно к приграничью, но и к другим территориям.

Суть нашей позиции определяется понятием «социальный реализм», поскольку мы рассматриваем консолидацию в качестве одного из проявлений сложно структурированного, иногда внутренне противоречивого процесса социальной конъюнкции, стараемся избегать деклараций, проблематизировать и, насколько это возможно при нынешнем уровне познания, депроблематизировать его, подвергая рефлексивной оценке собственный опыт анализа, равно как и опыт других авторов.

---

¹ Павлов Д. Ю. Социально-политическая консолидация современного российского общества: теория, опыт, проблемы : автореф. дис. ...канд. полит. наук : 23.00.02 / Павлов Дмитрий Юрьевич ; науч. рук. В. Е. Макаров ; Рос. гос. социал. ун-т. Москва, 2013. С. 15.

² Агеева Е. А. Политические аспекты консолидации современного российского общества (на примере полиэтнического региона): автореф. дис. ...канд. полит. наук. М., 2004. С. 13.

Методы исследования

Эмпирическая база статьи включает материалы нескольких авторских социологических исследований, проведённых в 2021–2022 гг.:

1) исследования «Проблема реновации социокультурных констант, обладающих конструктивным потенциалом для развития региональных сообществ», проведённого авторами в 2021 году на территории Белгородской области и включавшего: анкетный опрос населения ($n = 500$; выборка районированная, квотная), экспертный опрос (30 экспертов), фокус-групповое интервьюирование 3 групп (молодёжь, бюджетники, работники СМИ); общее количество участников – 32 человека;

2) исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», проведённого в 2022 году и включавшего: массовый анкетный опрос городских жителей Курской, Белгородской, Воронежской областей ($n = 1518$) по квотной выборке (параметры квот – пол, возраст), экспертный опрос (50 экспертов), 6 фокус-групповых интервью (молодёжь, бюджетники, муниципальные служащие, пенсионеры, предприниматели (самозанятые), безработные (частично занятые)); общее количество участников – 57 человек.

В работе использованы вторично обработанные данные комплексного социологического мониторинга «Консолидационный потенциал Белгородской области», осуществлённого методом анкетного опроса населения Белгородской области в 2022 году научно-исследовательской лабораторией развития гражданского общества Белгородского государственного национального исследовательского университета ($n = 6\,800$, выборка квотная, признаками квотирования выступали: место жительства, пол, возраст).

В ходе анализа результатов исследования учитывался опыт встроеного наблюдения, полученный авторами в процессе участия в разработке и реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025 годы».

Сформулированные в данной работе выводы базируются также на результатах исследования авторами широкого круга отечественных и зарубежных научных публикаций по вопросам социальной солидарности и консолидации.

Результаты и их обсуждение

В качестве предварительного замечания отметим, что общественные процессы в современной России во многих отношениях имеют имитационный характер (см., напр.: [23–26])¹, что, в частности, связано с распространением мифологем относительно их содержания. Одним из негативных следствий принятия мифологем является то, что они погружают субъектов социального действия, частью которых мифологемы и создаются, в эйфорическое состояние

---

¹ См., напр.: Шалюгина Т. А. Имитация в современном российском обществе: сущность, субъекты воздействия, социальное пространство проявления: дис. ...д-ра филос. наук: 09.00.11 / Шалюгина Татьяна Александровна; Юж. федер. ун-т. Ростов н/Д, 2011. 333 с.

самообмана. Это крайне опасно для людей, занимающихся интеллектуальным трудом, поскольку в данной сфере многим из них трудно найти надёжные основания для разрушения созданных сознанием фантомов.

Несколько иная ситуация характеризует сознание и поведение массовых субъектов, предметно-практический характер повседневной деятельности большинства из которых способствует разрушению заблуждения. В большинстве случаев они либо рационально осознают лживость мифа, либо интуитивно ощущают его несостоятельность. И в том, и в другом случае массовое сознание сопротивляется «наведённым чарам», что выражается в открытом, а в современных условиях чаще всего в латентном сопротивлении, своего рода «пассивном духовном оппортунизме». И если второй вариант сегодня преобладает, то это, по нашему мнению, свидетельствует не столько о силе мифологем, сколько о неспособности и неготовности граждан к их разрушению, «параличе» воли.

Иллюзорность представлений о том или ином процессе не означает, что объект их возникновения отсутствует вообще (хотя такая ситуация иногда и имеет место, как в случае социальных утопий), но обычно лишь указывает на наличие превращённых форм интерпретации реальности в групповых или индивидуальных интересах. При этом в любой мифологеме элементы истины, которые необходимы для придания ей мнимого правдоподобия и спекуляции на «псевдоправдоподобии», дополняются комплексом искажённых умозаключений или не вполне обоснованных суждений, которые можно опровергнуть лишь с помощью постоянной рефлексии познающего субъекта и дискуссий между представителями научного сообщества. Это в полной мере мы относим к двум концептам солидарности и консолидации.

1. Концепт ценностно ориентированной сплочённости. Он выражается в однозначном истолковании консолидации как процесса движения (чаще всего управляемого) к состоянию сплочения, объединения, которое и рассматривается в качестве солидарности. Так, согласно С. В. Леоновой, «социальная солидарность – это единство общества и государства, необходимое для достижения социально значимых целей и реализации идей взаимопомощи и братства» [8, с. 564]. Это представление многократно воспроизводится и в научной литературе, в частности – в указанной выше работе Д. Ю. Павлова¹. Для А. С. Капто консолидация – «объединение, сплочение, укрепление субъектов социальных отношений под едиными программами и лозунгами для достижения определённых общих социальных целей, преодоления внешних и внутренних угроз, кризисных ситуаций, социально-политической и этнонациональной конфронтации» [6, с. 256]. Именно в таком ключе консолидация трактуется в большинстве энциклопедий и словарей². Таким образом, консолидация рассматривается

¹ Павлов Д. Ю. Указ. соч. С. 15.

² Например, в «Энциклопедии социологии» консолидация – это упрочение, укрепление, сплочение различных социальных сил, групп, организаций для преодоления кризисной ситуации и достижения определённых целей; в «Большой советской энциклопедии» консолидация трактуется как упрочение, укрепление чего-либо, объединение, сплочение отдельных лиц, групп, организаций для усиления борьбы за общие цели.

как воплощение ценностно-целевого единства населения, правда, не вполне очевидно, как оно может быть достигнуто в высоко дифференцированном социуме.

Однако в действительности однозначно упрощённое («линейное») понимание социальной консолидации не согласуется с реальностью, которая, как всегда, богата нюансами. То, что в данном случае мы имеем дело с исключительно сложным явлением, следует уже из признания вариативности трактовки солидарности, в которой ещё Э. Дюркгейм различал механическую и органическую формы [17]. В современной реальности мы, как правило, имеем дело с многообразием «консолидаций». А. С. Капто, в частности, выделяет несколько типов консолидационных процессов: конгломеративный, консоциальный, макроцентристский, неоконсервативный, некоммунитарный [6, с. 257]. Однако при этом он оставляет за пределами внимания критерий типологизации, хотя указание на него могло бы снять многие вопросы. По нашему мнению, этот критерий необходим, и в качестве него может выступать источник консолидационного движения в регионах, на основе различения которого можно выделить:

– *стихийную консолидацию*, представляющую собой форму самоорганизации и саморегулирования сообществ на основе ощущения причастности к конкретному сообществу, представления о том, что взаимопомощь и поддержка в большей степени, чем индивидуализм, обеспечивают благополучие человека; источником консолидации в данном случае выступает инициатива самих граждан (источник – насущные потребности и интересы личности);

– *кризисную*. В определённой степени её можно рассматривать в качестве специфического варианта стихийной, поскольку данный сценарий также предполагает самостоятельное сплочение граждан, но осуществляемое под влиянием внешнего триггера, в качестве которого обычно выступает комплекс опасностей и угроз (источник – представление об опасностях);

– *административную*. В рамках её консолидация – принудительное объединение горожан с использованием ресурсов государственной и муниципальной власти (источник – властное принуждение);

– *имитационную*. Для неё типична симуляция объединительного процесса в регионах, выражающаяся в декларациях о приверженности консолидационным ценностям, в демонстрации намерений и в декорации интеграции путём создания «псевдогражданских» структур (ГОНГО-организаций); источником в данном случае являются интересы групп, решающих таким способом свои корпоративные проблемы (источник – корпоративные интересы групп влияния);

– *партнёрскую*. Она реализуется как совместный проект государственных (региональных) структур и институтов гражданского общества, где инициатива последних является приоритетной, а управление сводится к созданию условий для её осуществления (источник – государственно-общественное согласие). Именно в этом случае решающую роль играет ценностно-смысловой консенсус, хотя бы в отношении ценностей консолидации (к ним мы относим идентичность, справедливость, доверие и ответственность). Эту форму, как правило, имеют в виду авторы, когда рассуждают о консолидации. Но именно

она трудно осуществима в настоящее время в регионах, поскольку ощущение ценностного консенсуса отсутствует у значительной части граждан. Так, только 11% из числа городских жителей идентифицировали себя с региональным сообществом; 24,6% считают, что жизнь в их городе устроена справедливо. Правда, относительно высокими являются показатели межличностного доверия, но они относятся к членам семьи (84,45%) и соседско-родственного окружения (65,5%). Показатель доверия к жителям города вообще составил 36,8%. 64,8% респондентов не признали необходимость отвечать за общество и согласились с утверждением: человек несёт ответственность только за себя.

Сложность заключается в том, что формы консолидации могут в реальной жизни довольно причудливым образом переплетаться, соединять в себе несколько элементов.

Но всё же очевидно, что в каждом из этих вариантов развития будут действовать разные механизмы консолидации с неоднозначным эффектом. И практика приграничья уже в какой-то мере продемонстрировала это. Так, оказалась мало востребованной и не вполне эффективной административная (с элементами имитационной) форма на Белгородчине, но в экстремальной ситуации на той же территории довольно успешно реализуется кризисная (с элементами административной).

Отметим: неоднозначность интерпретации консолидации довольно отчётливо понимают практики-специалисты, в той или иной мере включённые в государственное и муниципальное управление. В частности, в ходе исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» эксперты, среди которых 90% составили управленцы-практики и преподаватели вузов, работающие по направлению «государственное и муниципальное управление», не пришли к единому мнению о сущности консолидации. 21 из 50 опрошенных экспертов согласились с её определением как состояния «сплочённости социальной группы или общества для достижения общих (осознанных и поддерживаемых большинством) целей». Почти каждый пятый эксперт указал, что это «процесс объединения (сплочения) на основе общих интересов, потребностей и ценностей» (9 опрошенных). Для 7 экспертов – это «активный процесс социализации граждан, их заинтересованное участие в делах своего корпоративного объединения, города, региона, страны». 6 человек выбрали вариант «укрепление и сплочение общества, которое достигается посредством различных средств: религия, идеология, национальность и др.», 4 эксперта – вариант «процесс объединения индивидов в некоторую общность и последующее образование связей между ними».

Определение консолидации только как сплочения, объединения, ценностного консенсуса без указания на механизмы её реализации, а также на то, что эти механизмы в разных условиях будут отличаться друг от друга, означает лишь попытку следовать принципу «презумпции простых решений», то есть просто их не замечать. При этом стереотип объединения/сплочения, в сущности

являющийся своего рода желаемым нормативным требованием к организации общественной жизни, рассматривается в качестве реально осуществимой в современных условиях идеи.

Но при всей привлекательности такого подхода явно просматривается отсутствие достаточных оснований для осуществления консолидации в ситуации, которую С. А. Кравченко определил как «нормальную аномию» [27, с. 10]. Одной из её характеристик является существенное снижение регулирующей роли ценностей и норм. В этих условиях необходим реалистический подход к формулировке «консолидационной идеи», которая осуществляется различными способами в зависимости от условий.

Так, мы полагаем, что в настоящее время социальную консолидацию уместнее всего рассматривать как соответствующий естественной природе человека, осуществляющийся стихийно либо целенаправленно организуемый и регулируемый (в том числе и саморегулируемый) процесс укрепления межличностных и межгрупповых коммуникаций, достижения взаимопонимания в отношении решения общих проблем на основе диалога и сотрудничества (партнёрства) социальных институтов и населения. Это определение соответствует смешанной административно-стихийной форме с преобладанием административного начала.

Данное определение сформулировано с учётом нескольких аспектов:

– учёт специфики развития современных локальных сообществ и внешних условий, в которых оно реализуется, предполагающий отказ от формулирования понятий как неких идеалов, от стремления некритически оценивать и возрождать архаические концепции. Как уже отмечалось, факторами, определяющими эту специфику, являются «нормальная аномия» и снижение регулирующей роли ценностей¹;

---

¹ Суть данного явления заключается в том, что граждане формально признают важность той или иной ценности, но не готовы руководствоваться ею в повседневной жизни. Масштабы его распространения ещё следует изучать, но имеющиеся социологические данные позволяют фиксировать наличие подобного рассогласования, по меньшей мере в отношении некоторых так называемых ценностей консолидации. Так, исследование «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» (2022 г.), проведённое в Белгородской области, выявило, что лишь некоторые из них заметно влияют на формирование позитивного восприятия консолидации. В массовом сознании имеет место значимая зависимость (сильная связь по шкале Чеддока, $r = 0,883$) между ощущением справедливости и признанием необходимости консолидации. Но уже в отношении доверия связь между этой ценностью и интенцией к консолидации не столь очевидна. Она является сильной в отношении доверия родственникам ($r = 0,768$), друзьям и знакомым ($r = 0,706$), соседям ($r = 0,816$), но слабой или средней – руководителю ($r = 0,581$), органам местной власти (средняя связь – $r = 0,655$), общественным организациям (средняя связь – $r = 0,551$), группам в социальных сетях (слабая связь – $r = 0,479$). В настоящее время мы можем лишь предположить, что снижение роли ценностей как социального регулятора представляет собой одну из превалирующих тенденций общественного развития.

– опора на коммуникативную концепцию солидарности Ю. Хабермаса. Поскольку солидарность является одной из форм самоорганизации коммуникаций, понятие «коммуникация» является по отношению к ней более общим (отметим, что Ю. Хабермас связывал установление отношений солидарности именно с «неискажённой» дискурса, то есть качеством коммуникаций [19, с. 158]; в свою очередь, менее общими по отношению к нему выступают, например, понятия «идентичность», «справедливость», «доверие»;

– рассмотрение солидарности как результата реализации определённой политики, а консолидации – как процесса достижения данного результата. Иными словами, консолидация ведёт к утверждению солидарности как принципа жизнедеятельности любого сообщества.

Однако формулировка реалистической позиции связана с рядом условий. Во-первых, солидарность и консолидация должны реально утвердиться в общественных практиках, получив статус феномена, то есть наблюдаемого явления (этот опыт сегодня наличествует в виде солидарных практик, «иницированных» СВО, и частично в виде попытки формирования регионального солидарного общества в Белгородской области). Во-вторых, социологи должны обладать исследовательскими программами и методикой их эмпирического анализа. В-третьих, следует отказаться от политизации и идеологизации предмета своего анализа, стремясь к максимально объективной оценке.

2. *Концепт консолидации как необходимости.* Часть акторов, рассуждая о консолидации, прямо или косвенно исходят из утверждения о том, что она является необходимым этапом развития в современном российском обществе. При этом они нередко не поясняют, кем и в какой степени эта необходимость ощущается и артикулируется. В ряде случаев используются ссылки на некие общие тенденции, требования времени, социальные приоритеты.

С. В. Леонова утверждает: «Социальная солидарность – важное нововведение, создающее актуальную требованиям времени форму социального взаимодействия граждан и государства, основанную на доверии и сплочённости» [8, с. 565]. В образном изложении В. В. Узунова Юг России стоит «перед проблемой социальной консолидации», под которой он понимает процесс, «характеризующийся сплочением социальных групп, общества в целом вокруг остро стоящих перед ним социальных проблем на основе единого понимания и согласия по поводу целей и способов их разрешения» [28, с. 57]. Н. В. Нарыков и И. С. Кузьменко пишут: «Для современного общества органическая солидарность является приоритетом как раз в силу того, что способствует объединению людей, в значительной степени различающихся по частным признакам» [29, с. 29]. Но если необходимость консолидации очевидна для некоторых исследователей, то она, возможно, не вполне очевидна для населения. К тому же столь важный аспект проблемы требует весомых аргументов. Неясность и размытость предлагаемых при его разъяснении формулировок задают широкое поле для интерпретаций и домыслов, порождая вопрос, почему такое востребованное явление с большим трудом реализуется на практике, по меньшей

мере – если речь идёт о так называемой позитивной консолидации, и становится более результативным в случае негативной консолидации, в основе которой лежат «демаркация» и «исключение» [2].

Пожалуй, наиболее конкретно отвечают на вопрос о необходимости консолидации Т. Н. Самсонова и Д. Н. Цыганкова, когда пишут: «Как представляется, и власть, и граждане осознают необходимость общенациональной консолидации на всех уровнях их взаимоотношений, ибо, как гласит русская пословица, “без единства ни в одном деле толку нет”» [30, с. 30].

Идея необходимости консолидации разделяется и нами, но при этом мы предлагаем обратить внимание на ряд обстоятельств, связанных с неоднозначностью и не всегда последовательностью позиций потенциальных участников (партнёров) процесса, к которым в условиях слабости гражданских институтов в большинстве субъектов РФ относятся, фактически, только власть и население.

Если рассматривать позицию власти, то она, на первый взгляд, однозначно комплементарная к консолидации. Ещё в 2003 году в своём послании Федеральному Собранию к числу приоритетов развития России Президент РФ отнёс консолидацию «на основе понятных и чётких целей ...вокруг базовых общенациональных ценностей и задач, без которой противостоять имеющимся угрозам будет невозможно»¹. Но следует учесть: даже позиция президента автоматически не означает, что идея консолидации принята большей частью элит, в том числе и региональных. Но в настоящее время мы не имеем достаточных эмпирических данных для оценки их позиции. Правда, опыт участия в реализации формирования регионального солидарного общества показывает: инициатива их представителей в данном отношении невелика, а скепсис существенен.

На первый взгляд, утверждения о необходимости консолидации обоснованы и применительно к населению. Они подтверждаются и результатами проведённой нами диагностики общественного мнения. В частности, в ходе комплексного мониторинга «Консолидационный потенциал Белгородской области» с утверждением о необходимости консолидации согласились полностью или частично («скорее да, чем нет») 58,2% респондентов, в той или иной мере негативную позицию заняли 22,6% опрошенных.

Однако эти данные сами по себе не дают полного представления относительно всей сложности ориентаций общественного мнения. Во-первых, нельзя не учитывать, что доля респондентов, давших позитивные ответы в отношении необходимости консолидации, лишь немногим превысила половину (26,3% вообще заявили о безразличном отношении к проблеме, и их, скорее всего, следует отнести к латентным противникам консолидации). Во-вторых, опрос проводился в Белгородской области, где, несмотря на многие издержки реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества на 2011–2025

---

¹ Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 16.05.2003 // Президент России: сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36352> (дата обращения: 20.08.2024).

годы», осуществлялась довольно длительное время пропагандистская кампания в поддержку солидаризма. Если же учесть, что одной из характерных черт поведения респондентов в ходе анкетных опросов является готовность давать ожидаемые, по их мнению, ответы, можно предположить: реальное соотношение «позитивистов» и «негативистов» следует смещать в сторону увеличения доли последних.

Наконец, в-третьих, – и это представляется нам наиболее важным – консолидация не только принимает различные формы, но проходит разные этапы в своём развитии. В частности, среди них целесообразно выделить символический и деятельностный. Первый связан с приданием данной идее общественного значения, наполнением её позитивным психоэмоциональным содержанием, апеллирующим к человеческим потребностям и интересам. Существенным элементом этого процесса является его карнавализация, выражающаяся в череде публичных мероприятий чисто демонстрационного характера, в ходе которых и постулируется необходимость консолидационной идеи. Но ритуальное повторение само по себе не означает её интериоризацию, превращение в мотивационный фактор и включение населения в реальные консолидационные практики, что и должно составить содержание второго этапа. Без этого консолидация региональных сообществ останется в пределах чисто символической декларации о благих намерениях участвовать в решении общих проблем, что следует рассматривать лишь в качестве первого шага к интеграции, который сделать довольно легко, но при этом необходимость остаётся на уровне намерений и фактически не приобретает своих атрибутивных характеристик – однозначной детерминации конкретной областью реальности, неустраимости в её границах.

Если опираться только на полученные данные, намерение участвовать в консолидации присуще многим гражданам.

Так, в ходе нашего исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды» в большей или меньшей степени готовность обсуждать городские проблемы с другими людьми высказали 86,3% респондентов, а с органами власти – 81,5% участников исследования. Морально поддержать тех, кто находится в трудной жизненной ситуации, согласны 82,3% опрошенных, материально – 71,2%. Готовы к объединению с другими людьми для решения городских проблем 79,4% горожан, к участию для этого в деятельности различных общественных организаций и объединений – 77,7%. Исследования белгородского автора Н. Н. Капустиной, проведённые в сельской местности, дают основания утверждать, что уровень такой готовности у сельчан ещё ниже, хотя сама по себе оценка готовности к взаимопомощи и взаимодействию является высокой¹.

---

¹ Капустина Н. Н. Формирование и наращивание консолидационного потенциала сельских муниципальных образований : дис. ...канд. социол. наук : 5.4.7 / Капустина Надежда Николаевна ; науч. рук. В. П. Бабинцев ; Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, 2022. С. 77.

Однако реально в подобных практиках, в ходе которых намерения и могут быть трансформированы в необходимые действия, направленные на совместное участие в решении общезначимых вопросов, принимали участие сравнительно немногие. По данным проведённого нами исследования «Социальная консолидация городских сообществ: возможности и ограничения в условиях дигитализации урбанизированной среды», в мероприятиях по благоустройству дома, микрорайона, населённого пункта, в которых проживают респонденты, участвовали 51,3%; в собраниях жильцов дома – лишь 33,7% респондентов; 26,7% – в ремонте общего дома или общественных зданий и помещений (школа, детский сад, поликлиника и т. п.); 25,0% оказывали безвозмездную помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию; 22,2% – участвовали в выборах, а 21,5% организовывали мероприятия среди жильцов дома, района, города. Реже всего горожане работали волонтерами (16,6%), участвовали в обсуждении городских проблем (13,1%), собирали подписи, индивидуальные обращения к властям и органам местного самоуправления (12,2%), наблюдали за порядком в составе добровольных народных дружин и на выборах (7,4%), участвовали в деятельности общественных объединений и партий (6,1%), в митингах, пикетах и акциях протеста (4,2%), а 4,5% вообще не участвовали за последние 2–3 года ни в каких мероприятиях.

Очевидно, существует множество причин, объясняющих, почему в массовой аудитории поддержка идеи необходимости консолидации не переводится на уровень практических действий. Эти причины связаны с общей социальной пассивностью граждан, недостаточной институционализацией общественного участия, дефицитом объединяющих ценностей, наличием бюрократических барьеров и т. п. Однако, на наш взгляд, две из них заключаются в специфике самого консолидационного процесса.

Первая связана с тем, что успешная консолидация должна иметь основания в развитии самого регионального сообщества. В поисках такого основания специалисты чаще всего ссылаются на идентичность. А. Е. Коньков пишет: «Солидарность, которая как при сходствах, так и при различиях не может не базироваться на понимании субъектом своей принадлежности (принадлежности себя к тому, что понимается как своё), в условиях последовательных кризисов идентичности начинает носить всё менее длительный и активно ситуативный характер» [31, с. 189].

Идентичность как предпосылку социальной консолидации рассматривают ряд современных исследователей (см., напр.: [31; 28; 32]). В. В. Дьякова, обобщая опыт собственного исследования, заключает: «По итогам исследования подтверждена прямая зависимость между степенью солидарности местного населения и уровнем их региональной идентичности. Чем чаще респонденты отмечали наличие чувства солидарности с жителями региона, тем больше идентифицировали себя с региональной общностью. Причём этот вывод верен для каждого из четырёх регионов – Волгоградской и Астраханской областей, Республики Дагестан и Республики Калмыкия» [5, с. 31].

Символический ресурс идентичности, как и возможности его использования, рассматриваются предельно широко. Отмечается, что политика «поддержания идентичности», в частности, проводимая в связи с этим во многих регионах, направлена на «создание или поддержание представления об уникальности места, сплочение местного сообщества, выработку общих ценностей» [33, с. 112].

Но безусловный характер данное утверждение принимает лишь в том случае, если наблюдается реальная идентификация людей с тем или иным сообществом, что имеет место далеко не всегда, поскольку предполагает по меньшей мере признание субъектами факта наличия такого сообщества на региональном или даже местном уровне. Между тем проведённое нами в 2021 году в Белгородской области исследование показало, что многим участникам фокус-групп вопрос о наличии регионального сообщества показался довольно неожиданным. Зачастую они не могли определить, что превращает жителей области или города в сообщество, то есть в некое единство, скреплённое общими интересами. Они апеллировали главным образом к истории, а рассуждения участников об актуальных на сегодняшний день основаниях формирования сообщества были противоречивыми и путанными.

«Считаю, что региональное сообщество имеет место быть в Белгородской области. Имеется само название местных жителей, которые называют себя белгородцами, регион – Белгородчиной. Белгородский регион имеет отличительные признаки: природно-климатические (меловые холмы), особенный говор: белгородское колоритное глухое “г”, знаковые места (Прохоровское поле, Холковский мужской монастырь). “Святое Белогорье” – наличие храмов практически в каждой сельской территории, не говоря уже о городах» (жен., 40 лет, муниципальный служащий).

«Аргументы в пользу того, что оно есть: единая территория, на которой проживает население Белгородской области, государственное и территориальное устройство, общие интересы, ценности, культура, традиции...» (жен., 47 лет, работник сферы образования).

«Аргументы в пользу наличия сообщества: наличие общей территории – Белгородская область имеет чёткие территориальные границы. Временные рамки – есть коренные жители (несколько поколений проживало на данной территории) и есть приехавшие на постоянное место жительства люди. Независимо от места работы или места проживания, они все находятся в постоянном взаимодействии и стремятся к достижению определённых целей – в зависимости от своей принадлежности к тому или иному социальному институту...» (жен., 41 год, работник сферы образования).

«На мой взгляд, региональное белгородское сообщество представляет собой реализацию разных идей, способствующих улучшению качества жизни населения» (жен., 28 лет, журналист).

Не абсолютизируя полученные результаты, можно предположить: проблема региональной идентичности в настоящее время является весьма сложной.

Как и готовность к консолидации, идентификация носит преимущественно символический характер. Демонстрируя её, многие граждане лишь воспроизводят своего рода обязательную формулу, не придавая ей серьёзного значения и предпочитая в своём большинстве идентифицироваться на микроуровне (с семейно-родственной группой), на макроуровне – с Россией в целом. Вряд ли следует рассчитывать, что такое восприятие может служить основанием для консолидации больших сообществ.

СВО существенно изменила ситуацию в приграничных с Украиной субъектах РФ, усилив ощущение общероссийской и региональной идентичности, что стимулировало развитие консолидационных практик.

Вторую причину декларативности заявлений о необходимости консолидации мы усматриваем в упрощённом понимании роли солидарности в регулировании современных общественных процессов как населением, так и представителями разных уровней публичной власти. В данной связи необходимо уточнение сформулированного выше тезиса о том, что эту необходимость поняли во властных структурах. Он, как показывает опыт Белгородской области, справедлив главным образом для «первых лиц» и их довольно узкого элитного окружения. Но и они, что уже отмечалось выше, чаще всего понимают солидарность только как систему взаимоотношений, минимизирующих возможность конфликтов, гармонизирующих межгрупповые отношения, особенно важную в кризисных ситуациях, в то время как роль данного феномена гораздо значительнее.

Солидарность способна выступать в качестве одного из метасоциальных институтов – регуляторов жизнедеятельности сообществ различного уровня самоорганизации¹. В основе данной концепции лежит представление о социальном институте как установлении стандартов, правил, норм, ограничений, регламентирующих поведение людей [34, с. 111–118]. По определению Д. Норта, институты создали «те базовые структуры, с помощью которых люди на протяжении всей истории добились порядка и таким образом снизили степень своей неуверенности» [35, с. 23].

Институты как «правила игры» могут быть различными по масштабам, формам и направлениям своего воздействия, времени существования. Особенности метаинститута, по нашему мнению, являются:

- предельно широкая сфера влияния, распространяющаяся на всю культурно-цивилизационную общность;
- длительное время существования, адекватное жизни культурно-цивилизационной формы;
- наличие универсальной институциональной матрицы, включающей разнообразные по своей форме нормы (правовые, нравственные, конвенциональные, традиционные), но объединённые в рамках единого ценностно-нормативного паттерна;

---

¹ Ковригина Г. Д. Социальная солидарность как метаинститут: дис. ...д-ра филос. наук: 09.00.11 / Ковригина Галина Дмитриевна; Забайк. гос. ун-т. Чита, 2020. С. 20.

– многофункциональный характер, заключающийся в способности регулировать отношения в самых различных социальных сферах.

Метасоциальный институт – это, прежде всего, институт развития, институт расширенного воспроизводства социума. И лишь во вторую очередь – институт решения повседневных жизненных проблем, самосохранения и защиты.

Солидарность, рассматриваемая как система правил и стандартов поведения, соответствует этим критериям, поскольку органически связана с существованием цивилизации, формулирует правила поведения в самых различных областях, способствует удовлетворению разнообразных потребностей личности, постановке и достижению соответствующих им целей.

На наш взгляд, только утверждение представления о солидарности как о важнейшем социальном метарегуляторе способно радикально изменить отношение к консолидации в обществе, в первую очередь, в региональной элите. И это изменение должно заключаться в отказе от ограниченного представления о консолидации и в переходе к пониманию универсальности консолидационного процесса, его действительной необходимости, своевременности и возможности.

Однако в настоящее время говорить о таком изменении крайне трудно. И позиция социального реализма требует признать, что представление о необходимости консолидации как одной из доминант требует существенных уточнений.

Выводы

Современная гибридная реальность, характеризующаяся взаимосвязью и взаимозависимостью традиционного «физического» и виртуального пространства, создаёт благоприятные условия для переоценки многих положений социально-гуманитарного знания. Наиболее часто объектом ревизии становятся проблемы, либо не получившие глубокого теоретического обсуждения (и в этом случае они являются показателем дефицита знаний), либо, напротив, возникшие в результате доминирования веками складывающихся стереотипов, демонстрируя неспособность некоторых современных исследователей преодолеть преклонение перед авторитетами. Проблематика, выявившаяся в ходе изучения процессов социальной консолидации, относится ко второй группе.

Предпринятая нами попытка рассмотреть содержание лишь двух концептов, сложившихся при обсуждении проблемы консолидации (концепта ценностно ориентированной сплочённости и консолидации как необходимости) на материалах исследований в приграничных с Украиной регионах России, в одном из которых имеется опыт реализации консолидационного проекта в стабильной среде, и в обоих он накапливается в условиях вооружённого конфликта, даёт основание утверждать: несмотря на то, что практически любой из представленных в настоящее время подходов к интерпретации консолидационного процесса содержит элементы истины, они, как правило, не вполне точно интерпретируются

актерами, пытающимися выдать желаемое за действительное либо «уложить реальность» в принятые ими рамки политической корректности. Почти во всех случаях это ведёт к упрощению реальности, односторонним заключениям, в то время как она постоянно изменяется и усложняется. В этих условиях только позиция социального реализма позволяет избежать ошибочных суждений или по меньшей мере минимизировать их. С точки зрения социального реализма можно утверждать, что два важных рассматриваемых концепта требуют уточнений. В реальности находят место различные формы консолидации и, соответственно, применяются разные механизмы. В современных условиях, как показывает практика, наиболее реальной является кризисная форма, стимулируемая в приграничных с Украиной регионах нарастанием опасностей и угроз. В меньшей степени возможна административная. И пока видится лишь в качестве перспективы партнёрская, опирающаяся на ценностный консенсус.

При этом консолидация воспринимается значительной частью регионального сообщества как декларация о намерениях и не воплощается в конкретные социально-преобразующие практики.

Авторы понимают, что полученные ими выводы не универсальны. Возможно, анализ ситуации в других регионах РФ даст основания для их корректировки, но реалии приграничья позволяют не только формулировать их достаточно определённо, но предлагать учитывать в процессе управления субъектами РФ, особенно в контексте специальной военной операции.

Безусловно, проблемы консолидации должны быть, насколько это возможно в современных условиях, выявлены и разрешены. Необходимыми условиями для этого являются: качественная диагностика, реализм в оценке социальных процессов, регулярный государственно-общественный диалог и поощрение консолидационных практик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Захарова О. В. Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015) // Вестник Института социологии. 2016. № 2 (17). С. 29–45. DOI [10.19181/vis.2016.17.2.395](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.395). EDN [WXBVJHR](#).
2. Бойцова О. Ю. К вопросу о «негативной солидарности» как концепте политической философии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 4. С. 60–69. EDN [XWOSST](#).
3. Вавилина Н. Д. Солидаризация как социальное явление и социальный процесс: региональный контекст // Регион: Экономика и Социология. 2019. № 3 (103). С. 164–194. DOI [10.15372/REG20190307](https://doi.org/10.15372/REG20190307). EDN [JVIREB](#).
4. Вольтер В. О. Национальная идеология как фактор консолидации российского общества в условиях формирования нового миропорядка // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 3. С. 67–72. EDN [EIWQNI](#).
5. Дьякова В. В. Солидарность в контексте анализа региональной идентичности (по результатам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2021. № 12. С. 30–34. DOI [10.24158/tipor.2021.12.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.12.3). EDN [TLYVAJ](#).

6. *Капто А. С.* Объединяющие ценности социальной консолидации // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 256–265. EDN **TJDPFX**.
7. *Левашов В. К.* От Москвы до самых до окраин: резервы консолидации // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 166–170. DOI **10.31857/S013216250002799-1**. EDN **YPHVTF**.
8. *Леонова С. В.* Конституционный принцип социальной солидарности как основа консолидации российского общества и государства // Известия Байкальского государственного университета. 2021. Т. 31, № 4. С. 562–567. DOI **10.17150/2500-2759.2021.31(4).562-567**. EDN **IKLLZK**.
9. *Мерзликин Н. В., Иванов А. В.* Социальная консолидация в контексте специальной военной операции (экспертная оценка) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 85–96. DOI **10.19181/nko.2022.28.4.7**. EDN **UAVMUP**.
10. *Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В.* Социокультурные аспекты трансформации российского общества в условиях «новой реальности» // Социальная политика и социология. 2023. Т. 22, № 1 (146). С. 103–110. DOI **10.17922/2071-3665-2023-22-1-103-110**. EDN **WVPSEM**.
11. *Рогачев С. В., Ильичева М. В., Иванов А. В.* Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 129–140. DOI **10.24412/2071-6141-2022-1-129-140**. EDN **NOCHSG**.
12. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М. : Добросвет, 2000. 389 с. ISBN 5-7913-0040-9. EDN **FVFYSF**.
13. *Буайе П.* Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие / П. Буайе ; пер. с англ. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 436 с. ISBN 978-5-0013-9180-7.
14. *Boyd R., Richerson P. J.* Culture and the Evolutionary Process. Chicago : University of Chicago Press, 1985. 340 p. ISBN 9780226069333.
15. *Ридли М.* Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству / М. Ридли ; пер. с англ. А. Чечиной. М. : Эксмо ; Династия, 2014. 332 с. ISBN 978-5-699-63688-4.
16. Факторы формирования социального доверия в приграничных регионах России / А. А. Горбунова, С. Г. Максимова, М. В. Плотникова, М. А. Гришанова // Society and Security Insights. 2021. Т. 4, № 4. С. 62–76. DOI **10.14258/ssi(2021)4-04**. EDN **ZPWNHG**.
17. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1996. 430 с. ISBN 978-5-88873-036-1.
18. *Бурдьё П.* Социология социального пространства / П. Бурдьё ; общ. ред. пер. Н. А. Шматко. М. : Алетейя, 2005. 288 с. ISBN 5-89329-762-8.
19. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас ; пер. с нем. ; под ред. Д. В. Складнева. СПб. : Наука, 2000. 377 с. ISBN 5-02-026810-0.
20. *Bourdieu P.* The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. G. Richardson. N. Y. : Greenwood Press, 1986. P. 241–258. URL: https://home.iitk.ac.in/~amman/soc748/bourdieu_forms_of_capital.pdf (дата обращения: 20.08.2024).
21. *Schutz A.* The Problem of Social Reality // Collected Papers IV / A. Schutz. Berlin : Springer Dordrecht, 1996. Vol. 136. P. 71–72. (Phaenomenologica). DOI **10.1007/978-94-017-1077-0_6**.
22. *Дука А. В.* Введение в проблему. Консолидация как проблема // Условия и возможности консолидации российского общества. Сборник научных трудов СИ РАН / Отв. ред. : А. В. Дука, И. И. Елисеева. СПб. : Нестор-История, 2010. С. 8–29. EDN **VUBWQP**.

23. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Имитации в высшем образовании как социальная проблема // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 5. С. 88–106. DOI [10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106). EDN [LTFFQP](#).
24. Волков Ю. Г. Креативный класс Versus имитационных практик // Гуманитарий Юга России. 2012. № 1. С. 43–58. EDN [SBLTNR](#).
25. Закирова Т. В. Фальшивая жизнь современного общества и её связь с социальной имитацией // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2021. № 1. С. 107–112. DOI [10.25198/2077-7175-2021-1-107](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-1-107). EDN [ZHCGZL](#).
26. Хабибуллина З. Н. Имитация как социокультурный атрибут современного общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 5-1. С. 143–149. DOI [10.34670/AR.2022.64.43.017](https://doi.org/10.34670/AR.2022.64.43.017). EDN [JLSSNR](#).
27. Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8 (364). С. 3–10. EDN [SOARRD](#).
28. Узунов В. В. Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4, № 2 (12). С. 56–69. DOI [10.18522/2658-5820.2021.2.5](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.2.5). EDN [CNSSYS](#).
29. Нарыков Н. В., Кузьменко И. С. Информационная коммуникация как фактор социальной солидарности // Общество: философия, история, культура. 2020. № 4 (72). С. 25–29. DOI [10.24158/fik.2020.4.3](https://doi.org/10.24158/fik.2020.4.3). EDN [YGZNFN](#).
30. Самсонова Т. Н., Цыганкова Д. Н. Основные проблемы и направления достижения консолидации российского общества // Теория и практика общественного развития. 2020. № 11 (153). С. 24–31. DOI [10.24158/tipor.2020.11.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2020.11.3). EDN [SVMRAF](#).
31. Коньков А. Е. Солидарность в политике современного государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 182–195. DOI [10.24411/2070-1381-2019-10084](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10084). EDN [NIPSIS](#).
32. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. Д. Харичев, А. Ю. Шутов, А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6, № 3. С. 9–19. DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19). EDN [EGEABU](#).
33. Довбыш Е. Г. Сетевые технологии формирования городской идентичности // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 111–118. EDN [PYIATN](#).
34. Кораблева Г. Б. Социальные институты и социальные организации: особенности взаимодействия // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2009. № 4 (70). С. 111–118. EDN [KXYYSF](#).
35. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с. ISBN 5-88581-006-0. EDN [YQDVYE](#).

Сведения об авторах

В. П. Бабинцев

доктор философских наук, профессор,

профессор

SPIN-код: [8599-4267](#)

Г. Н. Гайдукова

кандидат социологических наук, доцент,

доцент

SPIN-код: [4529-6781](#)

Я. И. Серкина

доктор социологических наук, доцент,
профессор
SPIN-код: 7133-9098

Ж. А. Шаповал

кандидат социологических наук, доцент,
доцент
SPIN-код: 2588-8652

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 30.09.2024;
принята к публикации 20.01.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.3

PROBLEMS OF REGIONAL COMMUNITIES' CONSOLIDATION: THE POSITION OF SOCIAL REALISM

Valentin Pavlovich Babintsev¹

Galina Nikolaevna Gaidukova²

Yana Igorevna Serkina³

Zhanna Aleksandrovna Shapoval⁴

^{1, 3, 4}Belgorod State National Research University,
Belgorod, Russia

²North-Western Institute of Management – RANEPА branch,
Saint Petersburg, Russia

¹babintsev@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-0112-6145

²g_gaidukova@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0001-6300-9174

³serkina_ya@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-5106-7104

⁴shapoval@bsuedu.ru,

ORCID 0000-0002-8069-9274

For citation: Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Serkina Y. I., Shapoval Zh. A. Problems of regional communities' consolidation: the position of social realism. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1):48–73. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.3.

Abstract. The purpose of the article is a critical analysis of the most common concepts of regional communities consolidation, their verification based on the results of an empirical study in the regions bordering Ukraine in Russia in the early 20s of this century. Justifying the relevance of the topic under consideration, the authors point out the contradiction between the objectively conditioned, adequate essence of man, the intention to consolidate, which

is reflected both in the declarations of state leaders and public leaders, as well as a significant part of the population, and the limitations of its real practices. This contradiction has not yet been satisfactorily explained in the sociological literature, which is dominated by a simplified view of consolidation as a rallying of citizens based on common values. The article examines two concepts of consolidation (value-based cohesion and consolidation as a necessity) and argues that the mechanisms of consolidation are complex and far from obvious. The attempt to simplify the idea of them in epistemological terms reflects the inability to comprehend the real consolidation process in all its inconsistency. In the social aspect, the reasons are related to the desire of researchers to comply with modern political trends, without their full reflection, which indirectly indicates that the “disease” of servility has not been completely cured. The authors prove that only the position of social realism, which is based on an understanding of the ambiguity and heterogeneity of the consolidation process, liberation from considerations of political conjuncture, problematization and deproblematization, reflexive assessment of their own experience of analysis, as well as the experience of other authors, avoids erroneous judgments, although it does not guarantee this. The formulated conclusions are based on the results of two author’s sociological studies conducted in 2021 and 2022 in Belgorod, Voronezh and Kursk regions, and although the research almost did not capture the period of its own, it contrasts quite sharply with the previous “peaceful” period in terms of consolidation practices. This contrast reflects many aspects of the problem not only in relation to the border area, but also to other territories. Based on the results obtained, the authors argue that it is possible to talk about various forms of consolidation – spontaneous, administrative, crisis, partnership, the mechanisms of each of which have their own characteristics. The insufficient success of consolidation is currently associated with the inadequacy of its preferred form (partnership) to the prevailing conditions and the low level of readiness of the population to participate in solving common regional problems. This contradiction is more or less successfully resolved in the frontier regions when choosing a crisis form, in the long term – a mixed, administrative and spontaneous one.

Keywords: social consolidation, social solidarity, identity, community, local community, metasocial institution, border region

REFERENCES

1. Zakharova O. V. Strategies for the representation of the “consolidation” category in the conjunctive discourse of the Russian president (2000–2015). *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sociologii*. 2016;(2):29–45. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2016.17.2.395](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.395).
2. Boitsova O. Yu. On the issue of “negative solidarity” as a concept of political philosophy. *Bulletin of the Moscow University. Episode 7: Philosophy=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 2018;(4):60–69. (In Russ.).
3. Vavilina N. D. Solidarization as a social phenomenon and social process: regional context. *Region: Economics and Sociology=Region: E'konomika i Sociologiya*. 2019;(3):164–194. (In Russ.). DOI [10.15372/REG20190307](https://doi.org/10.15372/REG20190307).
4. Voltaire V. O. National ideology as a factor of consolidation of Russian society in the context of the formation of a new world order. *Bulletin of the Armavir State Pedagogical University=Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2021;(3):67–72. (In Russ.).
5. Dyakova V. V. Solidarity in the context of the analysis of regional identity (based on the results of a sociological study). *Theory and practice of social development=Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2021;(12):30–34. (In Russ.). DOI [10.24158/tipor.2021.12.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2021.12.3).

6. Kapto A. S. Unifying values of social consolidation. *Socio-humanitarian knowledge=Social'no-gumanitarny'e znaniya*. 2015;(3):256–265. (In Russ.).
7. Levashov V. K. From Moscow to the outskirts: reserves of consolidation. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2018;(11):166–170. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250002799-1](https://doi.org/10.31857/S013216250002799-1).
8. Leonova S. V. The constitutional principle of social solidarity as the basis for the consolidation of Russian society and the state. *Proceedings of the Baikal State University=Izvestiya Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021;31(4):562–567. (In Russ.). DOI [10.17150/2500-2759.2021.31\(4\).562-567](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2021.31(4).562-567).
9. Merzlikin N. V., Ivanov A. V. Social consolidation in the context of a special military operation (expert assessment). *Science. Culture. Society=Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*. 2022;28(4):85–96. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.7](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.7).
10. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V. Sociocultural aspects of the transformation of Russian society in the conditions of the “new reality”. *Social policy and sociology=Sotsial'naya politika i sociologiya*. 2023;22(1):103–110. (In Russ.). DOI [10.17922/2071-3665-2023-22-1-103-110](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2023-22-1-103-110).
11. Rogachev S. V., Ilyicheva M. V., Ivanov A. V. Social trust and the process of consolidation of society: new opportunities and risks. *Izvestiya Tula State University. Humanities=Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki*. 2022;(1):129–140. (In Russ.). DOI [10.24412/2071-6141-2022-1-129-140](https://doi.org/10.24412/2071-6141-2022-1-129-140).
12. Baudrillard J. Symbolic exchange and death [Simvolicheskij obmen i smert']. Trans. from Fr. and introduction by S. N. Zenkina. Moscow: Dobrosvet; 2000. 389 p. (In Russ.). ISBN 5-7913-0047-6.
13. Boyer P. Anatomy of human communities. How consciousness determines our being. Trans. from English. Moscow: Al'pina non-fikshn; 2019. 436 p. (In Russ.). ISBN 978-5-0013-9180-7.
14. Boyd R., Richerson P. J. Culture and the Evolutionary Process. Chicago: University of Chicago Press; 1985. 340 p. ISBN 9780226069333.
15. Ridley M. The origin of altruism and virtue: from instincts to cooperation. Translated from English by A. Chechina. Moscow: Eksmo; Dinastia; 2014. 332 p. (In Russ.). ISBN 978-5-699-63688-4.
16. Gorbunova A. A., Maksimova S. G., Plotnikova M. V., Grishanova M. A. Factors of formation of social trust in the border regions of Russia. *Society and Security Insights*. 2021;4(4):62–76. (In Russ.). DOI [10.14258/ssi\(2021\)4-04](https://doi.org/10.14258/ssi(2021)4-04).
17. Durkheim E. On the division of social labor [O razdelenii obshchestvennogo truda]. Translated from the French by A. B. Hoffman. Moscow: Kanon; 1996. 430 p. (In Russ.). ISBN 978-5-88873-036-1.
18. Bourdieu P. Sociology of social space [Sociologiya social'nogo prostranstva]. N. A. Shmatko ed. Moscow: Aleteia; 2005. 288 p. (In Russ.). ISBN 5-89329-762-8.
19. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action [Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie]. Translated from German; D. V. Sklyadnev ed. St. Petersburg: Nauka; 2000. 377 p. (In Russ.). ISBN 5-02-026810-0.
20. Bourdieu P. The forms of capital. In: Handbook of theory and research for the sociology of education. J. G. Richardson ed. New York: Greenwood Press; 1986. P. 241–258. Available at: https://home.iitk.ac.in/~amman/soc748/bourdieu_forms_of_capital.pdf (accessed: 08.20.2024).
21. Schutz A. The problem of social reality. In: Collected papers IV. Berlin: Springer Dordrecht, 1996. Vol. 136. P. 71–72. (Phaenomenologica). DOI [10.1007/978-94-017-1077-0_6](https://doi.org/10.1007/978-94-017-1077-0_6).
22. Duka A. V. Introduction to the problem. Consolidation as a problem [Vvedenie v problemu. Konsolidaciya kak problema]. In: Conditions and possibilities of consolidation

- of Russian society. Collection of scientific papers of the SI RAS. A. V. Duka, I. I. Eliseeva eds. St. Petersburg: NestorIstoria; 2010. P. 8–29. (In Russ.).
23. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. Imitations in higher education as a social problem. *Higher education in Russia=Vy'sshee obrazovanie v Rossii*. 2021;30(5):88–106. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-5-88-106).
  24. Volkov Yu. G. Creative class Versus imitation practices. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarnij Yuga Rossii*. 2012;(1):43–58. (In Russ.).
  25. Zakirova T. V. The fake life of modern society and its connection with social imitation. *Intelligence. Innovation. Investment=Intellekt. Innovacii. Investicii*. 2021;(1):107–112. (In Russ.). DOI [10.25198/2077-7175-2021-1-107](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-1-107).
  26. Khabibullina Z. N. Imitation as a socio-cultural attribute of modern society. *Context and reflection: philosophy of the world and man=Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2022;11(5-1):143–149. (In Russ.). DOI [10.34670/AR.2022.64.43.017](https://doi.org/10.34670/AR.2022.64.43.017).
  27. Kravchenko S. A. “Normal anomie”: contours of the concept. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2014;(8):3–10. (In Russ.).
  28. Uzunov V. V. Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia. *Caucasian Science Bridge*. 2021;4(2):56–69. (In Russ.). DOI [10.18522/2658-5820.2021.2.5](https://doi.org/10.18522/2658-5820.2021.2.5).
  29. Narykov N. V., Kuzmenko I. S. Information communication as a factor of social solidarity. *Society: philosophy, history, culture=Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2020;(4):25–29. (In Russ.). DOI [10.24158/fik.2020.4.3](https://doi.org/10.24158/fik.2020.4.3).
  30. Samsonova T. N., Tsygankova D. N. The main problems and directions of achieving consolidation of Russian society. *Theory and practice of social development=Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2020;(11):24–31. (In Russ.). DOI [10.24158/tipor.2020.11.3](https://doi.org/10.24158/tipor.2020.11.3).
  31. Konkov A. E. Solidarity in the politics of the modern state. *Public administration. Electronic bulletin=Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronny'j vestnik*. 2020;(81):182–195. (In Russ.). DOI [10.24411/2070-1381-2019-10084](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10084).
  32. Kharichev A. D., Shutov A. Yu., Polosin A. V., Sokolova E. N. Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation). *Journal of Political Studies=Zhurnal politicheskix issledovanij*. 2022;6(3):9–19. (In Russ.). DOI [10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19](https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19).
  33. Dovbysh E. G. Network technologies of urban identity formation. *Man. Community. Management=Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 2012;(4):111–118. (In Russ.).
  34. Korableva G. B. Social institutions and social organizations: features of interaction [Social'nye instituty i social'nye organizacii: osobennosti vzaimodejstviya]. *Proceedings of the Ural State University. Ser. 3. Social sciences=Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvenny'e nauki*. 2009;4(70):111–118. (In Russ.).
  35. North D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy [Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki]. Translated from English by A. N. Nesterenko. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala»; 1997. 180 p. (In Russ.). ISBN 5-88581-006-0.

Information about the Authors

V. P. Babintsev

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor

ResearcherID: [ABD-1868-2020](https://orcid.org/0009-0001-8668-2020)

Scopus AuthorID: [23975595200](https://orcid.org/0009-0001-2397-5595)

G. N. Gaidukova

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Associate Professor
ResearcherID: **N-5679-2016**
Scopus AuthorID: **56039301000**

Y. I. Serkina

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor
ResearcherID: **O-4544-2017**
Scopus AuthorID: **57190881205**

Zh. A. Shapoval

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Associate Professor
ResearcherID: **ABC-8698-2020**
Scopus AuthorID: **57202379507**

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 30.09.2024; accepted for publication 20.01.2025.

ГОРОДСКАЯ СРЕДА ГРОЗНОГО КАК ПРОСТРАНСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ И ВОСПРОИЗВОДСТВА КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЧЕНСКОГО ОБЩЕСТВА

Лидия Увайсовна Курбанова¹
Алексей Николаевич Гуня²
Элита Султановна Абдулаева³

^{1,3} Чеченский государственный университет
им. А. А. Кадырова,

Грозный, Россия;

² Институт географии РАН,
Москва, Россия,

¹ medna59@mail.ru,

ORCID 0000-0003-4126-8241

² gunyaa@yahoo.com,

ORCID 0000-0002-9255-1592

³ elita8881@mail.ru,

ORCID 0000-0001-7877-3853

Для цитирования: Курбанова Л. У., Гуня А. Н., Абдулаева Э. С. Городская среда Грозного как пространство конструирования и воспроизводства коллективной памяти современного чеченского общества // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 74–94. DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.4. EDN LUCLHS.

Аннотация. В статье рассматривается городская среда города Грозного как пространство конструирования и воспроизводства культурной памяти. Используются методологические подходы, базирующиеся на разработках по коллективной памяти, где рассматриваются вопросы соотношения индивидуальной и коллективной памяти, роли забвения в создании нового нарратива, а также концепции символического господства и мест памяти. Сделана попытка раскрыть две сюжетные линии смысла знаково-символического передела городской среды Грозного глазами молодого поколения, которое знает только новый послевоенный город, и взглядом старого горожанина, в памяти которого смешались два облика города: старый и новый. Эмпирическую базу исследования составил ряд источников: региональные официальные документы по смене топонимов Грозного, интервью старожилов Грозного, данные опросов и интервью среди студенческой молодёжи и более старших жителей Грозного, помнящих довоенный город. Было проведено анкетирование среди студентов в 2023 (N = 92) и в 2024 (N = 76) годах. Среди жителей Грозного старшего поколения

© Курбанова Л. У., 2025

© Гуня А. Н., 2025

© Абдулаева Э. С., 2025

было взято 7 интервью в марте 2024 года. Результаты показали, что формирование современной культурной памяти в чеченском обществе основывается на разных механизмах: 1) конструирование и селекция культурной памяти со стороны государства; 2) сохранение пластов культурной памяти и её трансформация на уровне семьи и близкого социального окружения; 3) поколенческий разрыв в уровне ценностной оценки ключевых исторических событий чеченского общества; 4) доминирование символического господства в сфере урбанонимов со стороны официальных институций и агентов влияния на региональном уровне. В результате конструируется городская среда как некий текст-послание, декларирующий новый нарратив в интерпретации и презентации пространства, в котором формируются городская идентичность и культурная память жителя современного Грозного.

Ключевые слова: коллективная память, городская среда, городская идентичность, Грозный, топонимика

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 23-28-00698 «Культурная память и толерантность: проблемы формирования ценностей современного общества: региональный аспект».

Введение

Городская среда является важнейшим фактором воспроизводства коллективной памяти. Смена знаково-символических объектов и «мест памяти» города, трансформация их смыслов и появление новых идеологических нарративов разрушают живую ткань памяти города, травмируют коллективную память. Вопросы формирования коллективной памяти являются актуальными в контексте глобальных сдвигов в интенсивности и охвате информационных потоков, критическом пересмотре истории и конструировании управляемых дискурсов, влияющих на коллективную идентичность национальных сообществ. Чеченская Республика, пережившая потрясения и войны на рубеже веков, является уникальным объектом для исследования трансформаций социального пространства и радикальной модернизации. Особое место занимает город Грозный, который за последние десятилетия практически полностью сменил свой облик и состав населения. Ныне большинство горожан представлено поколениями чеченцев, которые приехали в столицу республики из сельских районов. Население современного Грозного представляет собой моноэтническое сообщество, ориентированное в целом на работу в сфере услуг, но в той или иной мере сохраняющее связь с сельскими районами. Город аккумулировал в себе не только политические и экономические функции республики, но и стал центром конструирования и воспроизводства коллективной памяти в новых условиях активного восстановления мирной жизни. Одно из ключевых мест в конструировании и воспроизводстве коллективной памяти, сохранении преемственности и обеспечении определённой устойчивости в условиях агрессивной модернизации занимает идентичность. Распад прежней и конструирование новой модели постсоветской знаково-символической пространственной среды города характерны для многих городов, однако ни один город постсоветского времени

не был так разрушен, как Грозный. При этом образовался поколенческий разрыв памяти, когда молодые горожане знают только новый город, формирование их городской идентичности происходит в условиях новой урбанистической идеологии и практики, которую, по мнению некоторых исследователей, можно рассматривать не как интеллектуальный проект, а как социальную практику, имеющую некое ядро, вокруг которого идёт процесс конструирования идентификационных стратегий [1]. Не покидает ощущение, что образовалось стойкое противоречие между топонимическим нормативизмом («как должно быть») и идеологией идентичности, доминирующей в данном регионе.

Методологические подходы

Концептуальные рамки и методологические подходы данной работы базируются, во-первых, на исследованиях коллективной памяти М. Хальбвакса, П. Рикера, Я. Ассмана, А. Ассман, П. Нора, П. Коннертона и других учёных, рассматривающих вопросы соотношения индивидуальной и коллективной памяти, места и роли забвения в создании нового нарратива. Во-вторых, использована концепция символического господства П. Бурдьё, который рассматривает наименование объекта и его имя в качестве фундаментальных элементов символического капитала. Процессы наименования, переименования, следовательно, становятся важным механизмом установления символического господства и «мягкого» насилия в городском пространстве. В-третьих, авторы опирались на теоретические представления о роли городской среды, её знаково-символического ландшафта в формировании городской идентичности и коллективной памяти [2].

Коллективная память понимается как культурно кодированная память, сохраняющаяся в различных формах: в устной форме благодаря живым носителям, в текстах, а также материальной культуре, часто носящей символический характер. В городской среде с её интенсивной социальной динамикой и важной ролью знаково-символического и топонимического ландшафта культурная память наиболее близка к определению, данному Я. Ассман, как «формы трансляции и актуализации культурных смыслов» [3, с. 151]. Город приобретает функцию обобщённого символа индивидуального опыта [4]. Города являлись и являются важными центрами, в которых происходит активное воздействие на коллективную память. Особенно оно усилилось в связи с развитием информационных технологий и сети интернет. Ценностная сторона памяти, сохранение «важных» эпизодов или забывание «отрицательных» стали ещё более субъективными, подвергаясь воздействию со стороны нынешних «конструкторов памяти». Набор противоречий, попадающий в поле анализа, охватывает следующие аспекты: политическое и юридическое сведение счётов с прошлым; критику официальных версий истории и возвращение вытесненных воспоминаний; смену идеологии забвения идеологией памятования; национально-культурное наследование и преемственность культур; активное развитие

мемориальных практик и генеалогических изысканий; повышенное внимание к сбору архивов и открытию «памятных мест» [5].

Механизмы, отражающие процессы конструирования и воспроизводства коллективной памяти в регионах с превалирующим традиционным укладом, вовлекают государство, местное сообщество, а также малые социальные группы, вплоть до семьи, в формирование социальных пространств [6]. Важную роль играют знаково-символические маркеры, включающие топонимику, памятники, мемориальные таблички и др. Этому могут способствовать повторяющиеся события, связанные, например, с установлением праздничных дней (так называемого мемориального календаря).

Изучению роли пространственно-временных маркеров в формировании памяти и идентичности чеченцев посвящён ряд работ. Так, в работах В. Х. Тхакахова [1; 7], А. А. Головлёва [8] и других авторов упор сделан на анализ изменений в топонимическом ландшафте в связи с современными процессами формирования идентичности чеченцев. Другой пласт представляют работы иностранных учёных, которые рассматривают изменения в топонимике и селекции исторических событий в Чечне как инструмент управления на уровне республики [9] или, например, как решения проблемы идентификационных стратегий молодых чеченцев-мигрантов в Бельгии [10]. Но исследователями не затронут вопрос: как новая топонимическая картина и установленный сверху годовой цикл праздников стали факторами, формирующими городскую идентичность современных грозненцев? За рамками анализа оказались вопросы оценки эффективности усилий государства по формированию коллективной памяти, а также о роли традиционного сообщества в обеспечении преемственности и формировании механизмов «приживания» новых символов.

Опираясь на концепции символического господства и мест памяти [11; 12], авторы статьи в своём исследовании попытались раскрыть две сюжетные линии смысла знаково-символического передела, развернувшегося в Грозном: глазами молодого поколения, которое знает только новый послевоенный город с совершенно другим топонимическим рядом, и взглядом старого горожанина, в памяти которого совместились два облика города – старый и новый. Городская идентичность жителя Грозного, живущего памятью о городе, которого нет, – это новый знаково-символический уровень. Его городская идентичность – это «память о памяти», которую можно охарактеризовать как кризис отношений между физическим ландшафтом и его смысловым наполнением [13]. Вместе с тем именно старшее поколение играет решающую роль в сохранении преемственности и ценностных ориентиров формирования коллективной памяти и вступает в противоречия с растущим влиянием модернизации, что наиболее очевидно выражено в интенсивном развитии сферы туризма и сетей массовой коммуникации. Немаловажным является слабо исследованный аспект – сохранение коллективной памяти чеченской диаспоры в Западной Европе [14] и формирование коллективной памяти молодого поколения чеченской диаспоры, уже выросшей в Западной Европе [10].

Формирование коллективной памяти, базирующейся на сложных процессах, где важную роль играет селекция памяти, нуждается ещё в теоретическом осмыслении. Коллективная память в контексте нынешних глобализационных процессов, избыточного пространства-времени становится важным социальным ресурсом. Доступ к этому ресурсу оспаривается различными акторами на мировой сцене. Государство пытается монополизировать этот доступ в пределах своей территории. Однако трансграничные информационные потоки размывают эту монополизацию. Становится очевидным факт, что, помимо консолидирующего влияния, мемориальная практика способна разобщить общество, реконструироваться в сознании разных групп совершенно в противоположных смыслах. Эти разногласия способны расколоть общество на противоборствующие лагеря [15].

Материалы и методы

В работе использован комплекс методов: анкетирование и проведение фокус-групп в студенческой среде ($N = 168$), полужформализованное интервью со старожилами Грозного, которые помнят старый довоенный город ($N = 7$), сбор данных по топонимике Грозного и изучение праздничных календарей за разные исторические периоды (советский, «ичкерийский» и современный).

Анкетирование среди студентов гуманитарного факультета университета города Грозного было проведено дважды. В 2023 году в опросе приняли участие 92 студента в возрасте от 19 до 24 лет (средний возраст 21 год) с примерно равным соотношением девушек и юношей. Ответы на вопросы анкет отражали знания памятных дат в истории чеченского этноса и то, как они отмечаются на уровне семьи, какие памятники культуры Грозного известны, какие улицы в городе наиболее аттрактивны, почему и т. п. После обработки материалов и их визуализации было принято решение о повторе анкетирования с тем, чтобы уточнить некоторые вопросы и снять спорные моменты. При повторном анкетировании в 2024 году анкеты были распространены студентами также среди их родственников и друзей, в связи с чем в выборку добавились представители старшего возраста. Вторая выборка состояла из 76 человек: от 21 до 40 лет – 62 человека, старше 40 лет – 14 человек. Ответы на многие вопросы показали примерно одинаковый разброс мнений. Следует подчеркнуть, что анкетирование проходило среди студентов гуманитарных специальностей, ядро которых составляли юристы. Эти респонденты (и их семьи) представляют наиболее активные со средним и высоким достатком слои населения. Если бы анкетирование проводилось среди студентов естественных факультетов, то результаты могли бы быть другими.

Глубинные интервью ($N = 7$) в марте 2024 года проходили в виде неформального общения о старом городе с информантами, проживавшими в городе до войны, у которых в Грозном прошло детство и юность.

Соотношение коренных грозненцев и жителей других районов Чеченской Республики показано на рисунке 1. Такое распределение в целом соответствует нынешней складывающейся обстановке в Грозном, где коренных жителей менее 40%.

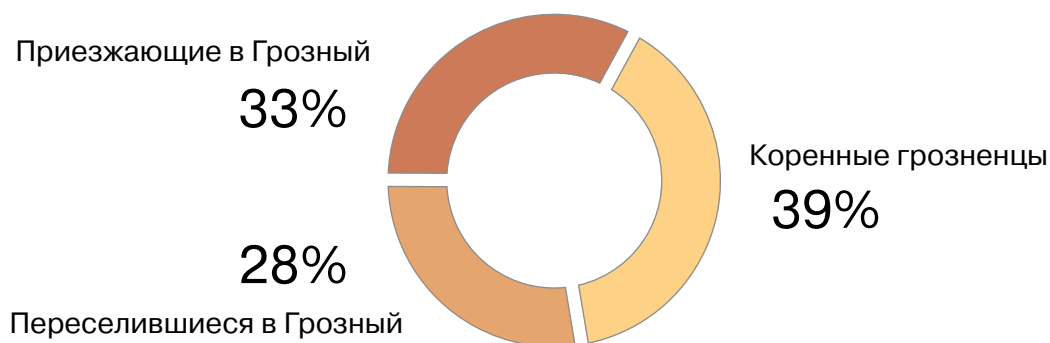

Рис. 1. Распределение студентов, участвовавших в анкетировании по месту жительства, 2024, %

Также важными материалами исследования послужили справочники по названиям улиц Грозного, а также календари за советский, «ичкерийский» (1991–1994 гг. и 1996–1999 гг.) и современный периоды, материалы полевых исследований, проведённых в Грозном в 2022–2023 гг., связанных с топонимикой, сохранением или уничтожением памятников разных эпох, а также созданием новых. Был проведён ряд интервью с жителями Грозного (разных возрастных групп), которые были нацелены на определение укоренённости топонимики и праздников в современном сообществе. Немаловажной стала экспертная оценка событий некоторыми авторами статьи, которые непосредственно жили в Грозном в советский, «ичкерийский» и современный периоды времени.

Результаты

Коллективная память и топонимика. В формировании коллективной памяти особое место занимают визуально хорошо узнаваемые символы – памятники, надписи, а также названия населённых пунктов, улиц и т. д. В настоящее время на территории Чеченской Республики наблюдается формирование своеобразного культурно-топонимического палимпсеста, когда одновременно встречаются памятники и названия, характеризующие разные исторические периоды. Ярким примером может служить город Грозный, который возник как рабочий город нефтяников. В конце 1980-х гг. в нём проживали около 400 тыс. человек, 30% горожан составляли чеченцы. В 2020 году, согласно итогам Всероссийской переписи, в Грозном проживали 314 тыс. человек, 95,5% – чеченцы¹. Согласно реестру², в городе Грозный 2146 улиц, проспектов, площадей,

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками 2020 // Федеральная служба государственной статистики : сайт. 28.12.2023. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 12.05.2024).

² Об утверждении Реестра улиц города Грозного в новой редакции и наименовании объектов города Грозного: решение Грозненской Городской Думы от 28 октября 2021 г. № 12. URL: <https://grozgoduma.ru/wp-content/uploads/2021/11/Nº-12-Решение-ГрД-об-утверждении-Реестр-улиц-в-новой-редакции.pdf> (дата обращения: 17.02.2024).

парков, скверов, проездов, переулков, участков. 450 из них, т. е. почти каждая четвёртая улица, переулок и т. д., имеют название, связанное с конкретной исторической личностью.

История именованья и переименования может служить основой для изучения связи коллективной памяти и государственной политики разных эпох. Первые переименования в Грозном отмечались в XIX веке. Так, ул. Мостовая стала называться Графо-Евдокимовской (в честь генерала Н. И. Евдокимова), ул. Нижнебазарная – Барятинской (в честь Кавказского наместника, главнокомандующего Кавказской армией, князя Барятинского) и т. п. [8].

В советское время наименование и переименование улиц приобрели идеологический ракурс. Практически все названия, связанные с царским прошлым, вычёркивались, на их месте появлялись названия, связанные с Октябрьской революцией и именами деятелей и кумиров советской эпохи, в первую очередь – Маркса, Энгельса, Ленина. Постепенно улицы стали переименовываться в честь чеченцев и ингушей, имевших заслуги перед советской властью. Так, имена героев гражданской войны приобрели улицы Безымянная (теперь имени Ахриева), Красная (имени Тасуева), Южная (имени Албогачиева) и т. д. В годы перестройки национальный компонент в названиях улиц Грозного возрос. Грозненский аэропорт был назван в честь шейха Мансура. Ближайшая к Грозному железнодорожная станция Ермоловская была переименована в Байсангурскую (в честь Байсангура Беноевского, сражавшегося с русскими войсками в годы Кавказской войны).

Особенно большими темпами процесс переименования шёл в 1990-е гг. В «ичкерийский» период переименования улиц и площадей стали массовыми (около 150 переименований). Предпочтения отдавались именам в честь святых шейхов и известных чеченских деятелей: ул. Сивашская стала носить имя шейха Ташу-Хаджи, ул. Ремесленная – шейха Кунта-Хаджи, ул. Ленина стала ул. Авторханова, ул. Заветы Ильича – ул. им. М. А. Айдамировой, ул. К. Маркса – ул. им. А. Дудаева и т. д.

В настоящее время, несмотря на масштабные переименования, названия большинства улиц либо не персонализированы, либо остались прежними. Город представляет собой смешение различных эпох и направлений (от традиционных названий к названиям в честь деятелей культуры, науки, политики). Можно встретить улицу Энгельса и переулок Ленина, улицы Моцарта и Глинки, Пушкина и Лермонтова, Гагарина и Путина. Грозный по-прежнему сохраняет северокавказский топонимический набор: здесь, как и раньше, можно встретить улицы Кабардинская, Калмыкская, Махачкалинская, Нальчикская и др.

При этом совершенно очевидно, что символический капитал советских урбанонимов, связанных с политическими деятелями раннего социализма, в столице республики максимально обесценивается [7]. В настоящее время город Грозный продолжает избавляться от символов советской идентичности. Появились проспекты и улицы, названные в честь шейхов – Кунта-Хаджи Кишиева, Дени Арсанова, Али Митаева – и их близких родственников. Широкое

распространение в Грозном и по всей республике получило переименование объектов в честь А. А. Кадырова. Так, в Грозном площадь и проспект Ленина стали носить имя А. А. Кадырова. Его именем названы Чеченский государственный университет, международный аэропорт Грозного, республиканская футбольная команда, десятки учреждений, скверов, парков. Имя А. А. Кадырова носят центральные улицы практически всех чеченских городов и сёл. Парки и мечети, названные в его честь, есть не только в Чеченской Республике, но и в Турции, и в Иордании. В 2016 году в Санкт-Петербурге безымянному мосту было присвоено его имя.

Коллективная память и праздники. Помимо пространственных маркеров, «тренирующих» память каждого и создающих основу для коммеморации и воспроизводства коллективной памяти, важную роль играют праздники и другие коммеморативные мероприятия, способствующие закреплению тех или иных пластов памяти. В советское время праздничными и выходными днями для всего СССР были Новый год (1 января), Международный женский день (8 марта), День международной солидарности трудящихся (1–2 мая), День Победы (9 мая), День Великой Октябрьской социалистической революции (7 ноября), а также День Конституции (5 декабря). Праздничными, но не выходными были такие дни, как 23 февраля (День Советской Армии и Военно-Морского Флота), 22 апреля (День рождения В. И. Ленина) и др. В нынешнее время перешли лишь некоторые праздники, что говорит о коренной перестройке механизмов коммеморации.

Ныне имеются существенные различия в установлении праздничных дней на уровне всей России и в её регионах. Так, текущий производственный календарь Чеченской Республики содержит 10 региональных праздников, включая такие важнейшие для мусульман, как Ураза-Байрам и Курбан-Байрам, и 8 общероссийских. Практики коммеморации в данном случае базируются на механизмах повторения и закрепления событий, прошедших процедуру официальной переоценки со стороны государства (см. табл. 1).

Мероприятия, связанные с 23 февраля – днём насильственного выселения чеченцев и ингушей в 1944 году, перенесены на 10 мая. В 2010 году 23 февраля официально был объявлен Днём памяти и скорби¹. Но в 2011 году специальная комиссия объявила, что День памяти и скорби народов республики будет ежегодно отмечаться 10 мая. Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров объяснил это решение тем, что республика должна отмечать государственные праздники России вместе с другими регионами². Идеологический подтекст перенесения заключается в том, чтобы не совпали День защитника Отечества и день депортации чеченцев. Если для всей страны празднование победы

---

¹ В Чечне 23 февраля официально объявили Днём памяти и скорби // РИА новости : сайт. 23.02.2010. URL: <https://ria.ru/20100223/210510093.html?ysclid=lumhpkttf5648662657> (дата обращения: 19.02.2024).

² Почему 10 мая – день памяти и скорби? // Вести Чеченской Республики : сайт. URL: <https://vesti095.ru/2018/05/pamyat-i-skorbi/> (дата обращения: 19.02.2024).

Таблица 1

**Праздничные дни: общероссийские и дополнительные*
республиканские в Чеченской Республике**

Общероссийские (нерабочие дни)	Даты	Дополнительные республиканские	Даты
Новый год	Как правило, первая неделя нового года	День почитания эвлия-устаза Кунта-Хаджи Кишиева	3 января
Рождество Христово	7 января	День Конституции Чеченской Республики; День государственной символики Чеченской Республики	23 марта (нерабочий день)
День защитника Отечества	23 февраля	День мира в Чеченской Республике	16 апреля (нерабочий день)
Международный женский день	8 марта	Ураза-Байрам (Ид аль-Фитр)	Устанавливаются каждый год (нерабочие дни)
Праздник Весны и Труда	1 мая	День чеченского языка	25 апреля
День Победы	9 мая	День памяти и скорби народов Чеченской Республики	10 мая
День России	12 июня	Ид аль-Адха (Курбан-Байрам)	Устанавливаются каждый год (нерабочие дни)
День народного единства	4 ноября	С 2002 г. А. Кадыровым установлен День Чеченской Республики, День гражданского согласия и единения	6 сентября

* Нерабочие праздничные дни, профессиональные праздники и памятные даты Чеченской Республики. Праздники и памятные даты : сайт. URL: <https://chechnya.gov.ru/respublika/simvolika/prazdniki-i-pamyatnye-daty/> (дата обращения: 22.03.2024).

в Великой Отечественной войне является абсолютным приоритетом, то для чеченского общества воспоминания об этой войне более чем трагические. Именно эти годы стали периодом отчуждения народа от своей земли, его многовековой культуры. Осмысление и переоценка исторических событий, связанных с депортацией чеченцев (и других народов) в Среднюю Азию, до сих пор не завершены. Все точки над «i» окончательно не поставлены и после принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов»¹.

Новые идеологические рамки формируют и новые праздники. Региональный мемориальный календарь обновлён. Появились праздники, которых не было в советское время, большинство из них имеют национальную или религиозную

¹ Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» (с изменениями и дополнениями от 01.07.1993) // Гарант : сайт. URL: <https://base.garant.ru/10200365/> (дата обращения: 19.02.2024).

составляющую. Соотношение общестранового и республиканского перечня демонстрирует особенности трансформации коллективной памяти на уровне страны и отдельного народа.

Примечательно, что в период существования самопровозглашённой Чеченской Республики Ичкерия набор праздничных дат существенно отличался как от советского времени, так и от нынешнего. Неизменным осталось празднование Ураза-Байрама, Курбан-Байрама, Пасхи. К светским праздникам в 1996–1999 гг. относились:

- 1–2 января – Толаманденош (Дни Победы) в честь боёв в новогодние дни 1994 – 1995 гг.;
- 27 января – День чести (в честь свободных выборов президента и парламента в 1997 году);
- 23 февраля – День возрождения чеченской нации;
- 12 марта – День Конституции Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ);
- 21 апреля – Газотан де (День газавата) День поминовения шахидов (в этот день был убит Д. Дудаев, вследствие чего в мемориальном календаре ЧРИ был выделен День памяти первого президента ЧРИ);
- 12 мая – День окончания войны между Россией и ЧРИ (подписание мирного договора в Москве в 1997 году);
- 21 мая – День возрождения Кавказа (в память о событиях 21 мая 1918 г.);
- 6 августа – День победы в честь военной операции «Джихад» по освобождению Грозного в 1996 году;
- 6 сентября – День независимости Ичкерии (в этот день в 1991 году провозгласили независимость на Общенациональном конгрессе чеченского народа);
- 31 декабря – День окончательного вывода российских войск из ЧРИ (1996 г.)

Перечисленные даты связаны с эпизодами, которые были важными при формировании коллективной памяти. Ныне большинство из этих дат никак не артикулируются в публичном пространстве по причине смены идеологических парадигм функционирующей политической системы как в центре, так и в регионе.

Укоренение пространственно-временных маркеров в местном сообществе. Как показали данные о пространственно-временных маркерах коллективной памяти, в Чеченской Республике произошли глубокие изменения в городской среде и социальной жизни. Советское наследие сочетается с современными трендами, выраженными в конструировании нового ландшафта, на котором базируется современная коммеморация. Насколько этот ландшафт признаваем разными слоями населения и насколько он активно влияет на формирование коллективной памяти? Анализ глубинных интервью показывает, что старшее поколение предпочитает в повседневной жизни и в общении между собой называть улицы и районы Грозного так, как привыкли в молодости: проспект Победы, ул. Ленина, проспект Орджоникидзе, Бароновка, посёлок Калинина,

«Индюшка», Башировка, Консервный, Заводской, Октябрьский районы, городок Иванова и т. д. Младшее же поколение (студенты) уже не помнит эти названия, особенно неофициальные, и они постепенно уходят из употребления.

Преобразующийся город Грозный с новой стилистикой, зонированием мест отдыха и развлечений формирует и в сознании людей старшего поколения «привыкание» к новому облику городской среды. Это подтверждают и интервью: «Да, послевоенный город, он красивый, чистый, ухоженный, неродной, это правда. Но велосипедные дорожки, комфортные торговые и развлекательные центры – это здорово, привыкаешь. Старые картины довоенного города постепенно стираются, к сожалению» (муж., 68 лет, грозненец). «Город чистый, много красивых зданий, торговых центров, засилье чрезмерное мечетей, но в целом холодный и без души» (он же). Такого содержания высказывания в основном характеризуют общий нарратив жителя Грозного, помнившего довоенный город. Старожилы также подтверждали, что мало кто из молодого поколения использует старые названия улиц: «Партизанская», «Ливандовского», «Розы Люксембург» и т. д. Типичный набор характеристик Грозного до войны содержится в описании города старожила-грозненца: «Город был уютный, зелёный, какой-то домашний... с любым посторонним ты мог спокойно заговорить, ощущение безопасности было, что ли?»¹

Эмоциональное отношение к старому Грозному в глазах «старожилов» оценивалось в таких формулировках: «были все дружные», «зелёный город», «безопасный», «уютный». «Когда начался этот базар в мозгах, подходят ко мне студентки и развлекаются: А. И., а мы, оказывается, разных национальностей: я – ингушка, Таня русская, Марета чеченка, Анжела армянка...»²

Из знаково-символических объектов старого города, к которым старожилы чувствовали психологическую привязанность, назывались следующие объекты: Городской парк им. Кирова, цирк, кинотеатры «Юбилейный», «Родина», «Космос», «Челюскинцев», городской бассейн «Садко», сквер им. Полежаева, библиотека и сквер им. Чехова, магазин «Мелодия», стадион «Динамо», аллея тополей по улице Первомайской. Таким образом, городская идентичность грозненца старшего поколения складывается из эмоциональной привязанности к старому городу и попыткой «примирить» новый топонимический передел со своей памятью, с новой стилистикой знаково-символических урбанонимов, фрагментарно чуждых, местами непонятных, но в целом «неродных».

В рамках анкетирования респондентам было предложено обозначить значимые для них городские объекты, места, символы, образы, причины переименования улиц, на которых они проживали, а также наиболее памятные и посещаемые туристами места.

¹ Старый добрый Грозный // Чечня сегодня : сайт. 04.10.2016. URL: <https://chechnyatoday.com/content/view/294851> (дата обращения: 28.02.2024).

² Интервью преподавателя одного из вузов республики, проработавшей в вузе 14 лет и вынужденной уехать в ходе военных действий в Майкоп и там остаться. По национальности русская, 76 лет.

В целом локальное топонимическое пространство проживания молодёжи – название улиц, скверов – не является предметом особого интереса. Половина опрошенных студентов не смогли ответить на вопрос, как называлась улица, на которой они живут, раньше и почему переименована теперь. И только каждый четвёртый знал причину смены названия своей улицы.

При этом центральная часть города и излюбленные места посещения и отдыха туристов, такие как развлекательный центр «Грозный Молл», площадь качелей, центральные парки и скверы, мечеть «Сердце Чечни», бульвар им. М. Эсамбаева, респонденты называли с большой активностью (см. рис. 2).

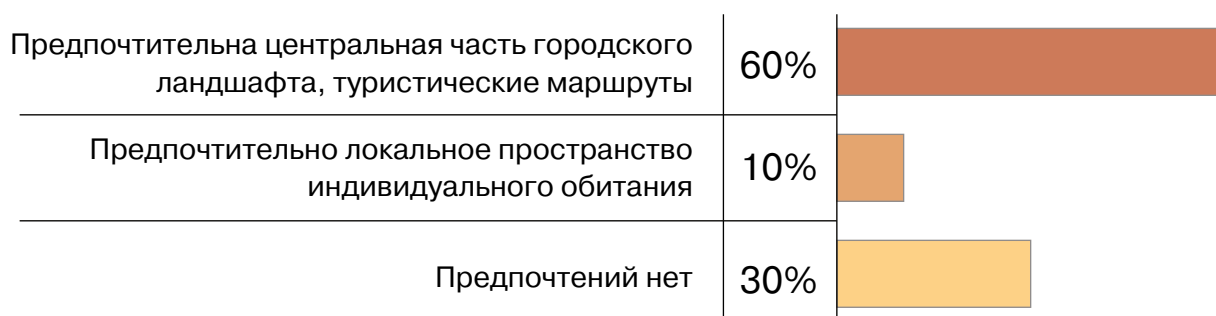

Рис. 2. Отношение респондентов к знаково-символическим объектам городского пространства, 2024, %

Отношение к памятникам может отражать динамику перехода от разных эпох и выражать результаты конструирования и укоренения элементов коллективной памяти (см. рис. 3).

Почти половина студентов (46%) не выразили своего отношения ни к каким видам праздников, отметив в анкете – «никакие». Более четверти отметили памятники, сохранившиеся с советской эпохи (памятник «Дружбы народов», памятник пожарным, погибшим при тушении пожаров от налётов нацистской авиации на Грозный 10–15 октября 1942 г.). К современным памятникам большинство респондентов относят мечеть «Сердце Чечни», отдельные студенты также назвали православный храм Михаила Архангела.

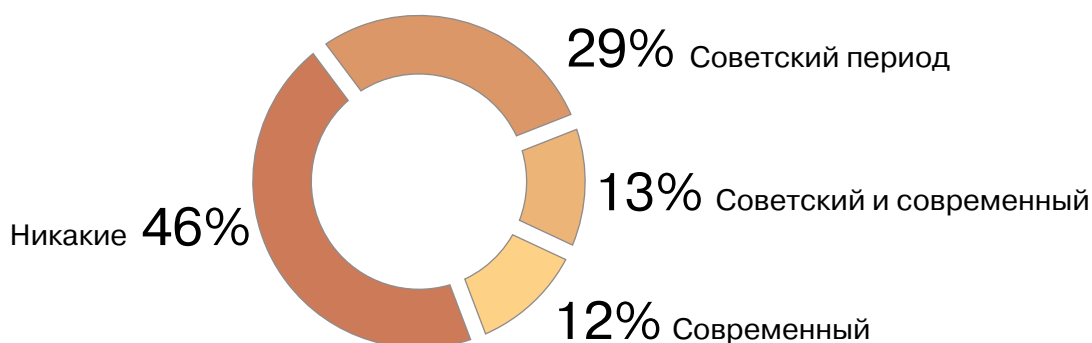

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос, памятники какого периода истории вы знаете, 2024, %

Знаково-символический уровень городской идентичности предполагает личностное освоение семиотической среды города, тотальное или фрагментарное включение её в пространство событийного и эмоционального опыта жителя. Восприятие молодым грозненцем топонимического ландшафта скорее ориентировано на политически ангажированные персоны. В отличие от ранее проведённых исследований в других городах России, где много упоминаний о поэтах (Пушкин, Лермонтов и др.), первом космонавте Ю. Гагарине и др. [16], в Грозном культурная память привязана больше к политическим фигурам. Это подтверждают ответы на вопрос: «Какие известные исторические личности в истории России Вы можете назвать?» В первую тройку входят Пётр Первый (21 ответ), В. И. Ленин (12), И. В. Сталин (9). Далее следуют Екатерина Великая (7), М. В. Ломоносов (7), В. В. Путин (6), Г. К. Жуков (5).

На вопрос о том, каких выдающихся представителей чеченского народа могли бы назвать респонденты, ответы распределились следующим образом: отец и сын Кадыровы (35%), Б. Беноевский (20%), Х. Нурадилов, М. Эсамбаев, Шейх-Мансур, Зелимхан и др. Эти примеры отражают доминирование новой идеологической стилистики в трансформации урбопространства города.

Важные и частые мероприятия, в которых приходится участвовать студентам, по их мнению, – это митинги, выборы в поддержку разных политических инициатив, шествия, флешмобы.

Полученные ответы респондентов позволили выделить два сценария построения идентификационных связей в системе «житель – город» с точки зрения их знаково-символической репрезентации. Внутренне ориентированный (интериорный) сценарий – идентификация с городом через соотнесение его знаково-символического ландшафта с личными переживаниями, воспоминаниями, предпочтениями. Этот уровень идентичности у молодёжи, выросшей в новом городе, выражен слабо. Внешне ориентированный (экстериорный) сценарий – идентификация с городом через его презентационные характеристики, объекты, отражающие имидж города, его своеобразие, которые обладают потенциалом бренда, выражен очень рельефно.

В отношении к событийному ряду прошлого наблюдается эмоциональная избирательность в пользу трагических событий: большинство опрошенных студентов в качестве важных событий называют депортацию, возвращение, военные события 1990-х гг. И только каждый третий студент помнит светские праздничные даты (см. рис. 4).

Анкетирование показало, что семья продолжает оставаться важным транслятором религиозных ценностей и смыслов: 85% респондентов отнесли праздники Ураза-Байрам и Курбан-Байрам к семейным праздникам. Около трети опрошенных отмечают в семьях как религиозные, так и некоторые светские праздники. Среди последних преобладает празднование Нового года и детских дней рождения. Среди светских праздников, которые принято отмечать на официальном уровне, в анкетах выделены День Конституции Чеченской Республики, День чеченского языка и др.

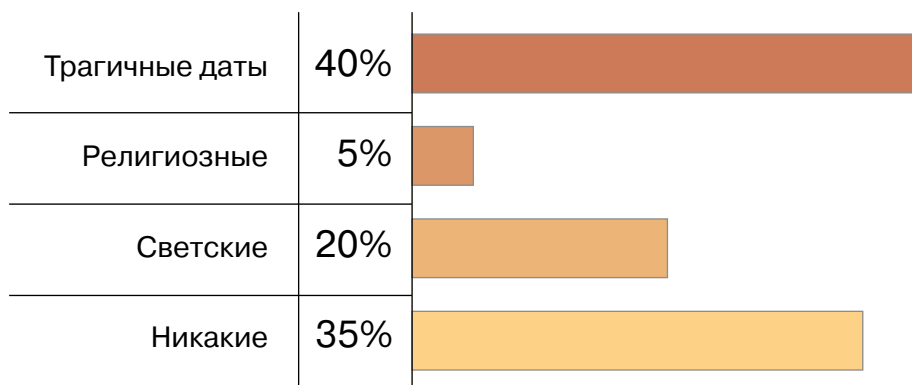

Рис. 4. Общественно значимые даты и праздники, выделяемые чеченскими студентами, 2024, %

К трагичным датам большинство студентов однозначно относят 23 февраля – день депортации чеченцев за пределы своей родины. Память об этой трагической дате сохраняется и передаётся в семейной традиции [17]. Совпадение этой даты с праздником Дня защитника Отечества приводит к наложению оценок (см. рис. 5). Это может объясняться определённым успехом конструирования и символического давления «сверху», когда на официальном уровне было решено перенести мероприятия, связанные с днём депортации 23 февраля, на 10 мая.

Наиболее значимая памятная дата на уровне региона – 23 февраля.

Основным актором топонимической стратегии региона является политическая элита республики. Она формирует новое прочтение национальных и религиозных символов в контексте конструирования новой чеченской идентичности через мемориализацию одних символов и забвение других. Таким образом, новая эстетика городской среды, реализуемая в рамках определённой топонимической политики региона, представляет собой симбиоз этнокультурных, светских, политических и религиозных символов. Углублённое изучение этой области даст понимание того, по какой логике будет формироваться топонимический передел постсоветского периода чеченского общества и как этот процесс отразится в конструировании и в воспроизводстве коллективной памяти.

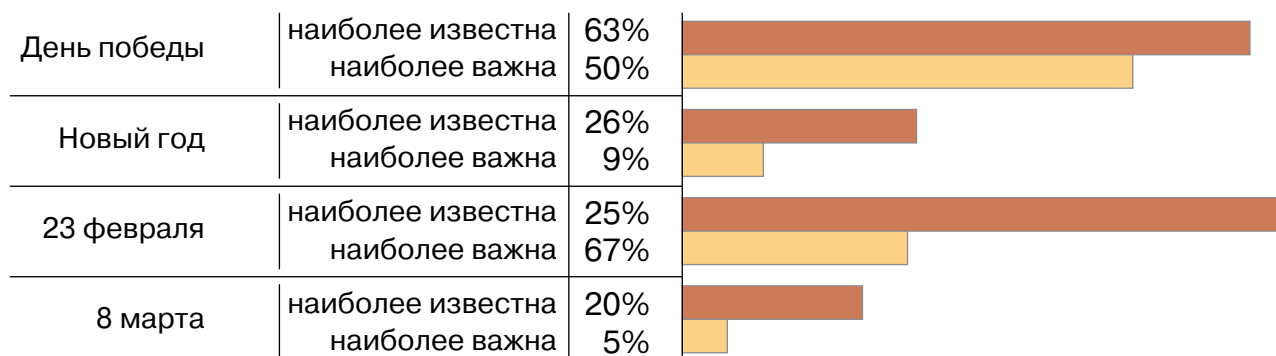

Рис. 5. Наиболее известные праздники и памятные даты, выделяемые чеченскими студентами, и их важность, 2024, % (допускалось несколько ответов от каждого респондента)

Дискуссия

Исходя из данных, полученных как из документальных материалов, так и из опросов и интервью, можно заключить, что формирование современной коллективной памяти в чеченском обществе основывается на таких механизмах, как конструирование и селекция коллективной памяти со стороны государства и сохранение пластов коллективной памяти и её трансформации на уровне семьи. Коллективная память включает смысловую и ценностную оценку ключевых исторических событий нескольких периодов:

- ссылка и возвращение на родину, сопутствующие события (с 1944 до конца 1950-х – начала 1960-х гг.);
- советский период индустриализации, урбанизации и коренной перестройки всего чеченского общества, переход от традиционной системы жизнедеятельности, основанной на институтах адата и шариата, к более светской (1960–1990);
- период с начала 1990-х и до 2009 года, ознаменовавшийся войнами, многочисленными жертвами, массовыми миграциями;
- современный период, начавшийся после отмены контртеррористической операции в 2009 году¹.

Первый период чётко выражен в коллективной памяти через события, связанные с депортацией и закреплённые на семейном уровне. Пространственно-временные маркеры второго периода были максимально стёрты военными событиями 1990-х гг. Тем не менее многие названия улиц и памятники советской эпохи остались, памятники были отреставрированы и даже установлены новые, не отражавшие идеологии советской эпохи (например, памятник М. Ю. Лермонтову). Пространственно-временные маркеры этого периода продолжают играть важную роль в жизни старшего поколения. Уже для молодого поколения они выполняют фоновую историческую функцию, могут быть утрачены с уходом представителей старшего поколения. Большинство студентов, принявших участие в двух опросах, относятся к ним индифферентно.

«Ичкерийский» период и последующие события фактически не представлены в нынешнем топонимическом ландшафте. Имеются исключения, связанные, например, с установкой памятников, а также с названиями улиц в честь погибших воинов, милиционеров, генералов российской армии: улица Г. Трошева, Г. Угрюмова, стела на улице Угрюмова рядом с Национальной библиотекой Чеченской Республики им. А. Айдамирова. Влияние этого периода на формирование коллективной памяти не исследовано.

Современный период обладает наибольшей динамикой, а изменения в топонимическом ландшафте оказывают чрезвычайно важное влияние на коллективную память. Укоренённость конструируемых пространственных (название улиц и др.) и временных (новые праздники) маркеров коллективной памяти пока ещё

¹ В Чечне снят режим контртеррористической операции // РБК : сайт. 16.04.2009. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/04/2009/5703d3519a79473dc814db7e> (дата обращения: 19.02.2024).

довольно слабая. Подрастающее поколение по-своему адаптируется к новому топонимическому ландшафту и селективно реагирует на вводимые праздничные даты. Попытки навязать некоторые маркеры «сверху» остаются неэффективными. Так, одна из площадей в Грозном названа именем Н. С. Хрущёва. Однако этот топоним никак не укоренён в современную городскую жизнь, скорее это некий символический знак благодарности государственному деятелю, повлиявшему на возвращение чеченцев из ссылки. В повседневной жизни и даже на сайте мэрии Грозного площадь называется, как и прежде, «Минутка».

Новая знаково-символическая среда сформировала новую карту города, очень отдалённо напоминающую старый довоенный город. Карта города – это карта памяти и забвения. Идеология и политика идентичности оставляют на ней свои отпечатки, изучая которые можно реконструировать символику города и смыслы, привнесённые ранее и привносимые в неё сейчас. Городская идентичность – это зачастую фрагментарное включение её в пространство событийного и эмоционального опыта старого жителя, превращение объектов знаково-символического пространства города в своего рода ценностно промаркированные «места памяти» [18].

Как показали интервью и материалы анкетирования, воспроизводство коллективной памяти в социально-культурной среде города продолжает быть сильно дифференцированным на уровне семьи, социальной общности, вне семьи (трудовой коллектив, религиозная община, сельская община, спортивное сообщество и др.) и на уровне общегородском (государственном).

Больше всего возможностей трансформировать и даже конструировать коллективную память у государства, обладающего идеологией, институтами, устанавливающего топонимическую картину и закрепляющего календарные праздники. Промежуточные социальные страты между государством и семьёй адаптируют как государственные конструкты коллективной памяти, так и формирующиеся в рамках семьи. Трудовые коллективы, образовательные учреждения, религиозные общины и другие социальные системы влияют на коллективную память в той степени, в которой государство им «позволяет».

В Грозном наблюдается и другой тип коммеморации, связанный с относительно пассивным забыванием на фоне модернизации и переизбытка топонимов, которое Марк Оже называл «избыточным пространством», или «не-места». Для понимания явления «не-места» Марк Оже уточняет определение изначальных «мест». «Место» характеризуется тем, что оно должно быть идентифицирующим, связующим и историческим. Идентифицированность выражается в том, что проживание в конкретном пространстве характеризует человека и является частью его идентичности [19].

Заключение

На примере анализа пространственных (топонимика) и временных (календари, праздники) маркеров, в той или иной степени встроенных в повседневную

жизнь чеченцев, можно проследить, что коллективная память формируется под влиянием разнонаправленных тенденций: забвения исторических событий, «оживления» некоторых прошлых событий и конструирования иерархии ценностей, когда значимость одних событий искусственно занижается, а других – превозносится. Переименование улиц, отмена прежних праздничных дат являются проявлением нового социально-политического запроса, потребностей общества и желания народа обрести новый взгляд на события прошлого, отрефлексировать его и задать новые рамки своей идентичности. Тесная связь между изменениями в городской топонимике и конструированием памяти, замеченная рядом исследователей [7], ещё не до конца исследована. При этом важно подчеркнуть, что основным легальным актором топонимической стратегии региона является политическая элита республики, формирующая новое прочтение национальных и религиозных символов в контексте конструирования новой чеченской идентичности через мемориализацию одних символов и забвение других. Формирование коллективной памяти чеченцев – динамичный, незавершённый процесс, и отношение к местам памяти – суть внутривнутриполитических процессов в регионе. Забвение старых и пассивное восприятие чеченцами новых мемориальных дат и памятников есть результат избирательного восприятия социокультурной реальности, конструируемой сверху региональной политической элитой. Формируется знаково-символическая городская среда, в которой новые идеологические установки и факты не всегда отражают идентификационные предпочтения её жителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ.

1. *Тхакахов В. Х.* Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социологические исследования. 2017. № 5 (397). С. 17–25. EDN [YQRHCSN](#).
2. *Франция-память* / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок ; пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб : Санкт-Петербургский ун-т, 1999. 325 с. ISBN 5-288-02318-2.
3. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 363 с. ISBN 5-94457-176-4. EDN [QOV TZJ](#).
4. *Lalli M.* Urban-Related Identity: theory, measurement and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. 1992. Vol. 12, № 4. P. 285–303. DOI [10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](#).
5. *Костина Е. Н.* Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов // Учёные записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 1. С. 60–65. EDN [NTSZTF](#).
6. *Баранникова А. А.* Маркирование социальной памяти в городском пространстве: мемориальные доски в формировании культурного ландшафта города // Социология власти. 2017. Т. 29, № 1. С. 156–175. DOI [10.22394/2074-0492-2017-1-156-175](#). EDN [YPKVSY](#).
7. *Тхакахов В. Х.* Идентичность и память в топонимической политике Чечни // Научная мысль Кавказа. 2019. № 2 (98). С. 40–49. DOI [10.18522/2072-0181-2019-98-2-40-49](#). EDN [ZQISXR](#).
8. *Головлёв А. А.* К двухсотлетнему юбилею Грозного: урбанонимия и микротопонимия. Статья 1. Классификация урбанонимов и этапы их переименования // Региональное

- развитие: электронный научно-практический журнал. 2017. № 5 (23). С. 11–21. EDN [ZWZVZB](#).
9. *Молодикова И. Н.* Мигранты с Северного Кавказа в ЕС: проблемы интеграции и гендерных ролей // Наука. Инновации. Технологии. 2015. № 2. С. 99–119. EDN [VJWIPJ](#).
  10. Северный Кавказ: общество в регионе, стране и мире / Под ред. Д. С. Соколов. Киев : Лаурис, 2021. 272 с. ISBN 978-617-7313-67-9. EDN [VZDDPK](#).
  11. *Завершинский К. Ф.* Символические структуры политической памяти / К. Ф. Завершинский // Символическая политика : сборник научных трудов / Отв. ред. О. Ю. Малинова ; Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М. : ИНИОН РАН, 2012. С. 149–163. EDN [PJPQWH](#).
  12. Символическая политика : сборник научных трудов / Отв. ред. О. Ю. Малинова ; Вып. 3. Политические функции мифов. М. : ИНИОН РАН, 2015. 371 с. ISBN 978-5-248-00776-9. EDN [XSPKBH](#).
  13. *Arefi M.* Non-Place and Placelessness as Narratives of Loss: Rethinking the Notion of Place // Journal of Urban Design. 1999. Vol. 4, № 2. P. 179–193. DOI [10.1080/13574809908724445](#).
  14. *Курбанова Л. У.* Проблемы и процессы гендерной самоидентификации чеченцев: теоретическое и эмпирическое исследование. Краснодар : Просвещение-ЮГ, 2012. 303 с. ISBN 978-5-93491-439-5.
  15. Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В. Н. Ярской, Е. Р. Ярской-Смирновой. М. : ООО Вариант, 2011. 224 с. ISBN 978-5-903360-60-4. EDN [THMERP](#).
  16. Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации : материалы Всероссийского научного семинара. (Астрахань, 28–30 октября 2020 года) / Под общей ред. А. П. Романовой, Д. А. Черничкина. Астрахань : Астраханский государственный университет, 2020. 207 с. ISBN 978-5-9926-1261-5. EDN [GIUOTK](#).
  17. *Осмаев А. Д.* Трансформация семейной памяти в современной Чеченской Республике // Tempus et Memoria. 2023. Т. 4, № 2. С. 50–56. DOI [10.15826/tetm.2023.2.051](#). EDN [ZLADAG](#).
  18. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. 560 с. ISBN 5-7333-0486-3. EDN [PHSLCB](#).
  19. *Оже М.* Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / М. Оже ; пер. с фр. А. Ю. Коннова. М. : НЛО, 2017. 136 с. ISBN 978-5-4448-0862-7.

Сведения об авторах

Л. У. Курбанова

доктор социологических наук,

доцент

SPIN-код: [4347-4472](#)

А. Н. Гуня

доктор географических наук,

ведущий научный сотрудник

SPIN-код: [2828-2304](#)

Э. С. Абдулаева

кандидат философских наук,

доцент

SPIN-код: [5346-6693](#)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли следующий вклад в подготовку публикации:

Л. У. Курбанова разрабатывала методологическую основу исследования и структуру

статьи, анализировала материалы интервью, участвовала в написании статьи;

А. Н. Гуня собирал и обрабатывал статистические и топонимические данные,
работал с таблицами, участвовал в написании статьи;

Э. С. Абдулаева проводила опрос, участвовала в написании статьи.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; одобрена после рецензирования 27.07.2024;
принята к публикации 25.12.2024

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.4

THE URBAN ENVIRONMENT OF GROZNY AS A SPACE FOR CONSTRUCTING AND REPRODUCING THE COLLECTIVE MEMORY OF MODERN CHECHEN SOCIETY

Lidia Uvaysova Kurbanova¹

Alexey Nikolaevich Gunya²

Elita Sultanovna Abdulaeva³

^{1,3} Chechen State University named after A. A Kadyrov,
Grozny, Russia;

² Institute of Geography of RAS,
Moscow, Russia

¹ medna59@mail.ru,

ORCID 0000-0003-4126-8241

² gunyaa@yahoo.com,

ORCID 0000-0002-9255-1592

³ elita8881@mail.ru,

ORCID 0000-0001-7877-3853

For citation: Kurbanova L. U., Gunya A. N., Abdulaeva E. S. The urban environment of Grozny as a space for constructing and reproducing the collective memory of modern Chechen society. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1): 74–94. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.4.

Abstract. The article examines the urban environment of the city of Grozny as a space for the construction and reproduction of cultural memory. Methodological approaches based on developments in collective memory are used, which examines the relationship between individual and collective memory, the role of oblivion in the creation of a new narrative, as well as the concept of symbolic dominance and places of memory. An attempt has been made to reveal two storylines of the meaning of the sign-symbolic redivision of the urban environment of Grozny through the eyes of the younger generation, which knows only the new post-war city, and through the eyes of an old citizen, in whose memory two images of the city are mixed: old and new. The empirical basis of the study was made up of a number of sources: the analysis of regional official documents on the change in toponymy of Grozny, analysis of the site “Good Old Grozny” (interviews with old residents of Grozny), data from surveys and interviews among students and pre-war residents of Grozny. A survey was conducted among students

in 2023 (N=92) and 2024 (N=76). Seven interviews were conducted among pre-war residents of Grozny. The results showed that the formation of modern cultural memory in Chechen society is based on different mechanisms. The main features are: 1) construction and selection of cultural memory (CM) by the state; 2) preservation of layers of CM and its transformation at the level of the family and close social environment; 3) a generational gap in the level of value assessment of key historical events of the Chechen society; 4) the dominance of the symbolic meanings of urbanonyms on the part of official institutions and agents of influence at the regional level. As a result, the urban environment is constructed as a kind of text-message, declaring a new narrative in the interpretation and presentation of the space in which urban identity and cultural memory of a resident of modern Grozny is formed.

Keywords: collective memory, urban environment, urban identity, Grozny, toponymy

Acknowledgements: the study was financially supported by RSF under the scientific project № 23-28-00698 “Cultural Memory and Tolerance: Problems of Formation of Values of Modern Society: Regional Aspect”.

REFERENCES

1. Thakakhov V. H. City map: symbolic transformation of space in the North Caucasus. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2017;(5):17–25. (In Russ.).
2. Nora P., Ozouf M., de Puymege J., Vinok M. France-Memory [Franciya-pamyat’]. Translated from French by D. Khapaeva. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskij un-t’; 1999. 325 p. (In Russ.). ISBN 5-288-02318-2.
3. Assman J. Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity [Kul’turnaya pamyat’: pis’mo, pamyat’ o proshlom i politicheskaya identichnost’ v vy’sokix kul’turax drevnosti]. Translated from German by M. M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki Slavyanskoi kultury; 2004. 363 p. (In Russ.).
4. Lalli M. Urban-Related Identity: theory, measurement and empirical findings. *Journal of Environmental Psychology*. 1992;12(4):285–303. DOI [10.1016/S0272-4944\(05\)80078-7](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(05)80078-7).
5. Kostina E. N. Memory, oblivion, identity: dialectics of phenomena. *Scientific notes of Kazan University=Uchenye zapisky Kazanskogo universiteta.Series: Humanities*. 2011;153(1):60–65. (In Russ.).
6. Barannikova A. A. Marking of social memory in urban space: memorial plaques in the formation of the cultural landscape of the city. *Sociology of Power=Soziologia vlasti*. 2017;29(1):156–175. (In Russ.). DOI [10.22394/2074-0492-2017-1-156-175](https://doi.org/10.22394/2074-0492-2017-1-156-175).
7. Tkhakakhov V. H. Identity and memory in the toponymic policy of Chechnya. *Scientific thought of the Caucasus=Nauchnaya mysl Kavkaza*. 2019;2(98):40–49. (In Russ.). DOI [10.18522/2072-0181-2019-98-2-40-49](https://doi.org/10.18522/2072-0181-2019-98-2-40-49).
8. Golovlev A. A. To the bicentennial anniversary of Grozny: urbanonymy and microtoponymy Article 1. Classification of urbanonyms and stages of their renaming. *Regional development: an electronic scientific and practical journal=Regional razvitie: elektronnyyeI prakticheskyye journal*. 2017;5(23):11–21. (In Russ.).
9. Molodikova I. N. Migrants from the North Caucasus to the EU: problems of integration and gender roles. *Nauka. Innovation. Technologies=Nauka. Innovazii. Technologii*. 2015;(2):99–119. (In Russ.).
10. Sokolov D. S. ed. The North Caucasus: Society in the Region. Country and World. Kyiv: Laurus; 2021. 272 p. (In Russ.). ISBN 978-617-7313-67-9.
11. Zavershinsky K. F. Symbolic structures of political memory. In: Malinova O. Yu. ed. Symbolic politics: collection of scientific papers. Vol. 1. Constructing representations of the past as a power resource. Moscow: INION RAN; 2012. P. 149–63. (In Russ.).

12. Malinova O. Yu. ed. Symbolic Politics: Collection of Scientific Papers. Vol. 3. Political Functions of Myths. Moscow: INION RAN; 2015. 371 p. (In Russ.). ISBN 978-5-248-00776-9.
13. Arefi M. Non-Place and Placelessness as Narratives of Loss: Rethinking the Notion of Place. *Journal of Urban Design*. 1999;4(2):179–193. DOI [10.1080/13574809908724445](https://doi.org/10.1080/13574809908724445).
14. Kurbanova L. U. Problems and processes of gender identity of Chechens: a theoretical and empirical study. Krasnodar: Prosveshchenie-Yug; 2012. 303 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93491-439-5.
15. Yarskaya V. N., Yarskaya-Smirnova E. R. eds. The power of time: the social boundaries of memory. Moscow: OOO Variant; 2011. 224 p. (In Russ.). ISBN 978-5-903360-60-4.
16. Romanova A. P., Chernichkin D. A. eds. Religious identity and intercultural communication: materials of the All-Russian scientific seminar. Astrakhan, October 28–30, 2020. Astrakhan: Astraxanskij gosudarstvenny'j universitet; 2020. 207 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9926-1261-5.
17. Osmaev A. D. Transformation of family memory in the modern Chechen Republic. *Tempus et Memoria*. 2023;(2):50–56. (In Russ.). DOI [10.15826/tetm.2023.2.051](https://doi.org/10.15826/tetm.2023.2.051).
18. Yu. M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school [Yu. M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola]. Moscow: Gnosis; 1994. 560 p. (In Russ.). ISBN 5-7333-0486-3.
19. Auger M. No-place. Introduction to the anthropology of hypermodernity. Translated from French by A. Y. Konnova. Moscow: NLO; 2017. 136 p. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-0862-7.

Information about the authors

L. U. Kurbanova

Doctor of Sociology,
Associate professor
Scopus AuthorID: [58740127400](https://orcid.org/58740127400)

A. N. Gunya

Doctor of Geography,
Leading Researcher
ResearcherID: [J-9071-2012](https://orcid.org/J-9071-2012)
Scopus AuthorID: [6505909193](https://orcid.org/6505909193)

E. S. Abdulaeva

Candidate of Philosophy,
Associate Professor
ResearcherID: [ABE-9289-2021](https://orcid.org/ABE-9289-2021)

The authors declare that there is no conflict of interest.

The authors have made an equivalent contribution to the publication.

Kurbanova L. U. developed the methodological structure of the work.

Gunya A. N. collected and processed statistical and toponymic data.

Abdulaeva E. S. conducted the survey. The authors jointly processed the empirical data and participated in writing the work.

The article was submitted 07.07.2024; approved after reviewing 27.07.2024; accepted for publication 25.12.2024.

УДК 316.774
DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.5
EDN: RURRTY

Научная статья

ТЕОРИЯ КОНФЛИКТА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: РЕТРОСПЕКТИВНАЯ ДИНАМИКА И СОВРЕМЕННЫЙ ВЕКТОР МЕДИАКОММУНИКАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Александр Николаевич Чумиков

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Россия,

chumikov@pr-club.com,

ORCID 0000-0002-7208-9783

Для цитирования: Чумиков А. Н. Теория конфликта в социально-политической сфере: ретроспективная динамика и современный вектор медиакоммуникационного воздействия // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 95–116. DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.5. EDN RURRTY.

Аннотация. Попытки осмысления сущности и генезиса конфликта в человеческом обществе прослеживаются уже у мыслителей древности и продолжаются на протяжении многих столетий. Исследователи всех времён так или иначе занимались поисками политического устройства, предполагающего гармоничное регулирование конфликтов между людьми, переход в состояние без «антагонистических» противоречий и даже постепенное отмирание государства как такового. Во второй половине XX века возникла научная школа, признающая, что конфликт – постоянно присутствующий и важнейший тип коммуникации в обществе; в его основе лежат столкновения ценностей, потребностей и интересов с ведущей ролью объективных социально-экономических обстоятельств. В поиске причин социально-политического конфликта, их иерархии, методов регулирования всё большую значимость приобретали факторы, связанные с развитием информационного общества и его медийными компонентами, формирующими виртуальные представления граждан о происходящем и их последующие поведенческие реакции. Именно данные процессы находятся в фокусе авторского исследования. Приводятся сущностные характеристики медиапространства XX–XXI вв. и роль медиаресурсов в разрешении (предотвращении, разжигании, нейтрализации) конфликтов. Субъективное влияние медиа сопоставляется с объективными условиями развития политических процессов. В статье выдвигается и подтверждается гипотеза о том, что если ранее информационные факторы, включая медийные слагаемые, воспринимались учёными как важные причины и инструменты регулирования социально-политического конфликта, то применительно к XXI веку следует говорить об их доминировании. В ситуации колоссального и прогрессирующего роста источников и объёмов информации «объективная» реальность заменяется бесконечным рядом смысловых интерпретаций,

© Чумиков А. Н., 2025

определяющих мысли и поведение граждан. В этих условиях глобальной стратегией в конфликте становится понятие «управление коммуникациями», а в рамках политики государства – обеспечение преобладающего объёма информационного воздействия и синхронизация посланий с единым смыслом в традиционных и новых медиа. Доказывается сходность моделей медиаполитического управления в конфликте власти и оппозиции на различных этапах исторического развития. Констатируется, что «цветные революции», военные столкновения, активизация глобального противоборства на мировой арене продемонстрировали дальнейшее усиление роли информационного фактора в социально-политических отношениях и мотивировали жёсткое регулирование медиакоммуникаций правительствами многих стран. Стремление государств к монополизации медиавлияния с противодействием распространению неактуальных ценностей и политических образов стало мировым трендом.

Ключевые слова: конфликт, социально-политический конфликт, конфликтология, регулирование конфликта, государство, оппозиция, информационный фактор, медиакоммуникации, медиавоздействие, управление коммуникациями

Введение. Конфликтология и политический конфликт в мировой научной мысли

Не вызывает сомнений, что конфликт как действие существует ровно столько времени, сколько живёт само человечество. Отсюда попытки его теоретического обоснования восходят к мыслителям древности (Конфуций, Гераклит, Платон, Аристотель); продолжают в трудах учёных Нового времени (Э. Роттердамский, Ф. Бэкон, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, А. Смит), где в отдельную группу иногда выделяют «социалистов-утопистов» (Т. Мор, Т. Кампанелла, Г. Бабёф, К. А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн) и, в XIX–начале XX вв., работах исследователей немарксистского направления (Т. Мальтус, Г. Спенсер, Л. Гумпилович, М. Вебер). Во второй половине XIX в. и первых десятилетиях XX в. развивается марксистско-ленинская школа (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин), далее воплотившаяся в советскую теорию «антагонистических» и «неантагонистических» противоречий, доминирующую в пространстве социалистических стран и популярную на мировом уровне вплоть до 90–х гг. двадцатого столетия.

Поскольку вклад каждого из перечисленных авторов в теорию конфликта тщательно изучен, остановимся лишь на отдельных тезисах их трудов, имеющих отношение к теме нашей статьи, то есть к социально-политическому конфликту. Очевидно, что все названные исследователи так или иначе занимались поисками лучшего общественного устройства, предполагающего в долгосрочной перспективе обязательное существование государства как регулятора жизни граждан, включая её конфликтную составляющую. При этом в качестве главных причин глобальных внутри- и межгосударственных конфликтов всегда выделялись такие дилеммы, как объективные и субъективные, экономические и политические условия, а также их производные в виде материальных (реальных) и духовных (виртуальных) факторов.

Так, анализируя источники острых политических конфликтов с возможностью перерастания в государственные перевороты, Аристотель указывал на неравенство людей в обладании имуществом и получении почестей, то есть на несовершенство экономических отношений. Их устранение философ видел в нейтрализации «неправильных» форм государственного правления (тирания, олигархия, демократия), стремлении к «правильным» (монархия, аристократия, полиция) и поиску «золотой середины». В качестве значимого субъективного фактора конфликтов Аристотель отмечал *демагогию* – набор ораторских приёмов, способных убедить целевые аудитории, но основанных на ложных суждениях [1].

Ф. Бэкон решающую роль в социально-политических конфликтах отводил материальным причинам, выделяя среди них бедственное экономическое положение народа. В то же время и он указывал на субъективные основы конфликтных противостояний в виде «острых и колких слов в устах государя», «зависти в общественной жизни», «пасквилей и крамольных речей», «ложных слухов», когда они «охотно подхватываются» [2]. Безусловное преимущество экономическим причинам конфликта отдавал А. Смит, полагая, что с их устранением причины серьёзных конфликтов исчезнут [3]. Ж.-Ж. Руссо, напротив, рассчитывал на «общественный договор», с заключением которого люди обретут якобы существовавшую ранее, но утраченную впоследствии гармонию общественных отношений, «вечный мир» и единство [4].

Конфликтологическая теория К. Маркса – Ф. Энгельса практически целиком построена на анализе объективных экономических условий государства, связанных с его политическим устройством – «социалистическим» («коммунистическим») или «капиталистическим». Известно, что К. Маркс и его последователи полагали, что именно в капиталистическом обществе происходят наиболее опасные конфликты, так как антагонистические противоречия вызывают классовую борьбу между «трудом и капиталом», владельцами предприятий и работниками, имущими и неимущими категориями граждан. Утверждалось, что капитализм порождает и непримиримую межгосударственную конкуренцию, включая войны за передел мирового рынка.

В. Ленин в работе «Государство и революция» ссылается на фундаментальный труд Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» и заявляет, что государство в принципе есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, где они объективно не могут быть примирены. «Государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание “порядка”, который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов» [5, с. 7]. Однако государство, по К. Марксу, существует не извечно, оно неизбежно исчезнет с исчезновением классов и заменится «обществом, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей» [6, с. 173].

В. Ленин понимал, что процесс «отмирания» будет длительным и невозможен без «политического переходного периода». «Государством этого периода

может быть лишь революционная диктатура пролетариата» [5, с. 86–87]. И вот в этом-то государстве острый конфликт неизбежен. Причём не только между классами, но и между такими категориями, как «свобода» и «порядок». «Только теперь мы можем оценить всю правильность замечаний Энгельса, – пишет В. Ленин, – когда он беспощадно издевался над нелепостью соединения слов: “свобода” и “государство”. Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства» [5, с. 95].

Исследователей разных направлений, чей приведённый выше перечень не является исчерпывающим, правильнее назвать предшественниками возникшей главным образом во второй половине XX в. собственно конфликтологической школы. Её формирование и развитие связано с именами Т. Парсонса, Л. Козера, Р. Дарендорфа, К. Боулдинга, Л. Крисберга, А. Турена и ряда других европейских и американских социологов, философов, политологов и экономистов. Они трактовали конфликтную ситуацию в политике альтернативно марксистскому направлению.

Так, Л. Козер называл рыночные общества «открытыми» (плюралистическими, «мягкими»), а нерыночные, авторитарные и тоталитарные, «закрытыми» (ригидными, «жёсткими»). Наиболее опасные конфликты, по его мнению, происходят в закрытых обществах, поскольку блокируют специфический предупредительный сигнал и тем самым усугубляют опасность социальной катастрофы, ведут к насилию и революции. В плюралистическом обществе также происходят многочисленные конфликты между различными слоями и группами, но при этом оно доступно новым влияниям. Поэтому конфликт, выявляя напряжения, выполняет при этом конструктивные функции стабилизации и интеграции внутригрупповых отношений, выступает способом адекватного приспособления социальных норм к изменившимся обстоятельствам [7].

Общая суть учений названных конфликтологов, при всём разнообразии исследовательской базы, сводится к тому, что конфликт есть постоянно присутствующая и важнейшая сторона взаимодействия людей и их структур в обществе. В основе конфликта лежат противоречия между ними, основанные на ценностях, потребностях и интересах. Главную роль играют объективные социально-экономические факторы, но имеют значение и факторы субъективные в виде, например, комплекса психологических оснований существования человечества как такового. Сформировались многочисленные классификации конфликтов, типологии их причин; технологии экономических, политических, культурологических и иных методов управления; формализованные процедуры разрешения в виде переговорного процесса, фасилитации и медиации. Отмечалось, что любые конкретные формы проявления конфликта не фатальны, несут в себе одновременно негативный и позитивный потенциал и поддаются регулированию.

Говорить о существовании отечественной конфликтологической отрасли в нашей стране периода существования СССР можно лишь условно: речь скорее идёт о наличии научной парадигмы, выраженной в констатации уже

достигнутого формата социально-политических отношений, где присутствуют лишь частные («неантагонистические») противоречия, которые в дальнейшем всё более нивелируются. В 1990-х гг. появляются отечественные конфликтологические разработки иного плана, получившие начало в трудах Института социологии РАН (с 2017 года Институт социологии ФНИСЦ РАН) и Института государства и права РАН, а также исследованиях учёных Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов. Следует упомянуть, например, отдельные и совместные фундаментальные и прикладные исследования автора настоящей статьи и члена-корреспондента РАН А. Дмитриева, публикации А. Здравомыслова, монографию под редакцией академика РАН В. Кудрявцева¹. Декларируя отказ от советской «бесконфликтной» парадигмы, они в целом придерживались позиций западной конфликтологии и добавляли к ней отечественную специфику, связанную в первую очередь с процессами переходного периода в развитии общества.

Такая западная, позднее отечественная, а теперь уже и мировая парадигма конфликтологии остаётся преобладающей в научном поле и в третьем десятилетии XXI в. При этом, как отмечает Л. Цой, современное научное осмысление конфликта осуществляется в разных дисциплинарных областях, и конфликт как идеальный объект становится метапредметом, уже не имеющим прямого отношения к отдельным научным дисциплинам [8]. Данная констатация представляется нам справедливой, но и «растворяющей» конфликтологическую проблематику в многопрофильном комплексе научных отраслей и подходов. Это затрудняет поиск глобальных оснований для выбора методов воздействия на конфликтные ситуации в социуме в целом и, в фокусе нашего анализа, — на конфликты в политической сфере.

¹ Чумиков А. Н. Социально-политический конфликт: особенности диагностики и управления : дис. ...канд. филос. наук : 23.00.03 / Чумиков Александр Николаевич ; науч. рук. А. С. Закалин ; РАГС. Москва, 1991. 177 с.; Чумиков А. Н. Конфликт в системе социально-политических процессов переходного периода : дис. ...д-ра полит. наук : 23.00.02 / Чумиков Александр Николаевич ; Акад. труда и социальных отношений. Москва, 1995. 322 с.; Чумиков А. Н. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия // Социс. 1995. № 3. С. 52–57; Чумиков А. Н. Регулирование социально-политических конфликтов в постсоветской России // Власть. 1996. № 10. С. 17–22; Чумиков А. Н. Социология конфликта в интерпретации А. Г. Здравомыслова // Социс. 1996. № 11. С. 138–145; Дмитриев А. В., Степанов Е.И., Чумиков А. Н. Российский социум в 1995 году: конфликтологическая экспертиза (первое полугодие) // Социс. 1996. № 1. С. 6–23; Дмитриев А. В. Конфликт на российском распутье // Социс. 1993. № 9. С. 3–17 и др.; Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. М. : Аспект-пресс, 1994. 317 с.; Юридическая конфликтология / О. В. Бойков, Н. Н. Варламова, А. В. Дмитриев [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев ; РАН, Центр конфлик. исслед. М. : Ин-т гос-ва и права, 1995. 316 с. и др.

Информационный фактор в конфликте: формирование новых теоретических подходов к оценке и российский опыт использования прикладных технологий

Параллельно, на протяжении всего XX века, формируется новый ракурс базисных исследований и прикладных подходов к проблематике социального конфликта. Мы рассмотрим эти новации в двух измерениях: 1) теоретическое понимание соотношений причин возникновения конфликта; 2) обоснование и применение прикладных методов его регулирования. В обоих случаях можно обнаружить частичную преемственность положений, отражённых в упомянутых исследованиях. Но в качестве приоритетных и системных теоретиков – предшественников нового конфликтологического знания мы выделяем таких учёных XX века разных стран и периодов, но во многом сходных направлений, как У. Липпман, М. Маклюэн и М. Кастельс.

Затрагивая соотношения так называемой «подлинной реальности» и субъективных представлений о ней, У. Липпман в работе 1922 года «Общественное мнение» констатировал, что информацию о каких-либо изменениях мы принимаем за подлинную картину мира. Однако окружающая среда в целом – слишком сложное образование, чтобы можно было познавать её напрямую. Отсюда между человеком и средой располагается некая *псевдосреда*, а поведение индивида является реакцией именно на неё.

Псевдосреда формирует *стереотип* – шаблон восприятия, фильтрующий и интерпретирующий информацию при распознавании реальных событий. Стереотипы основаны на предшествующем социальном опыте и способствуют получению упорядоченной и относительно непротиворечивой картины окружающего контекста. Это картина возможного мира, где люди и предметы занимают предназначенные им места и действуют ожидаемым образом. Стереотипы распространяются и поддерживаются с помощью тонких механизмов воздействия. Нам рассказывают о мире до того, как мы его видим. Мы получаем представление о большинстве вещей прежде, чем непосредственно сталкиваемся с ними. Вымышленные символы накладываются на реальность [9]. Резонно предположить, что под механизмами воздействия автор, будучи не только учёным, но также писателем и журналистом, подразумевал главным образом активно развивающееся в XX веке пространство средств массовой информации (СМИ).

Данную линию продолжил М. Маклюэн. В работах 60–70-х гг. XX века он добавил к воздействию печатного медиасегмента У. Липпмана влияние электронных СМИ, представил критический анализ текущих и будущих моделей коммуникации, зафиксировал появление электронного общества и даже предсказал появление Всемирной паутины. Исследователь утверждал, что новые информационные технологии отличаются от известных прежде «простых» средств коммуникации между индивидуумами: с их помощью люди «изобретаются заново», у них появляются иные способы восприятия информации и формируется собственное понимание реальности. В наступающей информационной

эпохе М. Маклюэн видел «глобальную деревню» («глобальный театр») с «разрывами последовательности» и «максимально возможным несогласием по всем вопросам» [10; 11].

В конце XX в., на пороге эры Интернета, монографию по теории нового информационного (или информационального: у М. Кастельса фигурирует термин «concept of Informationalism» – А. Ч.) общества публикует М. Кастельс. Автор отмечает, что производство, обработка и передача информации стали в нём фундаментальными источниками экономики и самой власти. Наблюдается интенсивное развитие сетевой структуры общества (The Rise of network society), образующей культуру виртуальности с преобладанием символической коммуникации и подчиняющей её предыдущие социальные формы. Политическим процессом теперь управляют массмедиа, при этом исчезает различие между пользователями информации и её создателями [12].

Выделив актуальные теоретические констатации западных учёных относительно существенной роли информационных факторов в жизни общества вместе с прогнозами нарастания этой роли, мы переходим к следующей позиции: каким образом медиaprостранство используется для регулирования конфликтов, в какой степени оно способствует их разрешению (предотвращению, разжиганию, нейтрализации) и каковы пропорции влияния на конфликт медиаресурсов как субъективного обстоятельства по сравнению с объективными политическими и экономическими условиями. Обратимся к наработкам В. Ленина, теперь в меньшей степени теоретика марксизма, а в большей – политтехнолога и медиаменеджера. Обоснование В. Лениным роли СМИ в политической борьбе (конflikте) интересно для нас тем, что описанный им и подтверждённый в последующих практических действиях алгоритм управления медиа актуален и продолжает работать в современных условиях.

Начальная стадия информационно-политического противодействия обозначается в работе «Что делать?» (1901–1902) как «листки» с «экономическими обличениями». «Листки» разжигали оппозиционные настроения на фабриках, параллельно формируя сообщества: пассивное – читающих/слушающих/пересказывающих актуальную информацию и активное – рабочих корреспондентов со страстью «печататься». Одних экономических обличений, по мнению В. Ленина, недостаточно: нужно организовать «всестороннее политическое обличение самодержавия». Для этого самодетельный тип изданий следует трансформировать в профессиональную прессу («местные газеты»). Но и «отдельной местной организации... не под силу обеспечить принципиальную устойчивость своей газеты и поставить её на высоту политического органа» [13, с. 465–505].

Отсюда логически вытекает широко известный вывод, сделанный В. Лениным примерно в тот же период в статье «С чего начать?» (1901): нужны периодическая пресса и общерусская политическая газета «для объединения нашего воздействия на народ и на правительство посредством печатного слова» [14, с. 9]. Формулируется знаменитый лозунг, где «газета – не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный

организатор». Последняя функция предполагает «создание сети местных агентов единой партии», способных стать её остовом [14, с. 11].

Победа в политическом конфликте (революции), по В. Ленину, должна происходить в условиях свободной прессы. В Программе РСДРП, принятой в 1903 году и действующей вплоть до 1917 года, содержалось требование «неограниченной свободы печати». Однако уже в 1905 году в статье «Партийная организация и партийная литература» политик начинает дискуссию по поводу взаимосвязи свободы и партийности (впоследствии приравненной к государственности – А. Ч.) прессы. Предлагается «выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь... Газеты... издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами – всё должно стать партийно-подотчётным». От этого зависит жизнеспособность союза-партии, а далее и государства [15, с. 99–105].

С помощью медийных ресурсов общероссийского масштаба и их организаторов большевики сумели победить в таком политическом конфликте, как Октябрьская революция. И сразу же начали работу по ограничению влияния «свободных» СМИ, проповедующих иные взгляды на государственное устройство. Более того: В. Ленин теперь приветствовал методы, называемые раньше «политическим шантажом» со стороны буржуазной прессы, и упрекал журналистов в том, что они «не умеют вести классовой борьбы в газетах так, как её вела буржуазия [16, с. 89–91].

В период с 20-х и до второй половины 80-х гг. XX века СМИ в Советском Союзе были практически полностью монополизированы государством и КПСС как его главной и единственной партией. Их роль как субъективного фактора воздействия на массовое сознание стала почти абсолютной. Выступая в 1934 году на XVII съезде ВКП (б), И. Сталин заявлял, что «после того, как правильность политической линии партии подтверждена опытом ряда лет, а готовность рабочих и крестьян поддержать эту линию не вызывает больше сомнений, – роль так называемых объективных условий свелась к минимуму, тогда как роль наших организаций и их руководителей стала решающей, исключительной». Если же какие-то люди разрушают основы партийной и государственной дисциплины, «их надо без колебаний снимать с руководящих постов... и опубликовать об этом в печати» [17, с. 366, 370].

Приводя в пример информационно-политическую ситуацию в государстве ленинско-сталинского, а впоследствии и хрущёвско-брежневского периодов, мы уходим от оценок её как позитивной или негативной. В нашу задачу входит показ возможностей сохранения задуманной и реализованной модели государства с помощью субъективных медийных усилий и вне зависимости от существующих внутри страны и во внешнем окружении объективных политико-экономических условий. С помощью «ленинской медийной схемы» значимые внутригосударственные конфликты были ликвидированы, а во внешних глобальных конфликтах, включая Великую Отечественную войну, обеспечен выигрыш. С одной стороны, эти выводы относятся лишь к периодам, когда был

возможен «железный занавес» с максимальным ограничением доступа граждан к оппозиционным и враждебным медиаресурсам. С другой – установка на ведущую роль государства в управлении политическим информационным потоком никогда не теряла своей актуальности, а её игнорирование приводило лишь к обострению конфликтов, включая слом самой государственной системы.

Перенесёмся в эпоху перестройки М. Горбачёва, на примере которой мы можем проследить так называемую «обратную» роль СМИ: вместо того, чтобы укреплять государство и преобразовывать его на новой основе, они сыграли ключевую роль в развале страны. Обратимся к исследованиям советолога Ш. Фицпатрик о том периоде. Автор констатирует, что в процессе перестройки приоритет был отдан гласности. Гласность отвечала представлениям интеллигенции о том, что первоочередной и главный смысл реформ заключается в снятии ограничений на свободу высказываний. Советскую прессу заполнила подробная критика исторических «ошибок»: коллективизации, Большого террора, неудачных решений Второй мировой войны, этнических депортаций военного времени и послевоенного антисемитизма. Газеты и толстые журналы соревновались друг с другом в разоблачениях. М. Горбачёв считал, что решение «сказать правду» не принесёт ничего кроме пользы и, очистив советскую систему, только укрепит её. «Увы, всё случилось наоборот. Девятый вал нападок на изъяны советского социализма не вдохновил общество на поддержку реформ, а только подорвал его доверие к системе» [18, с. 243–246].

Несмотря на публичное политическое оппонирование М. Горбачёву, первый президент России Б. Ельцин проводил по отношению к медиа аналогичную линию, употребляя вместо слова «гласность» понятие «демократия». СМИ в период его нахождения у власти действительно достигли уровня максимальной свободы. Но одновременно также осуществили «обратное» воздействие с эффектом не укрепления, а дискредитации государственной системы и её руководителей. В исследованиях Ш. Фицпатрик говорится, что эти политики пользовались массовой поддержкой во второй половине 1980-х (М. Горбачёв) и конце 80-х – начале 90-х гг. (Б. Ельцин) XX в., но спустя два десятилетия оценивались резко негативно: опрос 2017 года показал, что 30% респондентов относились к обоим «с неприязнью, раздражением», а ещё 15% испытывали «отвращение, ненависть». При этом 49% высказали уважение В. Путину, 32% – И. Сталину и 26% – В. Ленину [18, с. 298–299].

Подтверждение нашего тезиса о создании с помощью медиа неадекватной политическим целям картины реальности, повлиявшей в дальнейшем на негативное отношение к ситуации в стране и её лидерам того периода, мы получаем и в фундаментальных многолетних исследованиях Института социологии РАН. Они свидетельствуют, что больше всего надежд россияне связывали с демократией в начале 1990-х гг., усматривая в ней единственно возможный путь перехода к лучшей жизни. Но действительность разошлась с этими во многом идеалистическими представлениями, вызвав у населения разочарование «демократией по-русски». Переменившееся с восторженно-позитивного на негативное

отношение к Б. Ельцину перенеслось на демократические процедуры и институты. Число убеждённых в их важности для организации в обществе нормальной жизни сократилось за 10 лет с 51% в 2001 году до 44% в 2011 году [19, с. 13].

При ответе на вопрос о том, какой из исторических периодов оказал наиболее положительное воздействие на социально-экономическое развитие страны, самые низкие оценки получили позиции «перестройка» при М. Горбачёве (29% положительных ответов и 69% отрицательных) и «переход к рыночной экономике» при Б. Ельцине (40 и 57%), а самые высокие – «индустриализация страны конца 1920-х–30-х гг. XX в.» (85 и 13%) и «реформы начала XX в.» с введением элементов конституционного строя, созданием слоёв крепких частных хозяев на селе и переходом к золотому рублю (79 и 16%) [19, с. 81]. Заметим, что такое преимущественно положительное отношение всех или подавляющего большинства респондентов сформировалось опосредованно, то есть не на личном опыте, а под влиянием различных источников информации, в первую очередь СМИ.

Отсюда вытекает важный вывод: с одной стороны, граждане оценивают события *реальной* действительности, с другой – эти оценки формируются с помощью медиавоздействия. СМИ «вознесли» «перестройку» М. Горбачёва и «демократию» Б. Ельцина, но таким же образом они «низвергли» прежде позитивные образы. Информационный механизм, выбранный для реформирования системы (управления политическим конфликтом в сторону его позитивного разрешения), выполнил противоположную функцию: привёл в одном случае к разрушению системы (глобальному конфликту), а в другом – к существенному обострению противоречий внутри неё.

Управление медиареальностью как основной вектор регулирования внутригосударственного политического конфликта

Если мы выше указывали на информационные факторы и их медиаслагаемые как важные причины и одновременно инструменты регулирования социально-политического конфликта, то применительно к XXI веку следует говорить об их доминировании. Чтобы люди осуществляли какое-либо материализованное действие, они должны быть убеждены в его необходимости. Но само такое убеждение, включая то или иное поведение в конфликте, формируется теперь преимущественно не объективными условиями жизни, но медиавоздействием. С наступлением эры Интернета, появлением конвергентных СМИ и социальных сетей возникли и описаны понятия «медиакоммуникации», «инфодемия» и «медиаатизация». Вместе с ними предположения и прогнозы, сделанные теоретиками предыдущего периода о влиянии на сознание контента медийных ресурсов, не просто подтвердились, а многократно усилили свою значимость.

Представления граждан о текущих процессах существенно виртуализируются. В ситуации колоссального и прогрессирующего роста источников и объёмов информации «объективная» реальность заменяется бесконечным рядом

интерпретаций, определяющих мысли и поведение потребителей. Как отмечают исследователи, если прежняя «правда» рассматривалась как объективный фиксатор нашей действительности в конкретный период, то нынешняя «пост-правда» становится инструментом маркирования любых событий, организаций и персон в соответствии с интересами инициаторов такой маркировки [20].

Что касается политического конфликта, то интерпретированные смысловые ориентировки направляются на формирование объяснительных моделей социально-политической реальности для поддержания стабильности или, напротив, разрушения существующих правящих режимов и их целей. По мнению С. Володенкова, задачи формирования для общественного сознания простых, привлекательных, «достоверных» и удобных в потреблении объяснительных медиа-моделей и соответствующих им «безопасных» поведенческих реакций становятся ключевыми в процессе современного политического управления [21, с. 277–278].

Как отмечали участники Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов, медиа занимают ведущую роль в массовой культуре, используют актуальную для заказчика семантику и риторику, применяют технологии конструирования специфических мифов, внедряют в сознание индивида и социальных групп иную реальность и таким образом конструируют актуальную картину мира индивида и общества в целом. Посредством участия СМИ происходит обострение конфликта, сглаживание конфликта, создание условий его перехода к следующей фазе. Медийное поле служит площадкой позиционирования, сравнения и противопоставления, победы и поражения одних ценностей над другими [22, с. 192–194].

Постепенно меняется понимание самой сути социального конфликта как в политических, так и во всех других проявлениях. Ф. Шарков и В. Сперанский фиксируют, что субъективные основания конфликтов так же важны, как и объективные причины напряжённости. Выделяется три вида конфликтов:

1. Ложный конфликт, когда субъект *воспринимает* (курсив мой – А. Ч.) ситуацию как конфликтную, хотя реальных (объективных – А. Ч.) причин нет.

2. Потенциальный конфликт, когда существуют реальные основания для возникновения конфликта, но одна или обе стороны пока *не осознали* (курсив мой – А. Ч.) ситуацию как конфликтную.

3. Истинный конфликт – реальные столкновения между сторонами [23, с. 20].

Добавим к этому, что даже «истинный конфликт» является производным от «ложного» или «потенциального» и осознаётся в результате конкуренции информационных ресурсов сторон.

Возможно ли управлять медиапространством и медиапроцессом, определяющими наличие конфликта в целом и уровень его «истинности» и остроты в сознании целевых групп? При ответе на этот вопрос вновь обратимся к ленинской модели. Несмотря на то, что организация общества на рыночных началах стала преобладающей, периодически возникает установка на смену правящей элиты, коррекцию государственного устройства и (или) правительственного курса. В СССР последних лет существования государственный строй вновь

расшатывался с помощью нелегальных или полулегальных аналогов ленинских «листочков», получивших обобщённое название «самиздата». С появлением Интернета роль «листочков» – особенно в странах, где произошли «цветные» революции (Украина, Грузия, Тунис, Египет, Йемен и др.) – взяли на себя личные и коллективные ресурсы нового коммуникационного пространства: аккаунты в социальных сетях и сайты. Наряду с другими «народными» СМИ, они сыграли существенную, а иногда и ведущую роль в достижении революционных целей. Популярны личные «листки» – интернет-ресурсы социально-политического профиля с аудиторией более миллиона человек, способные стимулировать развитие политического конфликта до его острых форм, – имели к 2020-м гг. десятки и сотни авторов в России.

На следующем за «листочками» этапе медийного развития у В. Ленина появляются газеты. Разумеется, что в современный период следует говорить не собственно о газете, но о средстве массовой информации с комплексом конвергентных признаков. С одной стороны, оппозиционные медиа проявляли активное «ленинское» стремление превратиться в общероссийские каналы информации, стали конкурентоспособными и вошли в первые строчки медийных рейтингов. С другой стороны, властные структуры в периоды нежелательного развития ситуации предпринимают юридические и иные активные контрдействия по ограничению влияния оппозиционных ресурсов. То есть достигнуть «высоты политического органа» этим СМИ не удаётся – они блокируются государством или «понижаются» до уровня «местных газет».

В принципе же, как отмечает Э. Шульц, все крупные политические конфликты (революции) на уровне государства – «рукотворные», то есть сымитированные. В каждой революции наличествует группа с информационными ресурсами, прилагающая усилия к разжиганию социального протеста и организации госпереворота. «Нет такой модели революции, где “низы” (рабочие, крестьяне и т. д.) сами по себе взбунтовались и голыми руками опрокинули вооружённые формирования, стоящие на страже режима» [24, с. 171–177]. Всегда идёт речь о технологиях организации социального протеста в борьбе за власть и управления страной после взятия власти.

Как мы уже показали выше, роль и «вес» медиакоммуникационного фактора в политических конфликтах всё более увеличивается. Основным вектором государственной информационной деятельности в такой ситуации должны быть и становятся не столько запреты оппозиционных медиа, сколько развитие прогосударственных каналов. Роль «общерусской политической газеты» в 2020-е гг. по-прежнему выполняло телевидение: по данным Минцифры, почти 98% взрослого населения России смотрели телевизор хотя бы раз в месяц, и более 65% делали это каждый день. Причём здесь имеется в виду только собственно ТВ-просмотр без учёта потребления произведённых на телеканалах и широко распространяемых в сетевом пространстве конвергентных продуктов [25].

Стремительно развивается и новая медиареальность, когда политический конфликт между властью и оппозицией перемещается в интернет-пространство.

Формой выражения целей сторон и способов их достижения становятся полноценные порталы СМИ, авторские блоги, личные и групповые аккаунты в социальных сетях. Интерактивные цифровые медиа ниспровергают одностороннюю трансляционную модель телевидения и даже заменяют в ряде случаев прежние «материализованные» организационные структуры и лидеров. В то же время политические месседжи социальных медиа более подвержены интерпретации и дроблению при их распространении. Мы называем это явление децентрализацией и десинхронизацией контента – компоновкой оригинальных данных с целью сделать их более популярными и значимыми. В результате первоначально вброшенный и имеющий статус главенствующего тезис видоизменяется и рассеивается. Получается, что поле соцсетей должно рассматриваться не как доминирующий фактор выигрыша в информационном противоборстве «власть – оппозиция», а как зона, также и воспроизводящая острый политический конфликт между разными группами общих, на первый взгляд, интересов и постоянную конкуренцию этих групп за влияние в киберпространстве. Отсюда у государства возникает новая стратегия – обеспечить приоритетное медийное воздействие за счёт синхронизации информационного сигнала с единым смыслом в «своих» традиционных и новых медиа.

Поставим и следующий вопрос. Кто и что является гарантом позитивного регулирования политического конфликта? На протяжении последних десятилетий и столетий в мире господствовало положение, что это «демократические механизмы» и «свободные медиа». Что конфликт должен разрешаться в пользу «прогрессивных сил». Что в их задачу входит «гармонизация интересов». Однако все приведённые термины представляют собой лишь теоретические абстракции. В действительности (если о ней ещё можно говорить без кавычек) происходит «круговорот демократии» с её «прогрессивными силами» и «свободными медиа». Как замечает Е. Фидря, в ходе политической коммуникации (в нашем случае – конфликта) автор политического сообщения и его реципиенты так или иначе обращаются к доминирующему дискурсу, либо утверждая его, либо пытаясь «подорвать». Социальные агенты, обладающие большим правом на использование символического капитала (власть – А. Ч.), стремятся осуществить легитимацию актуального для них представления социального мира. Агенты, занимающие подчинённое положение в поле символического производства, при помощи оппозиционной стратегии «независимости», «правды» и «объективности» подрывают официальное видение, пытаются утвердить альтернативную картину и тем самым увеличить объём собственного символического капитала [26, с. 40–56].

Другими словами, если медиа являются оппозиционными, то неизбежно стимулируют конфликт и критикуют власть как неадекватного субъекта политической действительности. Если же они служат власти, то должны показывать её успехи, а недостатки подавать лишь как частные случаи и «пережитки прошлого». Таким образом, «правильное» («демократическое», «свободное» или противоположное) поведение и положение самих медиа в конечном счёте

зависит от ролевой функции, выполняемой ими в конкретных исторических периодах и политических ситуациях.

Информационная конкуренция в условиях международного политического конфликта

Модель управления конфликтом в направлении выигрыша в политическом противостоянии с обязательным компонентом информационной конкуренции актуальна и для международных отношений. Неизбежность периодических и острых политических конфликтов, включая военные столкновения, в очередной раз показала практика последних десятилетий. В этой связи вновь обратимся к конфликтологическому наследию Л. Козера с предположением о возможности политического порядка, основанного на общепризнанных (абстрактных) гуманистических принципах. Нарушение порядка, по Л. Козеру, является следствием недостатка знаний и пониманий, устаревших социальных институтов либо порочности определённых индивидов и групп. Устранение названных проблем ведёт к возвращению порядка [7].

Однако более жизнеспособным оказался подход, предложенный Х. Моргентау. Концепция самоорганизующихся механизмов регулирования социально-политического конфликта, по его мнению, – это «идеализм» с лежащей в его основе формулой «легализма-морализма» (англ.: *legalism-moralism*), где требования законности и положения морали якобы существенно влияют на политику. Но, согласно Х. Моргентау, несовершенный с рациональной точки зрения мир есть результат неизбежного столкновения противоположных интересов и стоящих за ними сил. Моральные принципы играют роль в международной политике, но не являются её главным фокусом. В лучшем случае к таким принципам можно приблизиться посредством временного балансирования интересов и неустойчивых соглашений. Но стратегическая задача заключается в создании системы сдержек и противовесов, которая принимает во внимание исторические прецеденты, а не абстрактные установки и направлена на реализацию меньшего зла, а не абсолютного добра [27, с. 3, 14].

«Систему сдержек и противовесов» применительно к военно-политическим конфликтам попытался ещё в 1960-е годы количественно просчитать К. Райт, применивший для этого развёрнутый и обоснованный социологический инструментарий. Учёный предложил формулы для оценки вероятности быстрой эскалации или завершения конфликта с такими показателями, как вооружённые силы, стоимость военных действий, потенциальные ресурсы участников, степень их уязвимости в результате прогнозируемых потерь, давление мирового общественного мнения в пользу мирного решения конфликта и национальные интересы. Именно последний показатель исследователь поставил на первое место.

Убеждение в том, что национальные интересы ущемлены или поставлены под угрозу, становятся в большинстве случаев главной причиной обострения международных конфликтов. Значение, придаваемое государством

национальным интересам, варьируется в зависимости от оценки ситуации общественным мнением. При этом такие субъективные и виртуальные интересы, как уважение, репутация, гордость и престиж могут цениться выше, чем интересы объективные – благосостояние, территория или даже сама власть [28, с. 434–449].

Национальный интерес может трактоваться как патриотическое сознание и становится двигателем международного политического конфликта. Будучи чётко закреплённым в восприятии целевых групп той или иной нации, он служит залогом их победы не только на поле боя, но и в информационной (гибридной) войне. С помощью широкого арсенала медиакоммуникационных приёмов, представленных нами в научных публикациях [29, с. 19], в сознание внедряются объясняющие и мотивирующие патриотические установки. Их суть в военный период описала Э. Морелли в исследовании «Элементарные принципы военной пропаганды» («Десять заповедей»). Тезисы «заповедей» кратко сводятся к следующему: 1. Мы не хотим войны. 2. Противоборствующая сторона несёт полную ответственность за войну. 3. Лидер противоположного лагеря имеет лицо дьявола. 4. Мы защищаем благородное дело, а не особые интересы. 5. Враг сознательно зверствует, а мы если ошибаемся, то невольно. 6. Противник использует несанкционированное оружие. 7. Мы несём очень мало потерь, а потери противника огромны. 8. Творческая элита поддерживает наше дело. 9. Наши цели святы. 10. Те, кто сомневается в нашей пропаганде, – предатели [30].

Анализ медиаполя противоборствующих стран в период военного конфликта 2020-х гг. показывает, что их ведущие медиа трактуют эти принципы в пользу своих государств, а позиции СМИ контролируются органами власти. То есть взаимоотношения в дилемме «свободные СМИ – регулируемые медиа», подобно ситуации с внутривнутриполитическим конфликтом «власть – оппозиция», наблюдаются и в условиях «война – мир»: политико-правовой прессинг на медиа усиливается в военных условиях и ослабляется в мирных ситуациях. Поэтому, как отмечают авторы новейших исследований, создание всё более развитых демократических механизмов внутри медиакоммуникационной системы выступает идеальной задачей, но не самоцелью ведущего политического субъекта, каким является государство. Данные механизмы должны работать в интересах государства, поддаваться управлению и продвигать установки, соответствующие задачам периода [31].

Обращает на себя внимание тот факт, что сами медиасообщества, в отличие от органов власти, в ряде случаев продолжают испытывать иллюзии по поводу своей «независимой информационной миссии», способной гармонизировать общественные отношения. О. В. Смирнова и С. Б. Стебловская изучили российские журналистские кодексы и сопоставили их с аналогами Китайской Народной Республики. В базовых позициях документов выявлены существенные различия. Так, основные установки «Медиаэтического стандарта» (Россия, 2021) направлены на профессиональную честность журналиста, обеспечение прав граждан на информацию и свободу слова, уважение частной

жизни и человеческого достоинства, защиту многообразия культур. В «Кодексе профессиональной этики журналистов» (КНР, 2019) закреплены во многом иные ключевые смыслы профессии: беззаветное служение народу, патриотизм, поддержание духа национального единства и сотрудничества, уважение национальных традиций. То есть в кодексах КНР приоритетное внимание уделяется деятельности журналиста по продвижению интересов государства, а в фокусе российского кодекса находятся в первую очередь «права и свободы человека» [32, с. 453–472].

В целом мы констатируем, что «цветные революции», военные столкновения, активизация глобального противоборства на мировой арене вместе с интенсивным развитием интернет-пространства привели к усилению роли информационного фактора в международных социально-политических отношениях и мотивировали принятие дополнительных мер по ограничению собственных возможностей медиа во многих странах. Стремление государств к монополизации медиавлияния с противодействием распространению неактуальных ценностей и политических образов стало мировым трендом.

Заключение

Изменившиеся социально-политические и коммуникационные условия жизни общества требуют новых разработок в области теории социально-политического конфликта, направленных на регулирование его стадий и степеней развития. Положения о демократическом социуме как минимально конфликтно-генном и способном перевести радикальные конфликты в более мягкие формы сталкиваются с проявлениями острых политических противостояний в самых развитых демократических государствах. Практика показывает, что благополучное состояние или, напротив, бедственное положение экономики точно так же не является, в одном случае, непременно объективным условием возникновения, а в другом – сглаживания конфликтов, разрушающих сложившуюся политическую систему государства.

В то же время в теоретических исследованиях конфликтологической проблематики преобладают функционально-описательный подход к конфликтам и позитивистская парадигма. Новые тренды недостаточно осознаны, и приоритетное внимание по-прежнему уделяется положениям о тренде развития общества в направлении гармоничного, предсказуемого и объективно регулируемого устройства.

При этом в конфликтных процессах отмечается постоянно возрастающая роль медиакоммуникаций как системы создания, трансляции и обмена информацией по каналам традиционных и новых (конвергентных, сетевых) средств массовой информации, предполагающих целенаправленное воздействие субъектов информационного поля друг на друга.

В качестве главной задачи регулирования этого поля многие исследователи провозглашают борьбу за абстрактно формулируемые принципы «свободы»

и «объективности» медиа против таких же идеологических клише «пропаганды», «манипуляции» и «фейков». Действительная же задача заключается в обеспечении доминирующего медиакоммуникационного влияния с помощью актуальных интерпретаций, соответствующих законам и этическим стандартам. При оценке роли информационных ресурсов в политических конфликтах возникает необходимость смещения исследовательских акцентов с рассмотрения гармонизирующих функций медиа и анализа развития в них демократических механизмов на изучение эффективных способов информационного воздействия в интересах стабилизации государства и общества. Степень устойчивости государства в политическом конфликте зависит от его способности противостоять оппозиционным (враждебным) силам и их медиакоммуникационным ресурсам с помощью продвижения ценностей и моделей поведения, обеспечивающих поддержку власти и нейтрализацию иных проявлений.

Медиакоммуникации формируют стереотипизированные (виртуальные) социальные представления, влияющие как на обострение конфликта, так и на сдерживающие факторы. Важность внедрения в сознание оптимальных картин происходящего существенно актуализируется в условиях «цветных революций» внутри государств и нарастания геополитической напряжённости с военными столкновениями между ними.

В регулировании информационного пространства на протяжении длительных исторических периодов срабатывают сходные политико-коммуникационные алгоритмы. В период угрозы острых политических конфликтов государственные организации усиливают регулирование СМИ. Политические силы, ведущие борьбу за власть, выступают за их полную либерализацию. После прихода к власти прежняя оппозиция выстраивает новую систему поддержки «своих» и ограничения возможностей «чужих» медиакоммуникаций. Подобные намерения расширить или ограничить права и свободы медиа наблюдаются в условиях относительного мира или угрозы либо наличия войны.

Стремление государств к усилению политико-идеологической монополизации медиа становится на современном этапе мировым трендом. Телевидение и традиционные СМИ сохраняют доминирующее влияние на аудиторию, формируя конвергентные механизмы продвижения своего контента. Внедрение провластных медийных ресурсов в систему социальных медиа увеличивает эффективность собственного информационного сигнала, а ограничение деятельности оппозиционных ресурсов в социальных сетях ослабляет их влияние.

Понятие «управление медиакоммуникациями» представляется наиболее адекватным при анализе механизмов регулирования современного политического конфликта в целях достижения желаемого результата. Выбору любой из принятых во внимание исследователями линий поведения в конфликте (конкуренция, приспособление, компромисс, избегание, сотрудничество) предшествует, а затем сопровождает её информационное противоборство. Оно прямо влияет на оптимальность и эффективность использования имеющихся у сторон материальных ресурсов.

В глобальном плане речь идёт о смене научной парадигмы от позитивистской (объективистской), предполагающей последовательное развитие демократических основ в деятельности медиа, к субъективистской (регулятивной) с ограничениями в работе медиа и использованием их в качестве приоритетного механизма влияния в политическом конфликте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Аристотель*. Политика / Аристотель ; пер. с древнегр. С. А. Жебелева, М. Л. Гаспарова. М. : АСТ: Астрель, 2012. 393 с. ISBN 978-5-17-065681-3. EDN QXDASJ.
2. *Бэкон Ф.* Сочинения в 2 т. / Ф. Бэкон ; пер., сост., общ. ред. и вступ. статья А. Л. Субботина ; 2-е изд. доп. и испр. М. : Мысль, 1977. 567 с.
3. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит ; пер. с англ. М. : Эксмо, 2009. 956 с. ISBN 978-5-699-18389-0. EDN QTСМАР.
4. *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре: трактаты / Ж.-Ж. Руссо ; пер. с франц., вступ. статьи А. Филиппова и др. М. : Кучково поле, 1998. 414 с. ISBN 5-87533-113-5.
5. *Ленин В. И.* Государство и революция // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 33. С. 1–120.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1961. Т. 21. 746 с.
7. *Coser L.* The Function of Social Conflict. Glencoe, III : Free Press, 1956. 188 p.
8. *Цой Л. Н.* Русская конфликтология: конфликт как метапредмет. Тезисы // Московская школа конфликтологии : сайт. 2017. URL: <http://conflictmanagement.ru/russkaya-konfliktologiya-konflikt-kak-metapredmet-2/> (дата обращения: 15.09.2024).
9. *Lippmann W.* Public opinion. NY : Macmillan, 1922. 449 p.
10. *McLuhan M.* Understanding Media. The extensions of man. NY : New American Library, 1964. 396 p.
11. *McLuhan M., Fiore Q.* War and Peace in the Global Village. NY : Bantam, 1968. 196 p.
12. *Castells M.* End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. Cambridge, Massachusetts; Oxford, UK : Blackwell, 1998. 456 p.
13. *Ленин В. И.* Что делать? // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1963. Т. 6. С. 465–505.
14. *Ленин В. И.* С чего начать? // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1967. Т. 5. С. 5–13.
15. *Ленин В. И.* Партийная организация и партийная литература // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1968. Т. 12. С. 99–105.
16. *Ленин В. И.* О характере наших газет // Полное собрание сочинений / В. И. Ленин ; 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969. Т. 37. С. 89–91.
17. *Сталин И. В.* Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) // Сочинения / И. В. Сталин. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1951. Т. 13. С. 282–379.
18. *Фицпатрик Ш.* Кратчайшая история Советского Союза : монография / Ш. Фицпатрик ; пер. с англ. М. : Альпина-нон-фикшн, 2023. 336 с. ISBN 978-5-00139-820-2.
19. *Горшков М. К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М. : Новый хронограф, 2011. 672 с. ISBN 978-5-94881-173-4. EDN SUOSUJ.
20. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды : монография / Д. С. Мартьянов, И. А. Быков, Г. В. Лукьянова [и др.] ; под ред. Д. С. Мартьянова. СПб. : ООО ЭлекСис, 2019. 312 с. ISBN 978-5-6040317-9-7. EDN WNKAPG.
21. *Володенков С. В.* Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями. М. : РГ-Прогресс, 2019. 584 с. ISBN 978-5-9988-0706-0. DOI 10.31085/9785998807060-2019-584. EDN GVBVFM.

22. Лабуш Н. С. Конфликтогенность массмедийного пространства современной России // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Третьего Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов (СПб, 15–16 ноября 2019 г.). СПб. : Фонд развития конфликтологии, 2019. С. 192–194. EDN AWLFMI.
23. Шарков Ф. И., Сперанский В. И. Общая конфликтология. М. : Дашков и К, 2016. 240 с. ISBN 978-5-394-02402-3.
24. Шульц Э. Э. К вопросу о методах и подходах в изучении русской революции // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 171–177. DOI [10.17223/15617793/459/21](https://doi.org/10.17223/15617793/459/21). EDN MYMURL.
25. Телевидение в России в 2022–2023 году. Состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М. : Минцифры, 2023. 130 с. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/televidenie-v-rossii-v-2022-2023-godu.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
26. Фидря Е. С. Факторы и логики реконструирования смысла политического текста в условиях когнитивной и интерпретативной неопределённости // Полис. 2019. № 4. С. 40–56. DOI [10.17976/jpps/2019.04.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.04). EDN GLVVGM.
27. *Morganthau H.* Politics Among Nations. 6th ed. NY : Alfred A. Knopf, 1985. 688 p.
28. *Wright Q.* The escalation of international conflicts // Journal of Conflict Resolution. 1965. Vol. 9 (4). P. 434–449. URL: <http://www.jstor.org/stable/172681> (дата обращения: 15.01.2025).
29. Чумиков А. Н. Актуальный инструментарий информационного противоборства в «холодной», «горячей» и «гибридной» войне // Наука. Общество. Оборона. 2023. Т. 11, № 2 (35). С. 19–19. DOI [10.24412/2311-1763-2023-2-19-19](https://doi.org/10.24412/2311-1763-2023-2-19-19). EDN TKLGGX.
30. Morelli A. Principes élémentaires de propagande de guerre: Utilisables en cas de guerre froide, chaude ou tiède. Bruxelles : Aden, 2010. 222 p. URL: <https://www.lecanardrépublicain.net/> (дата обращения: 06.10.2024).
31. Шульц Э. Э. Массовый политический протест в контексте медиакommunikаций : дис. ...д-ра полит. наук : 5.9.9 / Шульц Эдуард Эдуардович ; МГЛУ. Москва, 2024.
32. Смирнова О. В., Стебловская С. Б., Ван Ф. Ценностные ориентации журналистов России и Китая: сравнительный анализ профессионально-этических кодексов // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. Т. 11, № 3. С. 453–472. DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(3\).453-472](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3).453-472). EDN BSWSJC.

Сведения об авторе

А. Н. Чумиков

доктор политических наук,
главный научный сотрудник,
профессор
SPIN-код: [6211-6904](https://orcid.org/0009-0001-9000-6904)

Статья поступила в редакцию 03.09.2024; одобрена после рецензирования 04.11.2024; принята к публикации 23.12.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.1.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.5)

THEORY OF CONFLICT IN THE SOCIAL AND POLITICAL SPHERE: RETROSPECTIVE DYNAMICS AND THE MODERN VECTOR OF MEDIA COMMUNICATION IMPACT

Alexander Nikolaevich Chumikov

Institute of Sociology of FCTAS RAS;

Moscow State Linguistic University,

Moscow, Russia,

chumikov@pr-club.com,

ORCID [0000-0002-7208-9783](https://orcid.org/0000-0002-7208-9783)

For citation: Chumikov A. N. Theory of conflict in the social and political sphere: retrospective dynamics and the modern vector of media communication impact. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025; 13(1):95–116. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.5](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.5).

Abstract. Attempts to understand the essence and genesis of conflict in human society can be traced back to ancient thinkers and have continued for many centuries. Researchers of all times have been searching for a political system that would harmoniously regulate conflicts between people, transition to a state without “antagonistic” contradictions, and even gradual withering away of the state as such. In the second half of the 20th century, a scientific school emerged that recognized that conflict is an ever-present and essential type of communication in society; it is based on clashes of values, needs, and interests with the leading role of objective socio-economic circumstances. In the search for the causes of socio-political conflict, their hierarchy, and methods of regulation, factors associated with the development of the information society and its media components, which shape citizens’ virtual ideas about what is happening and their subsequent behavioral reactions, have become increasingly important. These processes are the focus of the author’s research. The essential characteristics of the media space of the 20th–21st centuries are given, and the role of media resources in resolving (preventing, inciting, neutralizing) conflicts. The subjective influence of the media is compared with the objective conditions for the development of political processes. The article puts forward and confirms the hypothesis that if earlier information factors, including media components, were perceived by scientists as important causes and instruments for regulating socio-political conflict, then in relation to the 21st century we should talk about their dominance. In a situation of colossal and progressive growth of sources and volumes of information, “objective” reality is replaced by an endless series of semantic interpretations that determine the thoughts and behavior of citizens. In these conditions, the concept of “communications management” becomes a global strategy in the conflict, and within the framework of state policy – ensuring the prevailing volume of information impact and synchronizing messages with a single meaning in traditional and new media. Similar models of media-political management in the conflict between the authorities and the opposition at various stages of historical development are presented. It is stated that “color revolutions”, military clashes, and the intensification of global confrontation on the world stage have shown a further strengthening of the role of the information factor in socio-political relations and motivated strict regulation of media communications in many countries. The desire of states to monopolize media influence with counteraction to the spread of irrelevant values and political images has become a global trend.

Keywords: conflict, socio-political conflict, conflictology, conflict regulation, state, opposition, information factor, media communications, media influence, communications management

REFERENCES

1. Aristotle. Policy. [Politika]. Transl. from ancient gr. S. A. Zhebeleva, M. L. Gasparova. Moscow: AST: Astrel; 2012. 393 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-065681-3.
2. Bacon F. The essays [Sochineniya] in 2 vol. Transl. from Eng. Comp., total. ed. and entry article by A. L. Subbotin. 2nd ed. Moscow: My'sl'; 1977. 567 p. (In Russ.).
3. Smith A. Research on the nature and causes of the wealth of nations [Issledovanie o prirode i prichinax bogatstva narodov]. Transl. from Eng. Moscow: E'ksmo'; 2009. 956 p. (In Russ.). ISBN 978-5-699-18389-0.
4. Rousseau J.-J. On the social contract: treatises [Ob obshhestvennom dogovore: traktaty']. Transl. from French. Entry articles by A. Filippov and others. Moscow: Kuchkovo pole; 1998. 414 p. (In Russ.). ISBN 5-87533-113-5.
5. Lenin V. I. State and revolution [Gosudarstvo i revolyuciya]. V. I. Lenin. In: The essays, 5th ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1969. Vol. 33. P. 1–120. (In Russ.).
6. Marx K., Engels F. In: Works [Sochineniya], 2nd ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1961. Vol. 21. 746 p. (In Russ.).
7. Coser L. The Function of social conflict. Glencoe, III : Free Press, 1956. 188 p.
8. Tsoi L. N. Russian conflictology: conflict as a meta-subject. Moscow School of Conflictology: webcite. (In Russ.). Available at: <http://conflictmanagement.ru/russkaya-konfliktologiya-konflikt-kak-metapredmet-2/> (accessed: 15.09.2024).
9. Lippmann W. Public opinion. New York: Macmillan; 1922. 449 p.
10. McLuhan M. Understanding Media. The extensions of man. New York: New American Library; 1964. 396 p.
11. McLuhan M., Fiore Q. War and Peace in the Global Village. New York: Bantam, 1968. 196 p.
12. Castells M. End o millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. Cambridge, Massachusetts; Oxford, UK : Blackwell; 1998. 456 p.
13. Lenin V. I. What is to be done? [Chto delat']. V. I. Lenin. In: The essays, 5th ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1963. Vol. 6. P. 465–505. (In Russ.).
14. Lenin V. I. Where to begin? [S chego nachat']. V. I. Lenin. In: The essays, 5th ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1967. Vol. 5. P. 5–13. (In Russ.).
15. Lenin V. I. Party organization and party literature [Partijnaya organizaciya i partijnaya literatura]. In: The essays, 5th ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1968. Vol. 12. P. 99–105. (In Russ.)
16. Lenin V. I. On the character of our newspapers [O xaraktere nashix gazet]. V. I. Lenin. In: The essays, 5th ed. Moscow: Politicheskaya literatura; 1969. Vol. 37. P. 89–91. (In Russ.)
17. Stalin I. V. Report to the 17th Party congress on the work of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) [Otchetny'j doklad XVII s'ezdu partii o rabote CZK VKP(b)]. I. V. Stalin. In: The essays. Moscow: Politicheskaya literature; 1951. Vol. 13. P. 282–379. (In Russ.)
18. Fitzpatrick S. The shortest history of the Soviet Union. Moscow: Alpina; 2023. 336 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00139-820-2.
19. Gorshkov M. K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics) Moscow: Novy'j Xronograf; 2011. 672 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-173-4.
20. Martyanov D. S. [et al] eds. Governability and discourse of virtual communities in the context of post-truth politics. St. Petersburg: OOO E'lekSis; 2019. 312 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6040317-9-7.

21. Volodenkov S. V. Political management and management of modern political campaigns. Moscow: Progress; 2019. 584 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9988-0706-0. DOI [10.31085/9785998807060-2019-584](https://doi.org/10.31085/9785998807060-2019-584).
22. Labush N. S. The conflict potential of mass-media space of modern Russia. In: Conflictology of the XXI Century. Ways and Means of Peace Building: Materials of III St. Petersburg International Congress of Conflictologists. St. Petersburg, 15–16 November 2019. St. Petersburg: Fond razvitiya konfliktologii; 2019. P. 192–194. (In Russ.)
23. Sharkov F. I., Speransky V. I. General conflictology. Moscow: Dashkov i K; 2016. 240 p. (In Russ.). ISBN 978-5-394-02402-3.
24. Shults E. On methods and approaches in Russian revolution studies. *Tomsk State University Journal=Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020;(459):171–177. (In Russ.). DOI [10.17223/15617793/459/21](https://doi.org/10.17223/15617793/459/21).
25. Television in Russia in 2022–2023. Status, trends and development prospects. Industry report. Moscow: Mincifry'; 2023. 130 p. (In Russ.). Available at: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/televidenie-v-rossii-v-2022-2023-godu.pdf> (accessed: 15.09.2024).
26. Fidrya E. S. Factors and justification of reconstructing meaning of political texts under conditions of cognitive and interpretative uncertainty. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2019;(4):40–56. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2019.04.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.04).
27. Morgenthau H. Politics Among Nations. 6th ed. New York: Alfred A. Knopf, 1985. 688 p.
28. Wright Q. The escalation of international conflicts. *Journal of Conflict Resolution*. 1965;9(4):434–449. Available at: <http://www.jstor.org/stable/172681> (accessed: 15.01.2025).
29. Chumikov A. N. The current tools of information warfare in the cold, hot and hybrid war. *Science. Society. Defense=Nauka. Obshchestvo. Oborona*. 2023;11(2):19–19. (In Russ.).
30. Morelli A. Principes élémentaires de propagande de guerre: Utilisables en cas de guerre froide, chaude ou tiède. Bruxelles: Aden, 2010. 222 p. Available at: <https://www.lecarnardrepubliquain.net/> (accessed: 06.10.2024). (In French).
31. Shultz E. E. Mass political protest in the context of media communications. Diss. ... Doctor of politics. Moscow: MGLU; 2024. (In Russ.).
32. Smirnova O. V., Steblovskaia S. B., Wang F. Russian and Chinese journalists' values: comparing professional codes of ethics. *Theoretical and Practical Issues of Journalism=Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 2022;11(3):453–472. (In Russ.). DOI [10.17150/2308-6203.2022.11\(3\).453-472](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3).453-472).

Information about the Author

A. N. Chumikov

Doctor of Politics,
Main Researcher, Professor

The article was submitted 03.09.2024; approved after reviewing 04.11.2024; accepted for publication 23.12.2024.

ЗАНЯТОСТЬ ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: ВОЗМОЖНОСТИ, ПРИОРИТЕТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ АКТИВНОЙ ПОЛИТИКИ В ГОСУДАРСТВАХ БЛАГОСОСТОЯНИЯ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Елена Викторовна Кулагина

Институт социально-экономических
проблем народонаселения ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
elkulagina@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-5342-7847

Для цитирования: Кулагина Е. В. Занятость лиц с инвалидностью: возможности, приоритеты и результаты активной политики в государствах благосостояния. Часть вторая // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 117–141. DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.6. EDN TPZPTA.

Аннотация. В статье, состоящей из двух частей, рассматривается активная политика занятости в государствах благосостояния и её влияние на положение лиц с инвалидностью трудоспособного возраста. На базе материалов научных исследований и данных опросов населения в странах ЕС и ОЭСР проанализированы тенденции активной политики занятости в отношении лиц с умеренными и серьёзными нарушениями в государствах благосостояния разных моделей за период с 2010 по 2020 г. Во второй части статьи раскрыты подходы активной политики к выбору приоритетных групп граждан с инвалидностью для направления социальных инвестиций при содействии труду, к перераспределению обязанностей в сторону работодателей в традиционных формах занятости: специальных мастерских и системах квотирования рабочих мест, к обеспечению социальных гарантий в условиях дерегулирования рынка труда. Показаны ресурсы традиционных форм занятости, предпочтения работников и работодателей, влияющие на расширение возможностей трудоустройства. Рассмотрен потенциал мер активной политики в вопросах найма работников с разной степенью нарушений и сокращения безработицы, а также устойчивость результатов закрепления на рынке труда. Раскрыты формы и условия занятости лиц с инвалидностью в условиях дерегулирования рынка труда, факторы качества рабочих мест и уровень социальных гарантий. Представлены результаты активной политики в достижении самодостаточности при переходе от социального обеспечения к труду и оценка их устойчивости.

Ключевые слова: государство благосостояния, новая социальная политика, переход от социального обеспечения к труду, активная политика занятости в отношении инвалидов, разрыв занятости лиц с инвалидностью, социальные гарантии в сфере занятости, инвалидность, равенство

Факторы занятости: возраст, образование, степени нарушений

Принцип первоначально щедрых инвестиций для извлечения максимальной выгоды, лежащий в основе активной политики, проявляется в выборе приоритетных групп для социальных инвестиций. В фокус помещаются граждане в нижних границах трудоспособного возраста, индикатором поведения которых на рынке труда служит уровень образования. Ставится задача сокращения доли лиц с инвалидностью в возрасте от 18 до 24 лет, не получивших среднего образования и не приступивших к обучению или профессиональной подготовке (early leavers from education and training), а также повышения доли лиц 30–34 лет с уровнем профессионального образования. Подготовка на базе начальной школы обуславливает длительные периоды бездействия и утрату связей с рынком труда в возрасте 20–29 лет: уровень безработицы лиц с инвалидностью поднимается до 45,1%, без инвалидности – до 33,3% в среднем по ЕС [1]. Каждый третий, кто имеет инвалидность в среднем по ОЭСР, не учится и не работает (15–29 лет) [2]. Инвестиции в образовательные ресурсы в молодом возрасте оказывают заметное положительное влияние на трудоустройство. Величина разрыва занятости у граждан с инвалидностью (от 18 до 24 лет) равна 18,7%. К 50 годам активность достигает максимума, после чего эффект образования уравнивается для всех категорий работников. В интервале от 50 до 64 лет разрыв занятости составляет 31,7% (Великобритания). В то время как группа от 18 до 24 лет малочисленна – около 10% лиц с инвалидностью, а группа 50–64-летних велика – 40%, социальные инвестиции в отношении «зрелых» работников невыгодны ввиду худших перспектив¹.

Трудности первичной интеграции на рынок труда взаимосвязаны с изменением схем индивидуальной подготовки обучающихся с особыми образовательными потребностями в ходе политики перехода из специальных школ в инклюзию. Вопрос, который ставится на обсуждение: может ли инклюзивное образование, при том что расширяет сферу социальной интеграции в повседневной деятельности, убрать препятствия на пути к самообеспечению во взрослой жизни? [3]. При этом не остаются без внимания повышенные риски нарушений психического здоровья у граждан молодого возраста [4]. Старшее поколение, будучи коллективно исключённым из обычной системы образования, добилось большего успеха на рынке труда. Благодаря стратегиям специальных школ, ученики ориентировались на профессию при содействии мастеров производственного обучения и тренеров, помогающих в освоении специальностей и в процессе работы. В группе лиц в возрасте 50–64 лет существенно ниже разрыв в уровне образования [5]. Несмотря на усиление акцента на интеграцию, поддержку лиц с серьёзными нарушениями в инклюзии, проблема трудоустройства в лучшем случае откладывается во времени [6].

---

¹ Employment of disabled people 2022 // GOV.UK : сайт. 26.01.2023. URL: <https://www.gov.uk/government/statistics/the-employment-of-disabled-people-2022/employment-of-disabled-people-2022> (дата обращения: 28.10.2024).

С 2008 по 2020 г. в среднем по ЕС доля преждевременно выбывших из школ (18–24 г.) была стабильно выше среди граждан с инвалидностью, независимо от тенденции к незначительному снижению показателя как в целом среди населения – с 12,2 до 9,3%, так и среди лиц с инвалидностью – с 25,1 до 22,9% [7; 8]. Негативный эффект исключения из системы образования ниже в социально-демократических странах: в Финляндии доля выбывших – 12,8% (6,0% без инвалидности), в Швеции – 15,2% (4,1%). В консервативно-корпоративистских странах, напротив, у лиц с инвалидностью риски остаться без аттестата среднего образования возрастают: в Германии из школ выбывают 29,4% (5,6% без инвалидности), во Франции – соответственно, 28,0% (6,1%) (рис. 1). Накопить знания и обрести навыки профессии сложнее, когда нарушения серьезные: доля отчисленных из школ на ранних ступенях и не продолжающих учёбу или профессиональную подготовку (18–24 г.) поднимается до 37,1% – более чем в два раза по сравнению с теми, у кого нарушения умеренные, – 15,9% [7].

Разрыв показателей более 10% также сохраняется на уровне профессионального образования в возрасте 30–34 лет, несмотря на прогресс в увеличении выпуска специалистов в период с 2008 по 2020 г. в отношении как лиц с инвалидностью, так и без инвалидности. В 2020 году его величина составила 11,8% (33,5 и 45,3% соответственно) в странах ЕС [8]. К 2030 году доля граждан с инвалидностью (30–34 г.) с уровнем профессионального образования будет повышена до 40%. При профессиональном образовании уровень занятости (20–64 г.) возрастает скачкообразно – от 40% (со средним образованием) до 71% при

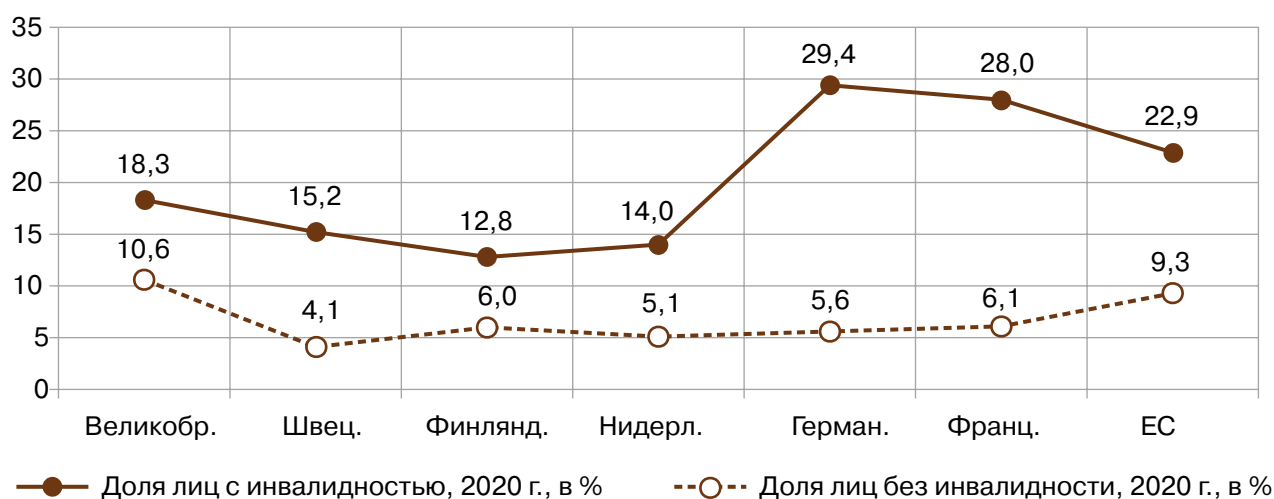

Рис. 1. Доля лиц, преждевременно покинувших систему среднего образования (18–24 лет), по статусу инвалидности в численности лиц того же возраста, 2020 г., %

Примечание. Великобритания, данные 2018 г.

Источники: Grammenos St. European comparative data on Europe 2020 and persons with disabilities. Labour market, education, poverty and health analysis and trends. European Commission. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2022. DOI [10.2767/745317](https://doi.org/10.2767/745317); Grammenos St. European comparative data on persons with disabilities. Equal opportunities, fair working conditions, social protection and inclusion, health analysis and trends – Data 2020, European Commission. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2023. DOI [10.2767/67323](https://doi.org/10.2767/67323).

условии широкого определения инвалидности в странах ЕС (2018 г.). Разрыв занятости в этом случае сокращается с 24 до 14%. Особенно заметное положительное влияние оказывает третичное профессиональное образование (a tertiary or equivalent education) (рис. 2). Наличие профессии увеличивает шансы трудоустройства на качественную, стабильную работу с оплатой труда, позволяющей покрыть издержки и компенсировать отмену пособий [9]. Дипломированные работники имеют дополнительные преимущества ввиду благоприятных условий занятости и меньшей дискриминации со стороны работодателей [10]. Относительно высокий социальный статус и менее серьезные нарушения (чаще опорно-двигательной системы) помогают удерживаться на рынке труда до выхода на пенсию по старости [11].

Трудоустройство существенно осложняется в случае глубоких сенсорных (слух, зрение) или двигательных нарушений. Согласно средним данным по ЕС за 2011–2019 гг., уровень занятости лиц данной категории (25–64 г.) при

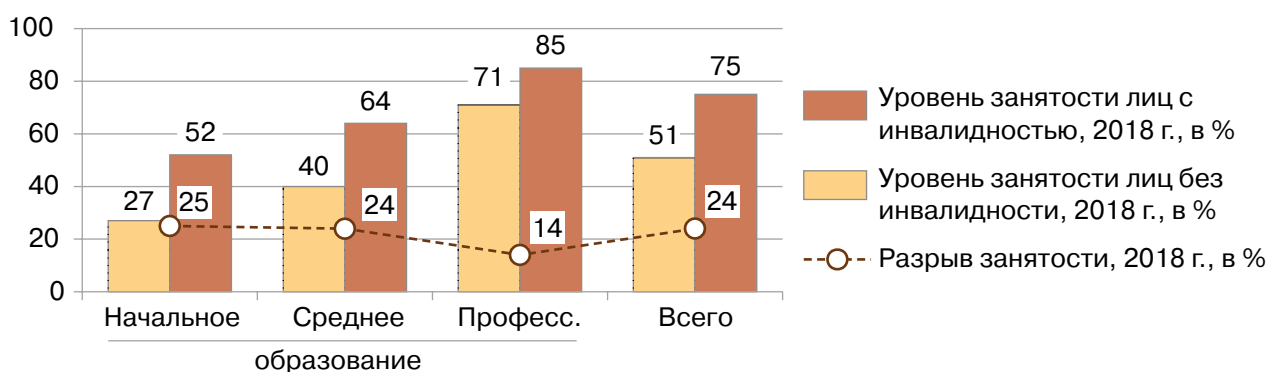

Рис. 2. Взаимосвязь уровня занятости и образования лиц с инвалидностью и без инвалидности (20–64 г.) в странах ЕС, 2018 г., %

Источник: Grammenos St. European comparative data on Europe 2020 and persons with disabilities. Labour market, education, poverty and health analysis and trends. European Commission. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2022. DOI [10.2767/745317](https://doi.org/10.2767/745317).

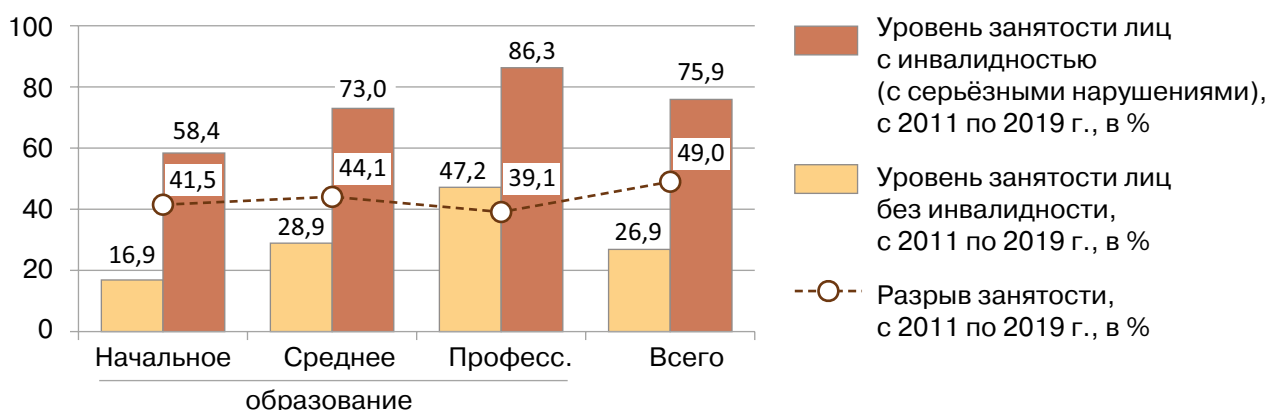

Рис. 3. Взаимосвязь уровня занятости и образования лиц с инвалидностью (с серьезными нарушениями) и без инвалидности (25–64 г.) в странах ЕС, с 2011 по 2019 г., %

Источник: Albinowski M., Magda I., Rozszczypala A. The Employment Effect of the Disability Education Gap in Europe. Bonn : IZA – Institute of Labor Economics, 2024. 24 p. DOI [10.1080/09645292.2024.2395564](https://doi.org/10.1080/09645292.2024.2395564).

переходе от среднего к профессиональному образованию поднимется на меньшую величину – от 28,9 до 47,2%, чем при широком определении инвалидности, со степенью нарушений от 40 до 71%. Высокое значение разрыва занятости не снижается при накоплении образовательных ресурсов: начальное образование – 41,2%, среднее – 44,1%, профессиональное – 39,1% (рис. 2, рис. 3).

Защищённая занятость: условия труда и перспективы развития

В защищённой занятости (sheltered employment), которая субсидируется из государственного бюджета, трудоустроены граждане с самым высоким уровнем потребностей, что обусловлено серьёзными нарушениями (степень более 50%), чаще интеллектуальными и психическими расстройствами (около 70% участников во Франции, Германии, Финляндии), остаточной трудоспособностью (менее трети от средней величины во Франции, не менее 20% в Нидерландах), низкой производительностью (не более 3-часового рабочего дня в Германии), а также бедностью и нуждаемостью (в Великобритании до 2014 г.)^{1,2} [11; 12]. Занятые определяются либо как пользователи услуг с правом на вознаграждение дополнительно к социальному обеспечению по инвалидности (таких большинство), либо как наёмные работники с правом на оплату труда (реже – с гарантиями минимальной заработной платы, как в Нидерландах и Бельгии) [3; 12; 13]. В мастерских реабилитационного типа обычно не применяется трудовое законодательство. В Германии работники проходят реабилитацию, застрахованы от несчастных случаев и по уходу, в медицинском и пенсионном обеспечении, имеют права на участие в процедуре разрешения конфликтов с работодателями, представителями социальных служб и агентствами по трудоустройству, а также на содействие со стороны посреднических структур и федеральной ассоциации специальных мастерских³ [12; 14; 15; 16]. Сегмент защищённой занятости небольшой по величине, число мест в нём ограничено, поэтому воспользоваться такой возможностью может небольшое количество лиц с серьёзными нарушениями⁴. В Нидерландах число

¹ Защищённая занятость (sheltered employment) определяется Европейской комиссией как «занятость на предприятии, где по крайней мере 50% работников являются инвалидами». Общим для всех рабочих мест является ежедневная организованная поддержка, которая часто содержит терапевтическую и другую дополнительную помощь для стабилизации и дальнейшего развития социальных и личных навыков. См.: [12].

² Werkstättenverordnung (WVO) // Bundesministerium der Justiz : сайт. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/schwbwv/BJNR013650980.html#BJNR013650980BJNG000101308> (дата обращения: 29.10.2024).

³ Социальный диалог юридически возможен, но не поощряется, и заинтересованные стороны в исследуемых странах не выявили конкретных профсоюзов, представляющих работников, находящихся в защищённом положении на рынке труда. См.: [13].

⁴ В связи с отсутствием общих определений инвалидности сложно оценить и сопоставить количество в разных странах.

мастерских составляет 92 ед.¹, в Швеции – 370 ед. (количество рабочих мест 100 000 ед.) [13]. Во франко-германских странах защищённая занятость более распространена: во Франции – 1345 ед. мастерских, где работают 118 211 чел. (7% от численности лиц с инвалидностью трудоспособного возраста от 25 до 64 лет) [14]; в Германии – 683 мастерских (316 125 чел. – 8% соответственно) [14; 17].

Занятость в специальных мастерских приносит мало прибыли или вообще невыгодна, поскольку ценность производимой продукции, как правило, перевешивается текущими издержками (затратами) на функционирование. Условия в государственных и некоммерческих мастерских традиционного типа (*traditional sheltered workshops*) на основе общественных, церковных, кооперативных организаций и др., помимо оснащения рабочих мест и индивидуально подобранных режимов работы, включают меры образовательной, социальной, медицинской и психологической поддержки (трудотерапия и физиотерапия). Расширение возможностей происходит по программам реабилитации, профессионального обучения, обретения трудовых навыков, личностного развития (участия в культурных и спортивных мероприятиях) и овладения жизненными навыками при содействии специалистов в штате мастерских: в Германии их соотношение с численностью работников утверждено в размере 1 к 6 чел. в процессе профессионального обучения и 1 к 12 чел. в рабочей зоне. На каждые 120 чел. обычно приходится один социальный работник, а также медсёстры, терапевты и другие специалисты, необходимые в зависимости от типа и тяжести инвалидности² [3; 11; 12].

Затраты на содержание квалифицированного персонала и такие факторы, как низкая производительность лиц с глубокими нарушениями, укороченный, скорректированный по времени, исходя из их остаточной трудоспособности, рабочий день (до 3 часов, до 12–15 часов в неделю), малоприбыльные низкоквалифицированные виды экономической деятельности в деревообработке, садоводстве, плотничестве, домоводстве, на сборке, упаковке, расфасовке, в сфере услуг (социальные учреждения³, отели и кафе) и др., обуславливают низкую заработную плату [3; 12; 13]. Вознаграждение за труд, как правило, существенно уступает минимальному значению в экономике (Франция, Германия⁴, Финляндия⁵), несмотря на государственное субсидирование в размере 50–75%

¹ Здесь и далее указано число юридических лиц, предоставляющих закрытые мастерские.

² Bundesministerium der Justiz : офиц. сайт. Берлин. URL: <https://www.bmj.de> (дата обращения: 29.10.2024).

³ Входят вспомогательные работы в учреждениях интернатного типа: заправка кроватей, составление меню, сбор и доставка продуктов и т. д.

⁴ В Германии максимально 351 евро или 1,35 евро в час. См.: Sozialgesetzbuch (SGB IX). Neuntes Buch Rehabilitation und Teilhabe von Menschen mit Behinderungen. § 59. SGB IX Arbeitsförderungsgeld. URL: <https://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/sgbix/59.html> (дата обращения: 29.10.2024).

⁵ В Финляндии клиенты защищённых мастерских получают пособие в размере около 5 евро в день и 100 евро в месяц, поскольку их работа считается реабилитационной и не направлена на получение прибыли. См.: [13].

оплаты труда, в связи с чем защищённая занятость сопряжена с рисками бедности, даже если работники получают дополнительно пенсии по инвалидности [13; 18]. На лучшую заработную плату могут рассчитывать лица с лёгкой и средней степенью нарушений, достаточно продуктивные и не нуждающиеся в особой поддержке (Испания, Чехия, Италия), если они устроены в коммерческих организациях с обычными условиями труда, под управлением специальных мастерских. В таком случае услуги по реабилитации, социализации, профессиональному обучению являются редким исключением [13].

Переходные модели от защищённой занятости к инклюзии (transitional sheltered workshops) (Финляндия, Германия, Франция, Норвегия, Нидерланды, Швеция), появившиеся в конце 2000-х гг., направлены на борьбу с сегрегацией и достижение равенства [19]. Расширение возможностей на достойную заработную плату и полный пакет социальной защиты (страхование по безработице, пенсионному обеспечению) дают шанс на повышение жизненного уровня тем, кто обладает потенциалом трудоустройства. Дополнительная выгода возникает от снижения нагрузки на государственный бюджет, недопущения превращения мастерских в дорогостоящий рынок замещающей рабочей силы, резервуар для граждан с инвалидностью [3; 12]. Интеграции способствуют реабилитация, профессиональная подготовка и стажировки (первично или повторно) в альтернативных моделях специальных мастерских, заказы на выполнение работ в государственном секторе, аутсорсинговые вакансии в обычных компаниях (55% мастерских в Германии предлагали хотя бы одно место в 2006 г.), длительные командировки в крупные компании (Нидерланды), помощь общественных организаций, а также такие программы, как «Бюджет для работы» [3; 14; 15]. Ввиду краткосрочного характера финансирования переходных моделей (до двух с половиной лет в Нидерландах, до двух лет в Германии) трудовая деятельность редко заканчивается заключением постоянных контрактов [6; 12; 20].

Преобразование, сокращение специальных мастерских или полный отказ от них затрагивают интересы работников, нуждающихся в постоянном уходе из-за серьёзных нарушений и не имеющих возможности трудоустроиться другим способом, а также третьих сторон, к примеру членов семей, которым в противном случае пришлось бы обслуживать самостоятельно [12]. Отказ от институциональных форм поддержки несёт в себе потенциал конфликта, высокие риски перехода к долгосрочной безработице, бедности и может быть разрушительным. В Нидерландах граждане с инвалидностью всё чаще выходят на рынок труда без опыта работы в защищённой занятости, что приводит к временным контрактам, к ухудшению финансового положения¹ [13]. Переход к инклюзивной среде возможен только для небольшого круга лиц – 3% от численности работников в среднем по ЕС в 2015 году, в том числе 3% во Франции

¹ Sector informatie. 2021. V. 2. URL: <https://cedris.nl/app/uploads/Cedris-Sector-informatie-2021-RGB-DEF-digi-toegankelijk-v2.pdf> (дата обращения: 29.10.2024).

[12], менее 1% в Германии – и сопряжён с большими проблемами^{1,2} [13; 15]. Для тех, кто не смог интегрироваться, допускается возвращение в специальные мастерские, что, может быть, предпочтительнее для пожилых работников [20].

Общественный запрос на защищённую занятость не снижается, так как она остаётся важной, а иногда единственной возможностью, позволяющей лицам с серьёзной степенью инвалидности включиться в трудовую деятельность и избежать социальной изоляции. Половина работников специальных мастерских смирились с тем, что не имеют альтернатив и зачастую не склонны видеть радужных перспектив в условиях открытого рынка труда в связи с многочисленными проблемами, включая отношение работодателей, отсутствие рабочих мест или их непривлекательность из-за низкой оплаты [15]. Есть те, которые отвергают защищённую занятость, так как ощущают стигматизацию и отчуждение. Однако большинство – 80% (опрос 2021 г.) удовлетворены или даже очень довольны условиями, уверены, что занимают здесь «своё место» и положительно оценивают менее напряжённую среду и индивидуальную поддержку. В некоторых странах размер защищённого сектора растёт (Германия, Чехия, Италия, Финляндия и Испания): приток превышает отток, что не в последнюю очередь вызвано повышением сложности нарушений, приводящих к инвалидности, особенно в области психических расстройств и поведенческих проблем (в последние годы примерно на 20%)³ [3; 13; 15]. Численность работников в специальных мастерских увеличилась в Германии с 265 178 до 298 111 чел. за период с 2009 по 2019 г. [20], в Финляндии – с 15 805 до 17 871 чел. с 2011 по 2021 г., в Испании – с 56 332 до 98 552 чел. с 2009 по 2021 г. [13].

Квотирование рабочих мест: предпочтения работодателей

С помощью схем квотирования рабочих мест (level of quota requirement) в сочетании с государственной поддержкой интеграции в трудовую деятельность включено основное количество лиц с официально установленной инвалидностью в большинстве стран ЕС (в том числе во Франции, Германии, Нидерландах) [11; 13]. Сторонники квотирования придерживаются точки зрения, что без соответствующих норм шанс быть трудоустроенным вряд ли представится, особенно в периоды неблагоприятного экономического климата [21; 22]. Варьирование размера квоты между государственным и частным секторами, между компаниями разного размера, а также в зависимости от административно-правового

¹ Официального общего обзора переходов не существует. Коэффициент переходов за период 2002–2006 гг. в среднем составлял всего 0,16%. См.: [15].

² В Германии программой «Бюджет для работы» (Budget für Arbeit), которая была введена на федеральном уровне в 2018 году и предусматривает субсидирование заработной платы в размере до 75%, к сентябрю 2022 года воспользовались только 1679 чел. – менее 1% со-трудников. См.: [14].

³ Sector informatie.

определения инвалидности обычно происходит вокруг порога численности – от 15 до 50 чел. списочного состава – и составляет от 2 до 7%¹ [5; 23]. Поддержка занятости финансируется из сборов или штрафов, взимаемых с работодателей, не выполняющих установленных требований. Государственные субсидии, выплачиваемые работодателям, предусматривают покрытие расходов на оплату труда, профессиональное обучение, разумное приспособление, вспомогательные технологии, специальное оборудование, привлечение ассистентов для установления соответствия между типом выполняемой работы и состоянием здоровья [12; 22; 24]. Вопросы согласования и координирования схем квотирования, распределения и использования средств из фонда компенсационных сборов решаются советами представителей работодателей, работников (профсоюзы) и организаций лиц с инвалидностью (Франция и Германия). Контроль осуществляется государственными органами [14; 24].

Обязательства по квотам в странах ЕС выполняются не полностью – на 30–70% – и не коррелируют с долей занятых лиц с инвалидностью [23]. Относительно высокий уровень охвата во франко-германских государствах. Во Франции с размером квоты в 6%, установленной для компаний с численностью более 20 чел., в 2019 году нанимали хотя бы одно лицо с инвалидностью 81,4% компаний [24]. В Германии с условиями найма в 5% мест для лиц с тяжёлыми формами инвалидности в компаниях с не менее 20 чел. в 2019 году в государственном секторе было заполнено 6,6% мест (в частных компаниях – 4,1%). Трудоустройство хотя бы одного такого работника в 2021 году произведено в 74% компаниях (из них полностью выполнили порядок квотирования 39%) [22]. Опыт с низким уровнем охвата – 1,93% – в Нидерландах, где резервирование рекомендовано государственными организациям с более чем 25 сотрудниками, тогда как частные компании освобождены от обязательств, но поощряются субсидиями, если принимают решение найма². Существует практика, когда частный сектор содействует трудоустройству через альтернативные схемы: приём стажёров с инвалидностью; передача работы на аутсорсинг в специальные мастерские и распределительные центры для занятости на дому (50% от размера квоты); заключение соглашений между компаниями, способствующими найму, обучению, интеграции и удержанию на рабочих местах [2].

Включение работодателей в программы активной политики происходит с осторожностью [24; 25]. Сотрудничество с учреждениями и организациями, содействующими занятости, оценивается как довольно посредственное. Помимо консультативной помощи, в числе мер, которые могли бы снизить

¹ Согласно Международной организации труда за 2019 год, соотношения между размером организации и уровнем квотирования рабочих мест для лиц с инвалидностью составляют: от 100 до 200 сотрудников – 2%; 201–500 сотрудников – 3%; 501–1000 сотрудников – 4%; более 1000 сотрудников – 5%. Работники с высокой степенью нарушений или определённым видом инвалидности могут учитываться при расчёте квоты в двойном или тройном размере. См.: [22].

² Employer Legal Requirements // Disability:IN : сайт. URL: <https://disabilityin.org/country/the-netherlands/> (дата обращения: 29.10.2024).

неуверенность работодателей, – улучшение поддержки с более существенным финансированием, сокращение бюрократических процедур, высоких административных расходов и дополнительные программы по созданию инклюзивного климата [13; 21; 26]. Поскольку стимулирование не компенсирует должным образом риски и затраты, при найме лиц с серьёзными нарушениями выплата штрафов может оказаться предпочтительней. Принуждение штрафными мерами не является определяющим фактором при принятии решений. Согласно опросам, только каждый десятый работодатель принимает на работу во избежание санкции. Большинство трудоустраивают (67%), или обучают (54%) граждан этой категории, потому что разделяют социальную ответственность. Комбинация стимулов и штрафов также не позволяет добиться эффекта. В Германии после снижения размера квоты при одновременном увеличении штрафа уровень занятости лиц с тяжёлыми формами инвалидности поднялся всего на 2,2–3,5% [12]. Основной причиной неучастия в программах активной политики называется недостаточная осведомлённость [13; 21; 27]. В Германии менее половины знают о субсидиях, из них получают средства на оплату обучения 35%, на интеграцию – 30%, на создание новых рабочих и учебных мест, на их оборудование для лиц с инвалидностью – 3%. Самой известной мерой активной политики является пробное трудоустройство: с ним знакомы 61% опрошенных, применяют эту меру 27% из них [22; 26].

Готовность выполнять обязательства найма проявляется в отношении работников, сохраняющих трудоспособность, без острой потребности в поддержке. Ввиду неоднородности лиц с инвалидностью по нарушениям, уровню образования и производительности работодатели пользуются определённой свободой выбора. Если для заполнения квоты не требуется существенных расходов, при оформлении субсидии возникает дополнительная выгода. Относительно недорогие программы субсидирования позволяют открывать вакансии с низкоквалифицированными видами деятельности, на которые нелегко найти желающих, в том числе с частичной занятостью, с оплатой, уступающей пособию по инвалидности [13; 21]. Практикуется перевод на квотируемые места «собственных» работников, устроенных в компаниях, если у них возникают нарушения, подтверждённые оценкой инвалидности. Внутренний набор типичен для крупных фирм с широким спектром кадровых позиций и преимуществами перевода на наиболее «лёгкие» из них. Извлечь выгоду могут также некоторые работники: в старшем возрасте открываются перспективы удержания на рабочих позициях до выхода на пенсию, несмотря на частые и дорогостоящие отлучки по болезни, в молодом – появляется шанс закрепления на рынке труда [15; 23; 26].

Противники системы квотирования – в их числе четверть стран ЕС (в том числе Великобритания, Норвегия, Швеция, Финляндия) – считают её противоречащей антидискриминационным принципам из-за заложенного в основу допущения о низкой трудоспособности и маргинальности лиц с инвалидностью. Альтернативные варианты опираются на законодательство по борьбе с дискриминацией и активную политику занятости [23]. Найм значительной доли лиц

с инвалидностью в Великобритании, с одной стороны, обеспечен введением штрафов для работодателей, не выполняющих обязанности по изменению рабочих мест, с другой стороны – грантами и субсидиями на покрытие расходов. Поддержка работников (on-the-job support) включает вспомогательные средства, оборудование и переоборудование помещений для 53% лиц с инвалидностью в частном секторе и для 40% в государственном секторе [21; 27; 28]. В скандинавских странах работодатели получают самую щедрую и продолжительную по времени поддержку от государства на возмещение социальных взносов, погашение налогов, компенсацию затрат, приспособление рабочих мест и сопровождение работников, чтобы побудить их к найму и удержанию на рабочих местах. В Швеции и Норвегии большой акцент делается на предотвращении ухода с рынка труда, удержании лиц с инвалидностью или с хроническими заболеваниями с помощью реабилитации [27; 29].

Формы занятости и качество рабочих мест: риски бедности и неравенства

Подходы активной политики, направленные на мобилизацию граждан с разной степенью готовности к труду, допускают гибкость в выборе форм занятости, в том числе неполный день (с минимальной заработной платой и упрощённым налогообложением) и временные контракты. Встречное стремление к сокращённому дню со стороны лиц с инвалидностью позволяет мерам активации ослабить напряжение в программах социального обеспечения [30]. Примерно каждый второй из тех, у кого серьёзные нарушения (45%) в связи с заболеванием, хотел работать не более 20–30 часов в неделю [31]. При умеренных нарушениях сокращённый рабочий день из-за болезни выбирает каждый пятый – 20%, и ещё одной, дополнительной причиной выступают обязательства домашней работы и присмотра за детьми – 23%. Если нет инвалидности, к неполному дню переходят в основном из-за домашней работы и ухода за детьми – 32% [7]. Сокращённый день чаще выбирают женщины: в среднем по ЕС уровень занятости женщин с неполным рабочим днём составляет 28%, мужчин – 7,9%¹. В структуре работников с умеренными нарушениями доля женщин, работающих неполный день, составляет 38,6%, мужчин – 13,3%, в структуре занятых с серьёзными нарушениями – 45,6 и 19,4% соответственно².

К неполному рабочему дню могут подталкивать экономические факторы – эффект упущенной выгоды, взаимосвязанный с чистым доходом, степенью, в которой вычитается заработок для лиц, зарегистрированных в программах

¹ Percentage of part-time employment by sex, age groups and household composition // Eurostat : сайт. 13.12.2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/lfst_hhptety_custom_13540927/default/table?lang=en (дата обращения: 30.10.2024).

² Рассчитано по: Employment by type of disability, sex, age and full-time/part-time employment // Eurostat : сайт. 21.06.2014. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/hlth_dlm080/default/table?lang=en&category=dsb.dsb_h.dsb_h_lm (дата обращения: 30.10.2024).

социального обеспечения. Правила, регулирующие изъятие части или всего пособия, взаимосвязаны с устройством программ (пенсионных систем) по инвалидности [13]. Например, в Финляндии месячный заработок не должен превышать 855,48 евро, в Испании годовой доход – 5 899,60 евро. Согласно исследованию ОЭСР, в 2000-х гг. при возвращении на полный рабочий день продолжительностью 40 часов в неделю со средней оплатой труда по экономике в результате налогов и прекращения выплаты пособия терялось в среднем почти 60 центов с каждого заработанного евро [5]. Предельная налоговая ставка значительно возрастает для определённых диапазонов рабочего времени – около 80% и выше в Финляндии (при работе более 16 часов), Ирландии (более 20 часов) и Великобритании (при нагрузке больше, чем неполный рабочий день). Высокие коэффициенты налоговой нагрузки возникают либо из-за полной отмены пособий по инвалидности, как только заработок или рабочее время превышает допустимый максимум, либо из-за подоходных налогов и взносов на социальное обеспечение (страхование). Урезание или прекращение выплат по инвалидности – эффективная мера с точки зрения бюджетной политики – происходит без учёта расходов работников на здравоохранение, транспорт, уход и т. д. в силу нарушений и/или индивидуальных потребностей. Таким образом, для низкооплачиваемых работников не исключены последствия, когда полная занятость ведёт к небольшому росту дохода или вовсе не увеличивает его [5]. Масштаб проблемы низкой мотивации по финансовым причинам количественно не определён. В Великобритании лишь 11% заявителей трудоспособного возраста сталкивались с коэффициентом изъятия более 80%, а для большинства этот показатель был существенно ниже [32].

Чаще делают выбор в пользу сокращённого рабочего времени лица с серьёзными нарушениями (20–64 г.), уровень неполной занятости которых составляет 9% (в численности населения соответствующего возраста), полной – 19%, отличаясь на небольшую величину. Работающие неполный день составляют треть (32%) в структуре занятых (в 2011 г.). При умеренных нарушениях переход к труду упрощается, поэтому возрастает разрыв между уровнем полной (40%) и неполной (15%) занятости в численности населения соответствующего возраста. Выбравшие неполный рабочий день составляют чуть выше четверти (27%) в структуре занятых. При отсутствии инвалидности уровень полной занятости поднимается до 58%, неполной – сокращается до 13%. Доля работников с неполным рабочим днём опускается до 19% (рис. 4).

В ряде государств благосостояния в структуре занятых (15–64 г.) доля работников с серьёзными нарушениями, выбирающих форму неполного рабочего дня, существенно превышает средние значения ЕС – 32%: в Нидерландах – 67%, в Германии – 44,7%, в Швеции – 42,4%, в Великобритании – 39,8%. На общем фоне выделяется опыт Финляндии, где доля работников с неполным днём составляет менее четверти – 23,9% (рис. 5).

Переход к сокращённому рабочему дню повышает вероятность замещения краткосрочных вакансий, низкой заработной платы, потери стабильности

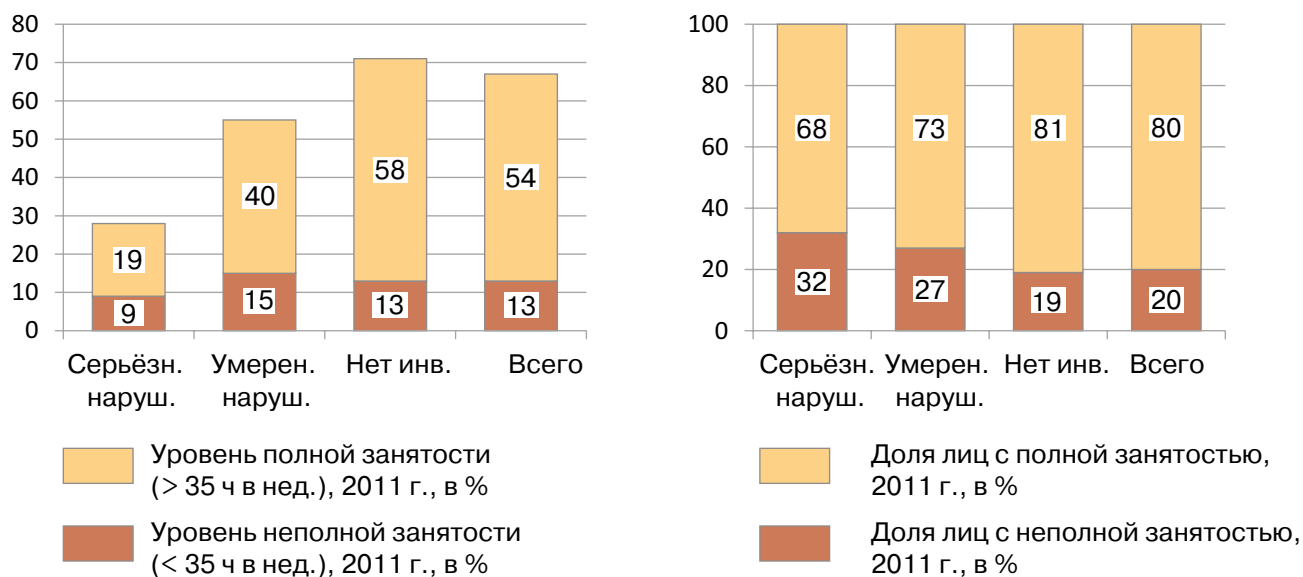

Рис. 4. Структура занятых по формам занятости и видам нарушений (20–64 г.), 2011 г., %

Источник: Grammenos St. European comparative data on Europe 2020 & People with disabilities. 2013. URL: https://includ-ed.eu/sites/default/files/documents/aned_2013_task_6_-_comparative_data_synthesis_report_-_europe2020_final.pdf (дата обращения: 13.10.2024).

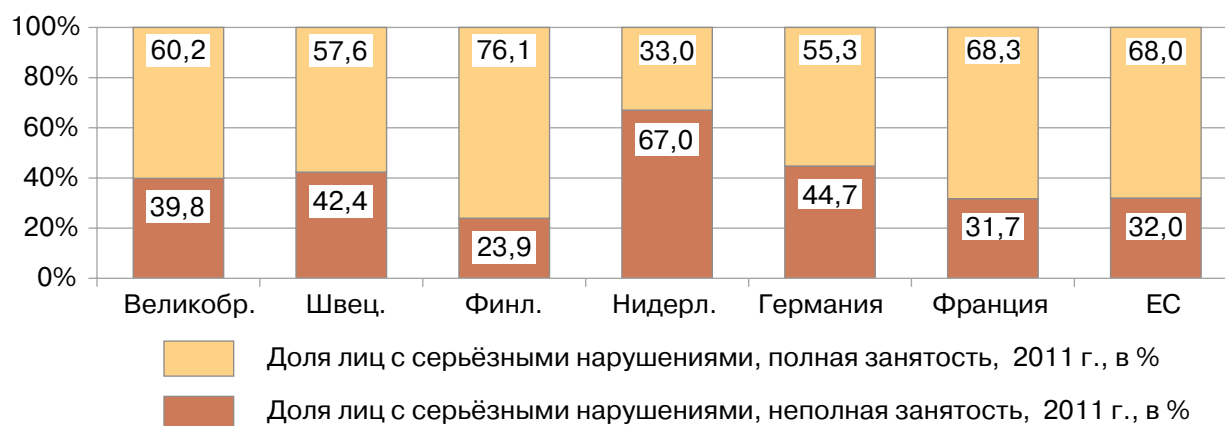

Рис. 5. Структура занятых с серьёзными нарушениями по формам занятости (15–64 г.), %

Примечание. Великобритания, данные 2018 г.

Источник: Рассчитано по: Employment by type of disability, sex, age and full-time/part-time employment // Eurostat : сайт. 21.06.2014. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/hlth_dlm080/default/table?lang=en&category=dsb.dsb_h.dsb_h_lm (дата обращения: 30.10.2024).

дохода, худших условий труда и отсутствия перспектив продвижения по службе, особенно если приходится принимать любое предложение в программах активной политики [9; 27]. Неполная занятость, особенно для лиц с серьёзными нарушениями, сопряжена с такими рисками, как работа в смену на подрядчика, дисбаланс власти работодателей, конфликты и проблемы в ежедневной деятельности [32; 33]. Правовые гарантии и положения, разработанные для

полной занятости, не могут в той же степени быть применимы к работникам с нестандартными контрактами, которые чаще исключаются из коллективных соглашений и профсоюзных организаций ¹ [30; 34]. Дополнительным фактором, не позволяющим претендовать на рабочие места с достойной заработной платой даже при индивидуальной поддержке со стороны центров занятости, является опыт низкоквалифицированной деятельности в периферийных секторах экономики, накопленный до наступления инвалидности [4].

Оформленные на неполный день на непостоянной основе с меньшей вероятностью сохраняют места после сообщения сведений о состоянии здоровья [19; 35]. В период с 2016 по 2018 г. в Великобритании лица с инвалидностью (16–64 г.) с сокращённым днём в два раза чаще уходили с работы (13% выбывших с работы за год от общей доли работников с инвалидностью), чем с полным (6% выбывших с работы за год) ². Усложнить положение может ужесточение требований к работодателям. Руководители компаний пытаются снизить ответственность посредством заключения временных договоров для проверки «поведения без болезни», а также найма через агентства по трудоустройству [5; 31]. Работники с инвалидностью чрезмерно представлены в нестандартной занятости со слабой социальной защитой вторичного типа, что усугубляется невозможностью заключения коллективных соглашений и участия в профсоюзных организациях [19; 36]. Худшие условия трудоустройства, застойная и низкая заработная плата, частичное или полное освобождение от уплаты взносов на медицинское страхование и пенсионное обеспечение обуславливают эрозию пособий и подрывают устойчивость социальных гарантий [37; 38].

Неполная занятость в низкодоходных видах деятельности повышает вероятность получения порядка около 1/3 заработка. Разрыв в медианных трудовых доходах между лицами с инвалидностью и без инвалидности может сокращаться (но не компенсируется полностью) за счёт частных источников семейного дохода или посредством мер стимулирования (таких как субсидии на зарплату, универсальный или налоговый кредиты, пенсия по инвалидности, упрощённые схемы отчислений в системах государственной налоговой и социальной политики) [39; 40]. Низкооплачиваемая работа, выполняемая в рамках программ такого рода, имеет свойство «хрупкости». Финансовые стимулы ограничены по времени (не более двух лет) в расчёте на стабилизацию состояния здоровья и восстановление функций после реабилитации и, соответственно, возрастающую отдачу после закрепления на постоянных рабочих местах [5; 41; 42]. После их прекращения эффект, как правило, исчезает, если в период трудоустройства не предоставляются дополнительные услуги по поддержке, чтобы сохранить рабочее

¹ Федерация профсоюзов Германии и основные ассоциации работодателей оформили отдельное правовое соглашение для временных работников, без которого требовалось бы равное отношение с первого дня работы. См.: [34].

² The Employment of Disabled People 2019. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5e7a428de90e074d74963b97/employment-of-disabled-people-2019.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).

место. Стимулирующие выплаты перестают выплачиваться, если оплата труда превышает установленный предел. С течением времени работники получают всё меньше пособий и таким образом условия их найма (и, как предполагается, производительность) всё больше приближаются к обычным. Фактически заработная плата близка к минимальной. Занятые неполный день часто оказываются в нищете в старости и зависят от трансфертных платежей [5; 20; 43].

В 2020 году в среднем по ЕС риск бедности с доходом ниже 60% от медианного после выплаты социальных трансфертов¹ был у каждого десятого работника (18–64 г.) с умеренными и серьёзными нарушениями – соответственно, 10,1 и 10,7%, чаще, чем у граждан без инвалидности – 8,6%. Распределение показателя уровня бедности работников с серьёзными нарушениями ниже в социально-демократических государствах благосостояния – 5,3% (min) в Финляндии – и выше в числе неолиберальных государств благосостояния – 20,0% (max) в Великобритании. Средняя величина риска бедности в консервативно-корпоративистских государствах – 12,4% в Германии и 11,3% во Франции. За период с 2010 по 2020 г. риск бедности работников имел в ряде государств благосостояния тенденцию к росту, опережающему в отношении лиц с серьёзными нарушениями. Показатель почти удвоился в Великобритании – 95,1% (без инвалидности – 40% (базовый год 2011 = 100%)) и в Финляндии – 89,3% (без инвалидности – сокращение на 20%), в Швеции составил 70,3% (без инвалидности – 25%). Риск бедности лиц с умеренными нарушениями вырос примерно на ту же величину, что у работников без инвалидности (рис. 6).

Занятость на открытом рынке труда не устраняет риск бедности. Для большинства лиц с инвалидностью имеют решающее значение доходы от государственных трансфертов и заработков членов домохозяйств [44]. Дополнительные источники доходов могут привести к вытеснению из системы пособий после прохождения проверки нуждаемости (means-tested). В то же время риск бедности занятых снижается примерно в два раза. Согласно обследованию доходов и условий жизни населения (The European Union Statistics on Income and Living Conditions (EU-SILC)), в среднем по ЕС в 2020 году риск бедности граждан в трудоспособном возрасте (16–64 г.), которые не работают и получают социальные трансферты, возникает у каждого пятого (после их выплат) при условии широкого определения инвалидности – 22,3% (без инвалидности – 15,1%). При отсутствии работы риск бедности лиц с инвалидностью (16–64), получающих социальные трансферты, составлял бы в государствах благосостояния существенную величину: от 14,3% (min) в Финляндии до 26,7% (max) в Швеции. Высокие значения бедности в Германии – 26,0% (без инвалидности – около 14,1%) и Великобритании 24,4% (13,3%) (рис. 7).

¹ Уровень риска бедности на рабочем месте – доля занятых лиц с эквивалентным располагаемым доходом ниже порога риска бедности, который установлен на уровне 60% от национального медианного эквивалентного располагаемого дохода (после социальных трансфертов). Для целей данного показателя человек считается занятым, если он работал более половины отчётного года.

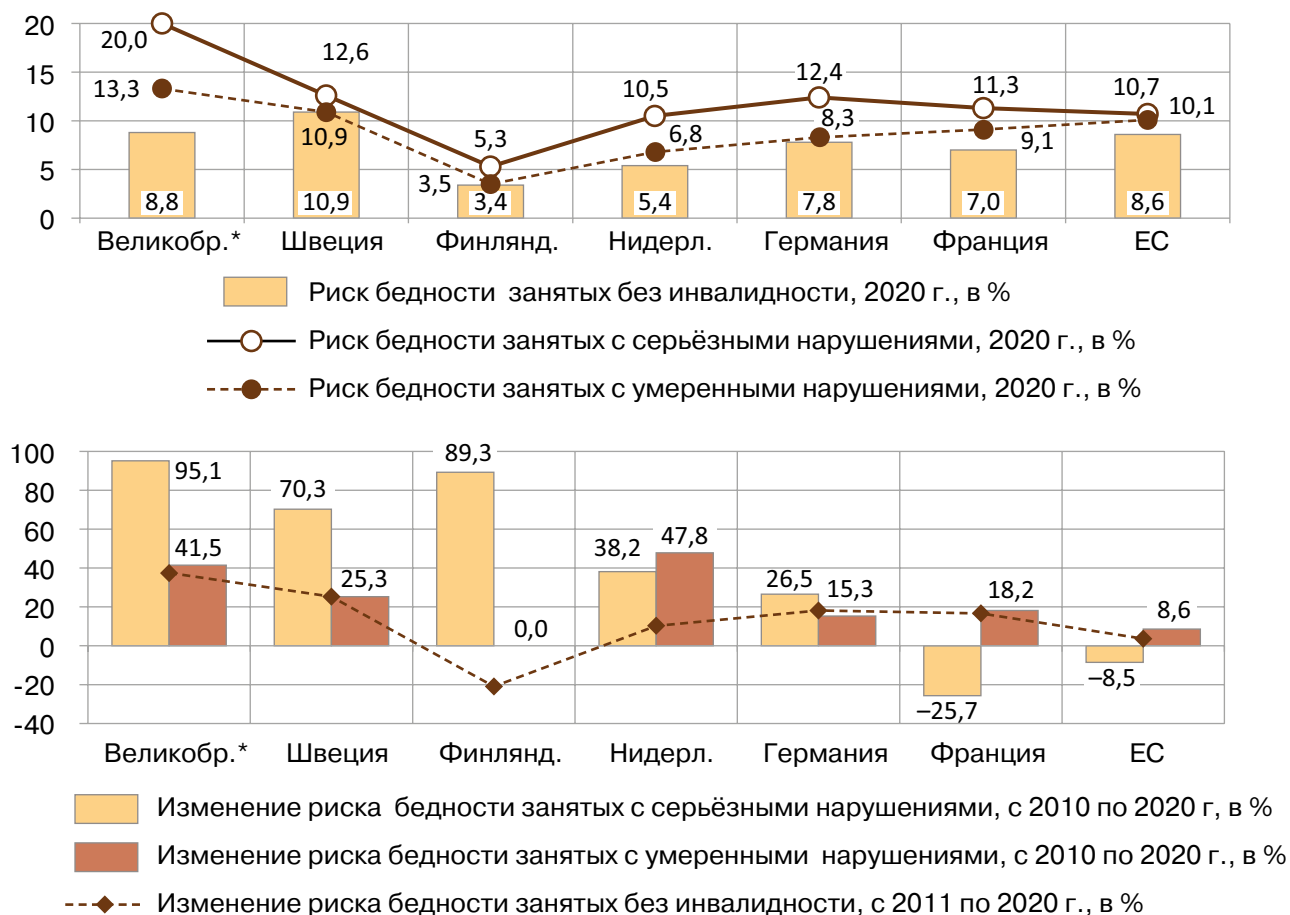

Рис. 6. Риск бедности на рабочем месте (18–64 г.) и его изменение с 2010 по 2020 г., %

* Великобритания, данные 2018 г.

Источник: In-work at-risk-of-poverty rate by level of disability (activity limitation), sex and age // Eurostat : сайт. 07.12.2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/hlth_dpe050_custom_12371088/default/table?lang=en (дата обращения: 30.10.2024).

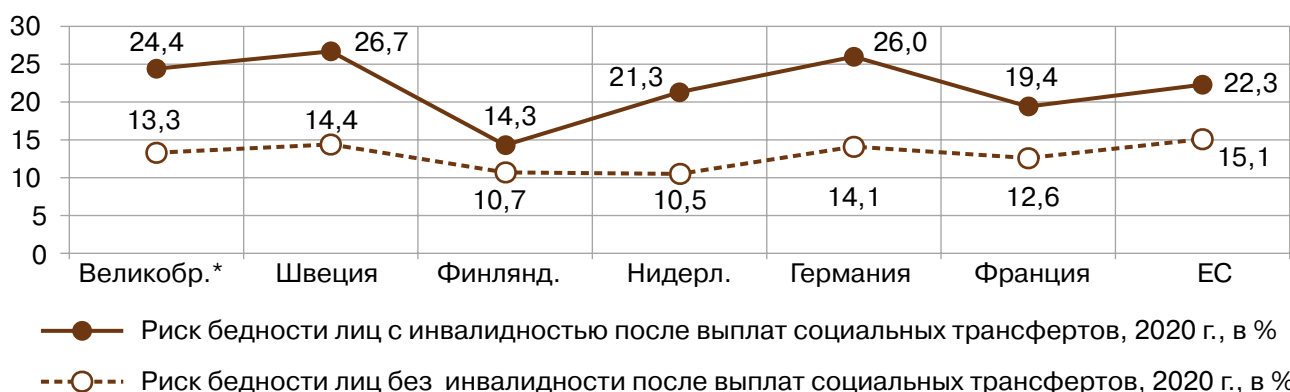

Рис. 7. Риск бедности населения (16–64 г.) лиц с инвалидностью и без инвалидности после выплаты социальных трансфертов, 2020 г., %

* Великобритания, данные 2018 г.

Источник: Persons at risk of poverty by level of disability (activity limitation), sex and age // Eurostat : сайт. 07.12.2024. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/hlth_dpe020/default/table?lang=en&category=dsb_dsb_ilc.dsb_ilcip (дата обращения: 30.10.2024).

Заключение

Логика активной политики занятости в государствах благосостояния заключается в намерении примирить вопросы достижения самодостаточности лиц с инвалидностью трудоспособного возраста и сокращения социальных расходов в структуре бюджета. На открытый рынок труда переводятся граждане с ограниченной или частичной трудоспособностью – до нескольких часов в неделю, с характерными признаками, дополнительно осложняющими трудовую деятельность и увеличивающими риски безработицы, такими как хронические заболевания, старший возраст, низкий уровень квалификации, опыт длительных периодов бездействия [10]. Программы активации предусматривают многоступенчатую организационную структуру с опорой на децентрализацию, частные и гражданские инициативы, консолидацию медико-социальных служб, бюро занятости, работодателей, советов представителей работников, с комплексом мероприятий, построенных на принципах эффективности и максимальной отдачи от вложений. В основных мерах, направленных на предложение рабочей силы, используются дифференцированные подходы к разным группам лиц с инвалидностью, профилирование по уровню потенциальной трудоспособности, стимулы и штрафные санкции. Политика перехода к труду ориентируется на дерегулирование рынка труда, заполнение вакансий без соотнесения с профессиональным опытом, поощрение нестандартных форм занятости с неполным рабочим днём, низкой заработной платой и временными контрактами. Субсидии работодателям и доплаты работникам с низкой оплатой труда выплачиваются не менее 12 месяцев и прекращаются со временем – после устранения препятствий на пути к работе [2]. Условием выполнения мероприятий активной политики является значительное государственное финансирование [45].

Рациональность нового социального договора допускает избирательность при принятии решений [6; 19]. Как частные, так и государственные поставщики услуг при оценке потребностей в консультировании, профессиональной подготовке, реабилитации или в приспособлении рабочих мест соотносят издержки и выгоды. Предписание «быстрого возвращения к труду» в расчёте на отдачу обуславливает «снятие сливок» – перераспределение ресурсов в пользу тех, кто производительнее [28; 39; 46]. В государственных программах развития приоритетными группами для социальных инвестиций определены молодые граждане 18–24 и 30–34 лет, вложения в которых рентабельны при получении образования и профессии. Сдвиг в сторону инклюзивных практик и вытеснение дорогостоящего специального образования и профессионального обучения предполагают предпочтение категориям молодёжи с лучшим исходным потенциалом трудоустройства. Инвестировать в образовательные ресурсы лиц с серьёзными нарушениями менее выгодно, так как трудности интеграции возникают с дипломом любого уровня. Программы обучения для взрослых после 50 лет, несмотря на высокие риски

увольнения и их многочисленность, также менее доступны из-за низкой отдачи. Рациональность работодателей также допускает некоторую свободу выбора из неоднородной группы лиц с инвалидностью. Квоты с нижним порогом численности от пары десятков работников могут быть выполнены частично, штрафные санкции не настолько жёсткие, чтобы оказать весомое влияние на найм кандидатов, сопряжённый с издержками [2; 46]. Избежать ответственности без серьёзных последствий – утраты части или всего пособия по инвалидности или безработице – не представляется возможным лицам с инвалидностью, признанным трудоспособными. Принуждение к труду без надлежащей поддержки сопряжено с рисками выпадения из программ социальной направленности, с необходимостью терпеть нужду, полагаться на поддержку местных властей, благотворительных организаций, друзей и семьи [25].

Программы с универсальными мерами активной политики настроены в большей степени под потребности лиц с умеренными нарушениями – самой многочисленной категории, представленной на рынке труда. Порядок действий и условия выполнения обязательств приближают к компромиссу всех участников социального договора: краткосрочный пакет помощи с первоначально щедрыми инвестициями в работников устраивает поставщиков услуг, схемы субсидирования и «разумные приспособления» – работодателей, поддержка трудоустройства, выплаты на рабочих местах, сокращённый день – значительную долю работников. Большинство работодателей разделяют социальную ответственность без внешнего давления, наряду с представителями гражданского общества и профсоюзами регулируют вопросы трудовой деятельности в рамках специальных программ поддержки занятости (Великобритания, Норвегия, Швеция, Финляндия) или схем квотирования рабочих мест (Франция, Германия, Нидерланды). Мероприятия активной политики позволяют снизить барьеры рынка труда, но не снимают их полностью, так как не решаются все проблемы [38]. Мобилизация лиц с умеренными нарушениями к труду всё чаще заканчивается их «застреванием» в программах безработицы. Долгосрочный эффект активных мер не очевиден. В ряде государств благосостояния с успешным опытом интеграции в последнее десятилетие наблюдались признаки регресса: увеличение разрыва занятости и рост безработицы лиц с умеренными нарушениями (Швеция, Германия, Франция). Прогресс в Великобритании, где лица с инвалидностью были недопредставлены на рынке труда, не привёл к достижению лучших результатов.

Принципы быстрого трудоустройства и первоначальных щедрых инвестиций меньше отвечают потребностям самой уязвимой категории граждан с серьёзными нарушениями (преимущественно с интеллектуальными и психическими расстройствами). Специализированная помощь слишком дорогостояща для поставщиков услуг. Затраты на приспособления рабочих мест, издержки низкой производительности, сокращённых часов работы, риски простоев и страховых выплат могут быть обременительны для работодателей. Участие в трудовой деятельности часто ограничивается программами

пробного трудоустройства или временных рабочих мест. Ключевую роль в содействии занятости выполняют специальные мастерские в государственном, некоммерческом и частном секторах. Сектор защищённой занятости, благодаря индивидуальной образовательной, медицинской и социальной поддержке, гарантирует защиту прав и получение трудового дохода. Работники с серьёзными нарушениями в основном удовлетворены качеством рабочих мест, несмотря на низкую оплату труда. Переходные модели к конкурентной среде (Финляндия, Норвегия, Швеция, Германия, Франция) содействуют получению опыта интеграции и расширяют шансы на достойную заработную плату, но не обеспечивают закрепления на рынке труда [33]. Защищённая занятость остаётся под опекой государства в связи с высокой потребностью граждан в постоянной индивидуальной поддержке. Показатели разрыва занятости и уровня безработицы лиц с серьёзными нарушениями в последнее десятилетие оставались примерно на одном и том же уровне во всех государствах благосостояния.

Дальнейшее сокращение разрыва занятости и уровня безработицы лиц с инвалидностью – с умеренными и серьёзными нарушениями – требует поиска новых решений. В условиях дерегулирования рынка труда, когда предложение рабочей силы (с инвалидностью) превышает спрос, мер активной политики, основанных на принципах экономии, недостаточно. Традиционные формы занятости также имеют ограничения: часть квот остаётся незаполненной, после прекращения стимулирования эффект удержания на рабочих местах резко снижается, сегмент специальных мастерских слишком мал, чтобы вместить всех желающих. Потенциал активных мер близок к истощению. Индивидуальные характеристики кандидатов по-прежнему играют большое значение. Существует множество взаимосвязанных факторов, которые могут повлиять на найм или на сохранение занятости при возникновении проблем со здоровьем: условия рынка труда, уровень безработицы, величина оплаты труда, оснащённость рабочих мест, реабилитационные мероприятия [3; 13; 18; 25]. Меры активации успешнее реализуются в благополучных регионах и мегаполисах [32; 47]. Взаимодействие представителей служб занятости, работодателей, профсоюзов, федеральных ассоциаций, общественных организаций слабо воздействует на положительную динамику трудоустройства даже при налаженном сотрудничестве (Франция, Германия) [12; 13].

Ослабление социального контракта создаёт структурные препятствия для решения распределительных конфликтов, сохранения социальных гарантий и устранения дискриминационных практик [35]. Активная политика имеет двойной потенциальный эффект. Положительное влияние обусловлено накоплением человеческого капитала и расширением доступа к самообеспечению. Негативное влияние возникает в связи с принуждением соглашаться на любую приемлемую позицию с низкой резервной оплатой труда и меньшей стабильностью [48]. Частичная трудоспособность в режиме неполного дня увеличивает вероятность найма в нестандартную занятость с меньшей социальной

защищённостью, с повышенными рисками бедности и перехода в безработицу. Активные меры более содействуют занятости, чем решению вопросов бедности и неравенства: лица с инвалидностью находятся в худшем положении, чем остальные работники [46]. Сокращение численности участников в программах по инвалидности повышает вероятность оттока в менее щедрые программы по безработице и по поддержанию доходов [12; 49]. Низкая оплата труда работников с серьёзными нарушениями наряду с высокими издержками, сопровождающими занятость, может стать дестимулирующим фактором, оказывающим влияние на решение отказа от участия в мерах активной политики. Тем не менее определённые успехи достигнуты, поскольку при переходе от социального обеспечения к труду уровень бедности понижается [9; 46]. В государствах благосостояния с традиционными формами занятости (Германия, Франция) – системах квотирования рабочих мест и специальных мастерских – риск бедности работников с инвалидностью самый низкий, негативные тенденции менее выражены, чем на открытом рынке в условиях дерегулирования (Великобритания, Швеция, Финляндия).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. *Grammenos St.* European comparative data on Europe 2020 and persons with disabilities. Labour market, education, poverty and health analysis and trends. European Commission. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2022. DOI [10.2767/745317](https://doi.org/10.2767/745317).
2. Disability, Work and Inclusion. Mainstreaming in All Policies and Practices. Paris : OECD, 2022. DOI [10.1787/1eaa5e9c-en](https://doi.org/10.1787/1eaa5e9c-en).
3. Zukunft der Werkstätten – Perspektiven für und von Menschen mit Behinderung zwischen Teilhabe-Auftrag und Mindestlohn / Hrsg. : V. Schachler, W. Schlummer, R. Weber. Bad Heilbrunn : Verlag Julius Klinkhardt; Lebenshilfe Verlag der Bundesvereinigung, 2023. 333 p. DOI [10.25656/01:26510](https://doi.org/10.25656/01:26510).
4. Characteristics of individuals receiving disability benefits in the Netherlands and predictors of leaving the disability benefit scheme: a retrospective cohort study with five-year follow-up / I. Louwerse, M. A. Huysmans, H. J. van Rijssen [et al.] // BMC Public Health. 2018. Vol. 18, № 1. P. 157. DOI [10.1186/s12889-018-5068-7](https://doi.org/10.1186/s12889-018-5068-7).
5. *Sickness, Disability and Work: Breaking the Barriers. A Synthesis of Findings across OECD countries.* Paris : OECD, 2010. 166 p. DOI [10.1787/9789264088856-en](https://doi.org/10.1787/9789264088856-en).
6. *Lillestø B., Sandvin J. T.* Limits to vocational inclusion?: Disability and the social democratic conception of labour // Scandinavian Journal of Disability Research. 2014, Vol. 16, № 01. P. 45–58. DOI [10.1080/15017419.2012.735203](https://doi.org/10.1080/15017419.2012.735203).
7. *Grammenos St.* European comparative data on Europe 2020 & People with disabilities. 2013. URL: https://includ-ed.eu/sites/default/files/documents/aned_2013_task_6_-_comparative_data_synthesis_report_-_europe2020_final.pdf (дата обращения: 13.10.2024).
8. *Grammenos St.* European comparative data on persons with disabilities. Equal opportunities, fair working conditions, social protection and inclusion, health analysis and trends – Data 2020, European Commission. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2023. DOI [10.2767/67323](https://doi.org/10.2767/67323).
9. *Dengler K.* Effectiveness of Active Labour Market Programmes on the Job Quality of Welfare Recipients in Germany // Journal of Social Policy. 2019. Vol. 48, № 4. P. 807–838. DOI [10.1017/S0047279419000114](https://doi.org/10.1017/S0047279419000114).

10. Albinowski M., Magda I., Rozszczypala A. The Employment Effect of the Disability Education Gap in Europe. Bonn : IZA – Institute of Labor Economics, 2024. 24 p. DOI [10.1080/09645292.2024.2395564](https://doi.org/10.1080/09645292.2024.2395564).
11. Lo S. H., Ville Is. The “employability” of disabled people in France: A labile and speculative notion to be tested against the empirical data from the 2008 “Handicap-Santé” study // ALTER: European Journal of Disability Research. 2013. Vol. 7, № 4. P. 227–243. DOI [10.1016/j.alter.2013.09.007](https://doi.org/10.1016/j.alter.2013.09.007).
12. Reasonable Accommodation and Sheltered Workshops for People with Disabilities: Costs and Returns of Investments. Brussels European Union. European Parliament. 2015. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536295/IPOL_STU\(2015\)536295_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536295/IPOL_STU(2015)536295_EN.pdf) (дата обращения: 29.10.2024).
13. Fostering Employment through Sheltered Workshops: Reality, Trends and Next Steps / L. Bezzina , J. Žutautaitė, F. Belafatti, E. Paulauskaitė. Brussels European Association of Service Providers for Persons with Disabilities (EASPD). 2022. URL: https://easpd.eu/fileadmin/user_upload/Publications/Fostering_Employment_through_Sheltered_Workshops_Reality_Trends_and_Next_Steps_2.pdf (дата обращения: 29.10.2024).
14. Behinderung & Beruf und soziale Entschädigung. BIH-Jahresbericht 2020–2021. Hürth: Bundesarbeitsgemeinschaft der Integrationsämter und Hauptfürsorgestellen (BIH). 2021. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/BIH_Jahresbericht_2021_barrierefrei_pdf-ua.pdf (дата обращения: 29.10.2024).
15. Entwicklung der Zugangszahlen zu Werkstätten für behinderte Menschen: im Auftrag des Bundesministeriums für Arbeit und Soziales / W. Detmar, M. Gehrman, F. König [et al.]. Berlin : Gesellschaft für Integration, Sozialforschung und Betriebspädagogik (ISB) gGmbH. 2008. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-342577> (дата обращения: 29.10.2024).
16. Flüter-Hoffmann Chr., Kurtenacker A., Schmidt J. Menschen mit Beeinträchtigungen auf dem Arbeitsmarkt. Erwerbsbeteiligung, Beschäftigungsstrukturen und persönliche Einschätzungen. IW-Analysen 147. Institut der deutschen Wirtschaft. 2021. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/Analysen_147_Teilhabe-4.pdf (дата обращения: 13.10.2024).
17. Metzler Chr., Werner D. Die Erwerbssituation von Menschen mit Behinderung // IW-Trends. 2017. Vol. 44, № 4. P. 21–38.
18. Greve B. The labour market situation of disabled people in European countries and implementation of employment policies: a summary of evidence from country reports and research studies. April 2009. URL: https://ec.europa.eu/employment_social/empl_portal/ede/ANED%20Task%206%20final%20report%20-%20final%20version%2017-04-09.pdf (дата обращения: 29.10.2024).
19. Employment Outlook 2009. Tackling the Jobs Crisis. Paris : OECD, 2009. DOI [10.1787/empl_outlook-2009-en](https://doi.org/10.1787/empl_outlook-2009-en).
20. Mattern L., Rambausek-Haß T., Wansing G. Das Budget für Arbeit: Ausgewählte Ergebnisse einer explorativen Studie zu seiner Umsetzung – Teil II: Ausgestaltung und sozialversicherungsrechtliche Fragestellungen. 2021. URL: https://www.reha-recht.de/fileadmin/user_upload/RehaRecht/Diskussionsforen/Forum_D/2021/D10-2021_Das_Budget_f%C3%BCr_Arbeit_Teil_II.pdf (дата обращения: 29.10.2024).
21. Bambra C., Whitehead M., Hamilton V. Does “welfare-to-work” work? A systematic review of the effectiveness of the UK’s welfare-to-work programmes for people with a disability or chronic illness // Social Science and Medicine. 2005. Vol. 60, № 9. P. 1905–1918. DOI [10.1016/j.socscimed.2004.09.002](https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2004.09.002).

22. Promoting Employment Opportunities for People with Disabilities. Quota Schemes. Vol. 1. International Labour Organization. 2019. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@ed_emp/@ifp_skills/documents/publication/wcms_735531.pdf (дата обращения: 29.10.2024).
23. *Fuchs M.* Quota Systems for Disabled Persons: Parameters, Aspects, Effectivity. Policy Brief. 2014. Vienna: European Centre. URL: <https://www.euro.centre.org/downloads/detail/1459/1> (дата обращения: 29.10.2024).
24. *Richard S., Hennekam S.* When Can a Disability Quota System Empower Disabled Individuals in the Workplace? The Case of France // *Work Employment and Society*. 2020. Vol. 35, № 5. DOI [10.1177/0950017020946672](https://doi.org/10.1177/0950017020946672).
25. *Bambra C.* Form Quotas to Sanction: The Political Economy of Rehabilitation in UK // *New Dynamics of Disability and Rehabilitation: Interdisciplinary Perspectives* / Eds. I. Haarslof, I. Poulser, K. Larsen. Singapore : Palgrave Macmillan, 2019. P. 69–96. DOI [10.1007/978-981-13-7346-6](https://doi.org/10.1007/978-981-13-7346-6).
26. *Kubin T., Tratt B.* Aktuelle Ausbildungs- und Beschäftigungssituation von Menschen mit Behinderung im Handwerk. Ergebnisse einer empirischen Untersuchung. München : Deutsche Handwerkinstitut, 2023. URL: <https://lfi-muenchen.de/wp-content/uploads/2023/02/Aktuelle-Ausbildungs-und-Beschaeftigungssituation-von-MiB-im-HW.pdf> (дата обращения: 13.10.2024).
27. *Geiger B. B.* Benefits conditionality for disabled people: stylised facts from a review of international evidence and practice // *Journal of Poverty and Social Justice*. 2017. Vol. 25, № 2. P. 107–28. DOI [10.1332/175982717X14939739331010](https://doi.org/10.1332/175982717X14939739331010).
28. Work, welfare, and wellbeing: The impacts of welfare conditionality on people with mental health impairments in the UK / P. Dwyer, L. Scullion, K. Jones [et al.] // *Social Policy & Administration*. 2020. Vol. 54, № 2. P. 311–326. DOI [10.1111/spol.12560](https://doi.org/10.1111/spol.12560).
29. *Gjersøe H. M.* Regulating inflow or outflow: a comparison of the work capability assessments in the UK and Norway // *Journal of Social Policy*. 2015. Vol. 45, № 1. P. 141–158. DOI [10.1017/S0047279415000471](https://doi.org/10.1017/S0047279415000471).
30. *Fichtl A.* Mini- and Midi-Job in Germany. Effects of Marginal Employment on Unemployment // *FORES Policy Paper*. 2015. № 3. P. 01–54. URL: <https://fores.se/publikation/mini-and-midi-jobs-in-germany/> (дата обращения: 27.10.2024).
31. Disability and employment – lessons from reforms / Eds. M. Kautto, J. Bach-Othman. Helsinki : Helsinki Finnish Centre for Pensions, 2010. 85 p. ISBN 978-951-691-132-1.
32. *Fothergil S.* Welfare-to-work isn't working // *People, Place and Policy*. 2013. Vol. 7, № 2. P. 61–65. DOI [10.3351/ppp.0007.0002.0002](https://doi.org/10.3351/ppp.0007.0002.0002).
33. *Graf T., Rudolph H.* Dynamik im SGB II 2005–2007. Viele Bedarfsgemeinschaften bleiben lange bedürftig, IAB-Kurzbericht 05/2009, Nuremberg.
34. *Gaskarth G.* The Hartz Reforms ...and their lesson for the UK. Centre for Policy Studies. 2014. URL: <https://cps.org.uk/wp-content/uploads/2021/07/141024133732-TheHartz-Reforms.pdf> (дата обращения: 29.10.2024).
35. *Parker S., Cass B.* New Paradigms of Disability in Social Security Law and Policy in Australia: Implications for Participation // *Disability Studies Quarterly*. 2005. Vol. 25, № 4. P. 1–26. DOI [10.18061/dsq.v25i4.621](https://doi.org/10.18061/dsq.v25i4.621).
36. *Edmiston D.* Welfare, Austerity and Social Citizenship in the UK // *Social Policy and Society*. 2016. Vol. 16, № 2. P. 261–270. DOI [10.1017/S1474746416000531](https://doi.org/10.1017/S1474746416000531).
37. *Black D., Daniel K., Sanders S.* The impact of economic conditions on participation in disability programs: Evidence from the coal boom and bust // *The American Economic Review*. 2002. Vol. 92, № 1. P. 27–50. DOI [10.1257/000282802760015595](https://doi.org/10.1257/000282802760015595).

38. Rauch A., Dornette J. Equal Rights and Equal Duties? Activating Labour Market Policy and the Participation of Long-term Unemployed People with Disabilities after the Reform of the German Welfare State // *Journal of Social Policy*. 2010. Vol. 39, № 01. P. 53–70. DOI [10.1017/S0047279409990419](https://doi.org/10.1017/S0047279409990419).
39. Bound J., Burkhauser R. V. Economic Analysis of Transfer Programs Targeted on People with Disabilities // *Handbook of Labor Economics* / Eds. O. Ashenfelter, D. Card. Amsterdam : Elsevier, 1999. Vol. 3, P. C. P. 3417–3528. DOI [10.1016/S1573-4463\(99\)30042-0](https://doi.org/10.1016/S1573-4463(99)30042-0).
40. Welfare reform in European countries: a microsimulation analysis / H. Immervoll, H. J. Kleven, C. Th. Kreiner [et al.] // *The Economic Journal*. 2007. Vol. 117, № 516. P. 1–44. DOI [10.1111/j.1468-0297.2007.02000.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-0297.2007.02000.x).
41. Burchardt T. The Dynamics of Being Disabled // *Journal of Social Policy*. 2000. Vol. 29, № 04. P. 645–668. DOI [10.1017/S0047279400006097](https://doi.org/10.1017/S0047279400006097).
42. Labour market policies (LMP) in the European Union in 2019. A statistical analysis. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2023. 41 p. ISBN 978-92-76-99673-6. DOI [10.2767/472792](https://doi.org/10.2767/472792).
43. Carcillo S., Grubb D. From Inactivity to Work: The Role of Active Labour Market Policies // *OECD Social, Employment and Migration Working P.* 36. Paris : OECD, 2006. 72 p. DOI [10.1787/687686456188](https://doi.org/10.1787/687686456188).
44. Haverman R., Wolfe B. The economics of disability and disability policy // *Handbook of Health Economics* / Eds. A. J. Culyer, J. P. Newhouse. Amsterdam : Elsevier, 2000. Vol. 1. P. 995–1051. DOI [10.1016/S1574-0064\(00\)80031-1](https://doi.org/10.1016/S1574-0064(00)80031-1).
45. Кулагина Е. В. Активная политика занятости в отношении лиц с инвалидностью // *Социологическая наука и социальная практика*. 2023. Т. 11, № 4. С. 78–111. DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.4). EDN [HRCKWN](https://edn.hrckwn.com). [Kulagina E. V. Active market labour policies towards people with disabilities. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(4):78–111. (In Russ.)]. DOI [10.19181/snsp.2023.11.4.4](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.4.4).
46. Taylor-Gooby P., Gummy J. M., Otto A. Can “New Welfare” address poverty through more and better jobs? // *Journal of Social Policy*. 2014. Vol. 44, № 1. P. 83–104. DOI [10.1017/S0047279414000403](https://doi.org/10.1017/S0047279414000403).
47. To what extent have relaxed eligibility requirements and increased generosity of disability benefits acted as disincentives for employment? A systematic review of evidence from countries with well-developed welfare systems / B. Barr, S. Clayton, M. Whitehead [et al.] // *Epidemiology & Community Health*. 2010. Vol. 64, № 12. P. 1106–1114. DOI [10.1136/jech.2010.111401](https://doi.org/10.1136/jech.2010.111401).
48. Hancock R, Berthoud R. Disability benefits and paying for care. ISER Working Paper Series from Institute for Social and Economic Research 2008. № 40. URL: <https://www.iser.essex.ac.uk/wp-content/uploads/files/working-papers/iser/2008-40.pdf> (дата обращения: 17.10.2024).
49. Pignatti C., Van Belle E. Better together: Active and passive labour market policies in developed and developing economies. International Labour Organisation. Working Paper № 37. December 2018. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/publication/wcms_660003.pdf (дата обращения: 29.08.2023).

Сведения об авторе

Е. В. Кулагина

кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
SPIN-код: 9548-1559

Статья поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 25.12.2024;
принята к публикации 27.01.2025.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2025.13.1.6

EMPLOYMENT OF PERSONS WITH DISABILITIES: OPPORTUNITIES, PRIORITIES AND OUTCOMES OF ACTIVE POLICIES IN WELFARE STATES. PART TWO

Elena Viktorovna Kulagina

Institute of Socio-Economic Studies
of Population of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,
elkulagina@yandex.ru,
ORCID 0000-0002-5342-7847

For citation: Kulagina E. V. Employment of persons with disabilities: opportunities, priorities and outcomes of active policies in welfare states. Part two. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1):117–141. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.6.

Abstract. This two-part article examines the active employment policies of welfare states and their impact on the situation of persons with disabilities of working age. On the basis of research materials and data from population surveys in the EU and OECD countries, the article analyzes the trends of active employment policy towards persons with moderate and severe disabilities in welfare states of different models for the period from 2010 to 2020. The second part of the article reveals the approaches of active policy to the selection of priority groups of citizens with disabilities to direct social investments in the promotion of labor, to the redistribution of responsibilities towards employers in traditional forms of employment: special workshops and job quota systems, to the provision of social guarantees in the conditions of de-regulation of the labor market. It shows the resources of traditional forms of employment, preferences of employees and employers that influence the expansion of employment opportunities. The potential of active policy measures is considered: the possibilities of hiring workers with disabilities with different degrees of impairment and reducing unemployment, as well as the sustainability of the results of fixation in the labor market. The forms and conditions of employment of persons with disabilities in the conditions of labor market deregulation, job quality factors and the level of social guarantees are revealed. The results of active policy in achieving self-sufficiency in the transition from social security to labor and the assessment of their sustainability are presented.

Keywords: welfare state, new social policy, transition from social support to labour, active employment policy for people with disabilities, employment gap for people with disabilities, social guarantees in employment, disability, inequality

Information about the Author

E. V. Kulagina

Candidate of Economy,

Leading Researcher

ResearcherID: [N-1381-2017](#)

Scopus AuthorID: [57195297739](#)

The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 25.12.2025; accepted for publication 27.01.2025.

ПАТРИОТИЗМ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ: ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Инна Александровна Газиева

Институт общественных наук РАНХиГС,
Москва, Россия,
gazieva-ia@ranepa.ru,
ORCID 0000-0002-0778-7171

Для цитирования: Газиева И. А. Патриотизм как социальная ценность: восприятие студенческой молодёжи // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 142–169. DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.7. EDN LBVCUJ.

Аннотация. Статья посвящена одной из актуальных проблем в сфере изучения и организации молодёжной политики: оценке и формированию ценности патриотизма. В текущей политической риторике часто говорится о рекордно высоком уровне патриотизма в российском обществе, в том числе в среде студенческой молодёжи, однако при более пристальном изучении социальной среды приходится констатировать некоторую декларативность подобных высказываний. В этой связи целью данной статьи стало определение содержания понятия патриотизма как ценности, которое легло в основу методологии авторского социологического исследования, посвящённого изучению сформированности социальных ценностей в среде студенческой молодёжи. Опрос проведён с 17 мая по 1 июня 2023 г. через личные кабинеты студентов РАНХиГС очной формы обучения (N=4338). По результатам факторного и кластерного анализа массива социологических данных, был сформирован фактор ценности патриотизма, а также выделены типологические группы респондентов, описанные в зависимости от распределения координат центров кластеров и анализа оценок суждений, составляющих содержание фактора патриотизма и дополнительных, уточняющих суждений. Типологическая группа респондентов, находящихся в зоне положительных значений фактора, объединяет «социальных гуманистов»; они высоко ценят ценностные суждения, касающиеся патриотизма, и готовы всячески развивать и поддерживать свою страну; они считают, что благополучие каждого человека неразрывно связано с благополучием общества. Типологическая группа респондентов, находящихся в зоне отрицательных значений фактора (три кластера), объединяет «социальных индивидуалистов»; они отрицательно относятся к патриотизму как социальной ценности и не готовы делиться со своей страной плодами своего труда, не считают себя чем-то обязанными ей. Третья типологическая группа, традиционно, промежуточная, объединяет «социально неопределившихся»; её представители находятся в зоне нейтральных, нулевых значений фактора и не демонстрируют выраженного положительного или отрицательного отношения к ценности патриотизма. С целью определения организационно-методических подходов к формированию ценности патриотизма по результатам корреляционного анализа был сформирован перечень ценностей, являющихся родственными ценности патриотизма, из которых половина оценивается резко отрицательно «социальными ин-

дивидуалистами», а половина – положительно. Предполагается, что основанная на положительно оцениваемых ценностях разработка механизмов реализации молодежной политики, направленной на повышение уровня патриотизма, будет более эффективна и в части формирования патриотизма среди студентов, относящихся к нему негативно. Это составляет следующую исследовательскую задачу автора.

Ключевые слова: социальные ценности, патриотизм, молодежная политика, молодежь, высшее образование

Введение. Обоснование проблемы

Согласно результатам опроса, проведенного в 2024 году ВЦИОМ¹, 94% россиян называют себя патриотами. Более того, доля тех, кто считает себя безусловным патриотом, выросла за последний год на 10%, обновив исторический максимум (62%). На первый взгляд, данный тезис, вызывающий, безусловно, положительные эмоции, не демонстрирует каких-либо противоречий либо трудностей в трактовке результатов. Однако при более пристальном его рассмотрении очевидным становится весьма широкий подход к оценке уровня патриотизма, который требует уточнения в части содержания понятия, поскольку, на наш взгляд, оно является весьма объемным и включающим различные индикаторы. В этой связи представляется не вполне корректным утверждение о высоком уровне патриотизма, основываясь на оценке лишь одного суждения, а не совокупности признаков.

Подтверждение данному тезису видим в результатах двух социологических исследований с пятилетним шагом, которые демонстрируют нам собирательный образ эмоционального фундамента патриотизма; «комплекс позитивных чувств, связанных с восприятием современной России» [1, с. 304], которые, по мнению М. К. Горшкова, выступают одной из фундаментальных основ патриотизма (см. табл. 1).

Первое, что обращает на себя внимание в таблице 1, это заметная тенденция к снижению у респондентов двух из трёх положительных чувств (любовь: 10,5% – в 2020 г. против 17% – в 2015 г.; гордость: 16,4 и 24% соответственно; лишь уровень уважения вырос за пять лет на два процентных пункта: 28 и 26% соответственно) на фоне почти двукратного роста за пять лет равнодушия (8,9 и 5% соответственно) и негативных эмоций (обида/стыд: 15,4 и 7% соответственно; возмущение: 12,5 и 6% соответственно). При этом высокие негативные цифры не обязательно могут быть совокупным показателем непатриотических настроений в обществе, поскольку объективная любовь к Родине представляет умение видеть не только её достоинства, но и недостатки [2], представляя собой

---

¹ Опрос проведен 4 марта 2024 г. методом телефонного интервью по стратифицированной случайной выборке, извлечённой из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ; N=1600 в возрасте от 18 лет. См: О современном российском патриотизме // ВЦИОМ: сайт. 29 марта 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 27.07.2024).

содержание «преобразовательного» (в терминах И. А. Халий) [3], «конструктивного» (в терминах авторского коллектива: Р. Т. Шатц, Е. Стауб, Х. Левин) [4], «гражданского» (в терминах И. М. Кузнецова) [5] патриотизма.

Таблица 1

Чувства, выражающие личное отношение к современной России, %

Главное чувство, выражающее личное отношение к современной России	2015 г. ¹ [1, с. 305]	2020 г. ² [2]
Любовь	17	10,5
Гордость	24	16,4
Уважение	26	28
Равнодушие	5	8,9
Обида/стыд	7	15,4
Возмущение	6	12,5
Затруднились ответить	15	8,4
Возмущение	6	13
Затруднились ответить	15	8

Безусловно, в данном конкретном случае мы не можем привести весь спектр причин такого комплексного снижения позитивного восприятия своей страны респондентами указанных исследований, поскольку не располагаем всем массивом данных, кроме того, мы не ставим перед собой такую задачу. На данном этапе мы лишь хотим акцентировать внимание на том, что при общем, казалось бы, высоком уровне патриотизма, зафиксированном в приведённом ранее исследовании ВЦИОМ, при детализированном изучении состояния патриотизма в российском обществе обращает на себя внимание в целом не самый позитивный эмоциональный настрой у большинства респондентов в отношении своей страны, совокупно определяющийся оценками двух групп индикаторов эмоционального отношения, но ещё не отражающих полного содержания понятия патриотизма.

Этот факт подчёркивает необходимость уточнения понятия патриотизма как в части его содержания, так и в части измерения уровня патриотизма в отдельных возрастных группах. В первую очередь, в группе студенческой молодёжи, представляющей собой потенциальный базис социально-экономического роста и развития нашей страны, с одной стороны, и социально-демографическую

¹ Исследование ИС РАН. См.: Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1 / М. К. Горшков ; изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016. 416 с.

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН.

группу с ещё не устоявшимися ценностями, а потому подверженную как позитивному, так и негативному воздействию различных агентов влияния, с другой стороны.

Несмотря на безусловную актуальность запроса на определение уровня патриотизма в молодёжной среде, исследований, посвящённых данному вопросу, недостаточно, чтобы дать однозначный ответ на вопрос о реальном уровне патриотизма и определяющих его факторах.

Так, согласно результатам эмпирического исследования студенческой молодёжи московских вузов, проведённого в мае 2017 г. группой сотрудников социологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова под руководством Н. Г. Осиповой и С. О. Елишева, «к патриотизму положительно относится» 84,2% респондентов, «отрицательно» – 5,4%; «затруднились с ответом» – 10,4% [6, с. 120–121]. Однако, интерпретируя представленные результаты, можно допустить, что респондент, выражая своё мнение по поводу патриотизма как социального феномена, не обязательно рассматривал его применительно к себе и не предполагал этим ответом утверждение, что он сам является патриотом. Кроме того, такие цифры отнюдь не говорят и о том, что, относясь положительно к патриотизму как к социальному явлению, респонденты считают себя патриотами, при этом понимая под патриотизмом что-то своё.

Результаты более детализированного анализа итогов исследования ВЦИОМ¹, приведённого в начале данной статьи, также говорят о необходимости подробного изучения факторов, влияющих на уровень патриотизма в разных возрастных группах, в первую очередь, в молодёжной среде. Мы воспользовались массивом данных, выложенным в открытом доступе на странице исследования, и построили диаграмму на основе таблицы сопряжённости, включающей ответы на вопрос «Как бы Вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет?», и возраста, который мы самостоятельно сгруппировали, выделив в социально-демографической группе молодёжи (14–35 лет) две возрастные подгруппы по принципу возраста интеграции в образовательный процесс: 18–24 года² – чаще всего обучающиеся ССУЗов или ВУЗов; 25–35 лет – молодёжь, завершившая полный цикл обучения по профессии и полноценно вышедшая на рынок труда.

На рисунке 1 показано, что представители более молодых групп отличаются менее высоким уровнем патриотизма, чем представители взрослых групп. Так, «безусловных патриотов» меньше всего в самой молодой группе (44,7%), немногим больше их во второй «молодой группе» – 51,1%; в то же время среди представителей взрослой, предпенсионной и пенсионной групп доля

---

¹ Опрос проведён 4 марта 2024 г. методом телефонного интервью по стратифицированной случайной выборке, извлечённой из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ; N=1600 в возрасте от 18 лет. См.: О современном российском патриотизме // ВЦИОМ: сайт. 29 марта 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 27.07.2024).

² Обратим внимание, что опрос ВЦИОМ не охватывает респондентов моложе 18 лет.

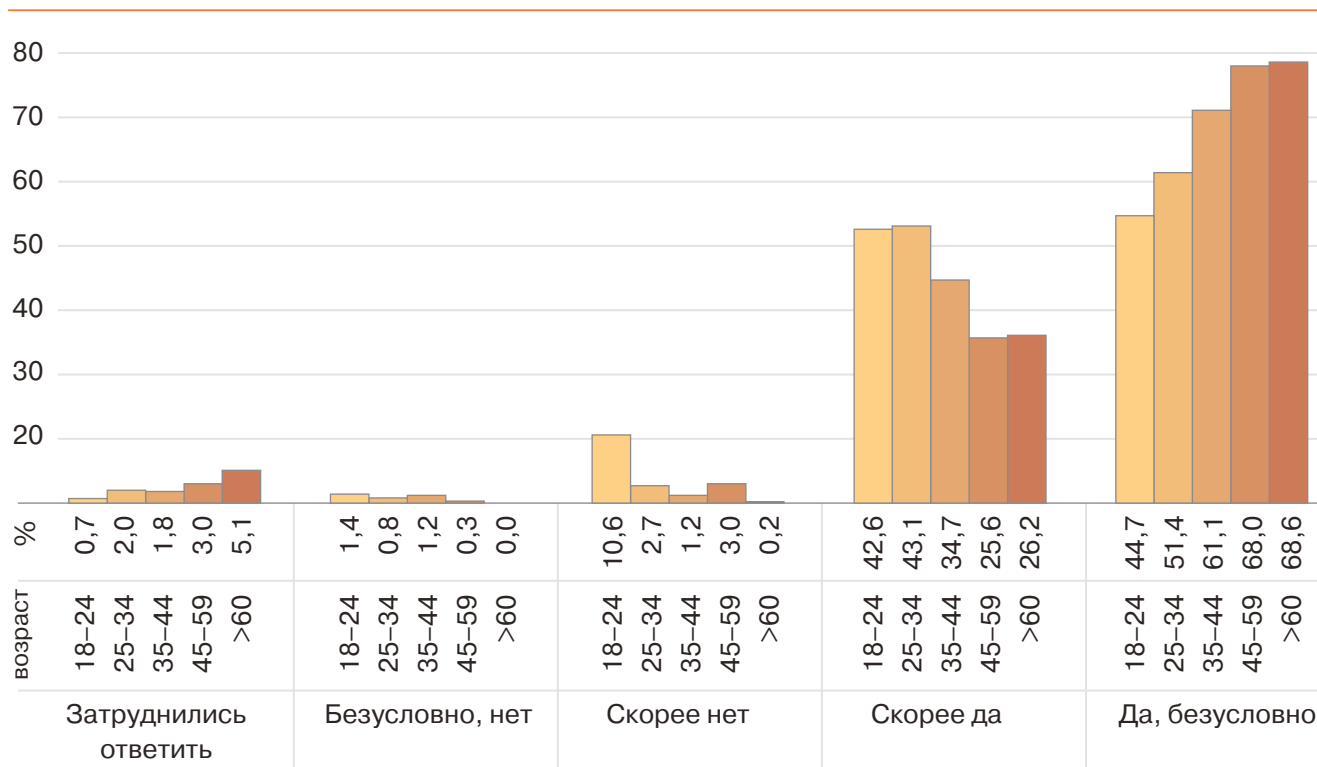

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как бы Вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет?» по возрастным группам, %¹

«безусловных» патриотов значительно больше (61,1; 68 и 68,6% соответственно). Исходя из такого распределения «безусловных патриотов» в разных возрастных группах, не вызывает удивления то, что «скорее патриотов» больше в молодых группах (42,6 и 43,1% соответственно), чем во взрослых (34,7; 25,6 и 26,2% соответственно).

Таким образом, можно говорить о том, что самая молодая группа респондентов находится в зоне «патриотического риска»; именно в этой группе находится наибольшее количество респондентов, демонстрирующих тенденцию к непатриотическому самовосприятию: 10,6% респондентов в возрасте 18–24 года считают себя скорее «не патриотами» против 1,73%, в среднем респондентов остальных групп, настроенных скорее не патриотически. Данный факт представляет для нас большой как научный, так и административно-инструментальный интерес, поскольку возникает необходимость выявления и более подробного описания характеристик группы молодёжи, не отличающейся высоким уровнем патриотизма, и разработки организационных мер его разумной корректировки.

¹ Опрос проведён 4 марта 2024 г. методом телефонного интервью по стратифицированной случайной выборке, извлечённой из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ; N=1600 в возрасте от 18 лет. См.: О современном российском патриотизме // ВЦИОМ: сайт. 29 марта 2024 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-sovremennom-rossiiskom-patriotizme> (дата обращения: 27.07.2024)

В этой связи целью данной статьи является определение содержания понятия патриотизма как ценности – создание методологической основы для социологической диагностики состояния патриотизма в среде студенческой молодёжи с последующим выявлением и описанием типологических групп, характеризующих отношение респондентов к индикаторам определения уровня патриотизма как ценности.

Патриотизм как ценность: операционализация понятия

Патриотизм, будучи сложным и многогранным социальным феноменом, многие столетия является предметом размышления широкого круга лиц, включая и учёных, и политиков, и деятелей культуры, и, безусловно, простых обывателей. Несмотря на то, что в традиционном понимании патриотизм чаще всего включает в себя любовь к своей стране, её культуре, истории, ценностям, в научной литературе встречаем разные подходы и к функциональному, и к содержательному описанию данного понятия, определяющие, соответственно, и сущностные термины, стоящие в основе формулировок. Так, например, согласно большинству отечественных словарей, патриотизм есть некая положительная эмоция, чувство – преданность и любовь к Родине¹; в Федеральном проекте «Патриотическое воспитание», реализуемом в рамках национального проекта «Образование»², патриотизм описывается как «благоприобретённое качество», которое, отражая воспитательный характер, «является предметом передачи... и представляет собой важнейшую составную часть мировоззрения личности». Однако в нашем представлении патриотизм представляет собой не просто положительную эмоцию или передаваемое качество, а формируемую социальную ценность.

Когда мы говорим о патриотизме не просто как о некой позитивной эмоции или социальном явлении, а как о ценности, то предполагаем, что он представляет собой, в некотором роде, идеал, за которым стоит коллективное, социальное начало (Э. Дюркгейм [7, с. 300]); такую совокупность принципов, которая выступает регулятором действий и реализуется через принятие обязательств в рамках системы желаемого типа (Т. Парсонс [8]); реально существующее благо, являющееся продуктом исторического развития культуры (Г. Риккерт [9]).

Содержание понятия патриотизма, как и ценности, не является статичным; нельзя сказать, что оно не оформилось в научном плане, однако на протяжении

---

¹ См., например: Патриотизм. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=20061> (дата обращения: 14.07.2024); Патриотизм. Большая советская энциклопедия. URL: <https://gufo.me/dict/bse/Патриотизм> (дата обращения: 14.07.2024); Патриотизм. Советская историческая энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/ПАТРИОТИЗМ (дата обращения: 14.07.2024).

² Федеральный проект «Патриотическое воспитание» // Минпросвещения России : сайт. <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 14.07.2024).

каждой эпохи оно корректировалось под влиянием постоянно изменяющейся социальной реальности, что представляет для нас большой интерес. Поэтому позволим себе в ходе проработки данного понятия опираться не только на научные исследования, но и на представления лидеров мнений своего времени, чтобы иметь более широкую картину описания патриотизма как социальной ценности, как «некой устойчивой во времени, общественно-значимой универсалии, которая: определяет отношение человека к социальной реальности; характеризует потенциальную готовность следования этим универсалиям; включает совокупность действий, отражающих следование этим универсалиям; выступает индивидуальным или групповым ориентиром социальной деятельности, одновременно побуждая к ней и являясь её социальным регулятором» [10].

Так, например, в статье Л. Н. Толстого «Патриотизм и правительство» (1900 г.) встречаем суждение о том, что «настоящий, хороший патриотизм состоит в том, чтобы желать своему народу или государству настоящих благ, таких, которые не нарушают благ других народов»¹. Однако далее Лев Николаевич говорит о вредности патриотизма как инструмента манипулирования сознанием граждан и способствующего развязыванию военных действий, считая, что «патриотизм, как чувство, есть чувство дурное и вредное; как учение же – учение глупое, так как ясно, что если каждый народ и государство будут считать себя наилучшими из народов и государств, то все они будут находиться в грубом и вредном заблуждении»². Лев Николаевич, как участник Крымской войны, глубоко переживал необходимость участия в войнах людей, изначально оторванных от политики, в первую очередь крестьян, чья основная задача состояла в работе на земле, что составляло, на взгляд Л. Н. Толстого, их призвание. Поэтому такое понимание содержания патриотизма обосновано рядом войн, в которые последовательно была включена Российская империя, и которые, как мы помним, не имели ключевой целью защиту своей страны, а отвечали узким, зачастую эгоистическим задачам политиков («маленькая победоносная война»). Безусловно, в такой коннотации понятие патриотизма действительно вызывает не самые позитивные эмоции и в какой-то мере содержательно перекликается даже с понятием национализма.

Весьма похожую позицию встречаем у коллег из Университета Стоуни-Брук (Stony Brook University), которые видят в патриотизме «форму коллективной идентичности, в которой кто-то продвигает потребности и/или желания нации за счёт индивидуальных эгоистических интересов», что предполагает неотделимость патриотизма от коллективных интересов страны и тех политических процессов, которые с неизбежностью вовлекают индивида в реализацию своих решений, исходя из «наилучших интересов нации» [11]. Из контекста статьи видим, что данная позиция учёных опять связана с войной: «Если способность правительства США вести войну в Ираке не является достаточным

¹ Толстой Л. Н. Патриотизм и правительство // Неправда русской власти. «Ныне ваше время и власть тьмы». М. : Родина, 2023. С. 38.

² Там же.

доказательством продолжающейся жизнеспособности патриотизма как коллективной идентичности, продолжающаяся катастрофа на Балканах, напряжённость между Пакистаном и Индией и, по-видимому, бесконечное количество международных горячих точек свидетельствуют о его огромной привлекательности». В итоге авторы делают вывод о том, что залогом обеспечения цивилизованной и мирной организации мироустройства является «необходимость усиления сил антипатриотизма».

Подчёркнуто противоположную точку зрения можно увидеть в Докладе И. В. Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1944 г., где в том числе говорится о роли «горячего и животворного советского патриотизма» в победе над фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне. В Докладе подчёркивалось, что сила советского патриотизма в том, что «он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей Советской Родине»¹, а также межнациональное единство, обладающее сплачивающей силой всех наций и народностей страны. Из данного контекста очевидно, что следование ценности патриотизма является одним из ключевых факторов усиления и сплачивания российского общества перед общим врагом. Здесь мы видим, что в следовании ценности патриотизма проявляется её функция объединения, обеспечения межнационального единства, которое сегодня, наряду с патриотизмом, определено как традиционная российская духовно-нравственная ценность². Очевидно, что, проявляясь одновременно, такие ценности усиливают друг друга, поэтому одной из исследовательских задач эмпирической части нашего исследования является определение ценностей, родственных патриотизму с целью его дополнительного усиления.

В КНР такие ценности приняты на XVIII съезде коммунистической партии Китая. Возможно, в силу преемственности социалистической идеологии, патриотизм, наряду с преданностью делу, честностью и добротой, является одной из социалистических ценностей КНР. Коллеги из Пекинского университета отмечают, что патриотизм является «духовной опорой, руководством к действию, нормой поведения для налаживания отношений между человеком и страной» [12, с. 165], следование которой с неизбежностью приведёт к достижению «китайской мечты о реализации духовной силы». В данной формулировке с очевидностью прослеживается ценностный подход к определению понятия патриотизма.

---

¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М. : Издательство «Писатель», 1997. С. 192–203; С. 197–198. URL: https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t15/t15_50.htm (дата обращения: 14.07.2024).

² См.: Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России : сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.12.2024).

Необходимо отметить, что, несмотря на достаточно однозначные и где-то даже радикальные подходы к организации социального пространства, сложившиеся в ходе эволюции китайского общества на фоне несколько неоднозначных исторических событий XX века, китайские коллеги отмечают, что отсутствие у человека гражданства не является основным критерием, по которому можно определить человека как не патриота. Так, китайские коллеги считают, что «до тех пор, пока человек заботится и любит народ своей родины, заботится о развитии страны, у него благодарное сердце к стране и патриотические амбиции, даже если он сменил национальность, он всё ещё остаётся патриотом, мы не можем отрицать его чувства патриотизма» [12, с. 164]. Заметим, что такое описание социального портрета патриота очень близко характеризует целый ряд русских эмигрантов, которые идеологически не смогли принять смену политического курса нашей страны в начале XX в., но до последних дней своей жизни оставались настоящими патриотами своей страны. Так, например, широко известны благотворительные жесты перечисления средств великим русским композитором и пианистом Сергеем Рахманиновым от своих концертов в годы Великой Отечественной войны в фонд Красной армии и в Фонд обороны.

В то же время современное российское общественное мнение расходится в своём отношении к признакам патриотизма с мнением китайских коллег. Так, согласно результатам опроса, проведённого ВЦИОМ¹ в 2020 году и посвящённого изучению патриотических настроений россиян (см. табл. 2), более половины респондентов (64%) считают, что не может быть патриотом человек, который хочет переехать в другую страну; при этом почти в равных долях распределились мнения респондентов относительно причисления или не причисления к патриотам тех граждан, которые имеют второе гражданство (50% – не патриот, 42% – патриот); работают в некоммерческой организации – «иностранным агенте» (47% – не патриот, 40% – патриот); отказываются от участия в выборах (по 46% «за» и «против» причисления к патриотам).

Ключевым признаком того, что человек является патриотом, согласно мнению абсолютного большинства респондентов, является его любовь к России (85%), соотносимая с патриотизмом, пожалуй, во всех ключевых словарях, поэтому не вызывает большого удивления. Показательным является то, что на втором месте в своеобразном рейтинге признаков патриотизма стоит не такой наглядный признак, который, казалось бы, отделяет гражданина от страны и может стать индикатором его неустойчиво патриотической позиции, как, например, упомянутая нами перспектива отъезда в другую страну или незнание государственной символики России (59%), наличие счёта за рубежом (57%),

¹ Опрос проведён 20 февраля 2020 г. методом телефонного интервью по стратифицированной случайной выборке, извлечённой из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ; N=1 600 в возрасте от 18 лет. См.: Россияне объяснили, как они понимают патриотизм // ВЦИОМ: сайт. 20 февраля 2020 г. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-obyasnili-kak-oni-ponimayut-patriotizm> (дата обращения: 14.07.2024)

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, может или не может быть патриотом человек, который...» (закрытый вопрос, один ответ), %

Характеристики чувств, поступков, намерений	Не может быть патриотом	Может быть патриотом	Затруднились ответить	Всего
Не чувствует любовь к России	85	10	5	100
Даёт или берёт взятки	80	14	6	100
Уклоняется от службы в армии	65	29	6	100
Уклоняется от уплаты налогов	64	29	7	100
Хочет переехать в другую страну	64	29	7	100
Не знает государственной символики России	59	35	6	100
Имеет счета за рубежом	57	35	8	100
Имеет второе гражданство	50	42	8	100
Работает в некоммерческой организации – «иностранном агенте»	47	40	13	100
Отказывается от участия в выборах	46	46	8	100
Публично высказывает мнение, не совпадающее с точкой зрения государства	23	68	9	100
Работает в иностранной фирме	23	69	8	100
Хочет вступить в брак с иностранцем	19	72	9	100

наличие второго гражданства (50%). Заметно больше респондентов с непатриотическим поведением связывают действия, наносящие прямой или косвенный урон, вред своей стране: взяточничество (80%), уклонение от службы в армии (65%) и налогов (64%).

При первом рассмотрении результатов, представленных в таблице 2, можно сказать, что в основе разделения характеристик на группы лежит фактор вредности конкретных действий для страны. Заметим, что, если человек хочет вступить в брак с иностранцем, он вполне может быть патриотом по мнению 72% респондентов, поскольку создание семьи есть личное дело каждого, что не скажется негативно на благополучии страны (возможно, за редким исключением); более того, даже публичное высказывание мнения, не совпадающего с точкой зрения государства, по мнению большинства респондентов (68%), не является основным признаком не патриотизма. Таким образом, ключевым признаком проявления патриотичности является принцип «не навреди своей стране», а также «люби свою страну», обеспечивая её благоденствие и социально-экономическую стабильность.

Таким образом, содержание понятия патриотизма как ценности необходимо раскрывать исходя из того, что патриотизм, как и ценность в классическом понимании, являет собой «глубоко укоренившиеся убеждения, которые направляют людей к миру, в котором они живут» [13, р. 222–230]; это «социальные образцы», окружающие человека с первых до его последних дней, «некоторое «социальное поле», которое определяет его поступки, деятельность, отношение к миру» [14, с. 7], не завися «в глазах членов общества от индивидуальных желаний каждого из них» (курсив – автора, André Corten) [15, р. 18]; такие поступки могут проявляться в особой привязанности к своей стране, в самоидентификации со страной, в готовности жертвовать собой и своими интересами ради блага страны, а также в особой заботе о благополучии страны [16, р. 34–35].

Исходя из проведённого анализа научных источников, которые с разных сторон характеризуют патриотизм, можно сформулировать ценностные функции патриотизма, являющиеся и его индикаторами:

– *сплочение общества*: патриотизм способствует созданию чувства общности и единства среди граждан страны, помогая преодолевать национальные различия и конфликты, объединяя людей вокруг общих ценностей и целей;

– *укрепление национальной идентичности*: патриотизм формирует чувство принадлежности к нации, укрепляет её идентичность и историческую память, помогая людям понимать свою роль в обществе и чувствовать себя частью чего-то большего;

– *защита от внешних угроз*: патриотизм может объединить нацию перед лицом внешней угрозы и способствовать её защите, позволяя мобилизовать ресурсы и силы нации для отпора врагам;

– *укрепление государственности*: патриотизм помогает укреплять государство, создавая условия для его стабильности и процветания, стимулируя граждан уважать и соблюдать законы и традиции страны;

– *мотивация к общественной деятельности*: патриотизм может быть мощным стимулом для людей активно участвовать в общественной жизни, вносить свой вклад в развитие страны и решать общественные проблемы.

Отсюда патриотизм как социальная ценность видится нам как проявляющаяся в любви к своей Родине, устойчивая во времени, общественно-значимая универсалия, следование которой обеспечивает укрепление национальной идентичности и государственности, мотивацию к общественной деятельности, сплочение общества в т. ч. перед внешними угрозами.

Эмпирическая база и методика исследования

Приведённое выше операциональное определение понятия патриотизма является одним из элементов методологии социологической диагностики ценностей, в основе которой лежит авторская эмпирическая модель анализа ценности [См.: 10; 17], включающая оценку четырёх групп индикаторов каждой изучаемой ценности:

- оценку *идеального ценностного отношения* к социальной реальности в рамках каждой изучаемой ценности;
- оценку *значимости* каждого индикатора, входящего в описание конкретной ценности;
- оценку *готовности* к совершению действий, отвечающих каждой изучаемой ценности;
- оценку отражения следования ценности в конкретных действиях и поступках (*действие*).

Перечень изучаемых ценностей был сформирован на основе сопоставления традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹, а также ценностей, которые, согласно методическим рекомендациям, разработанным на базе Министерства науки и высшего образования РФ², имеют стратегическое значение и должны лежать в основе реализации молодежной политики на уровне вуза.

Такой подход определил структуру и содержание социологического инструментария – анкеты, использованной в ходе опроса представителей студенческой молодежи, результаты которого составили эмпирическую базу для подготовки данной статьи. Анкета включала четыре блока ценностных суждений, характеризующих элементы каждой изучаемой ценности: блок суждений об идеальном отношении к ценности; блок – о «значимости» ценности; блок – о готовности следовать ценности; блок – о действии, совершаемом в соответствии с этой ценностью. Заметим, что каждый из индикаторов, предложенных в этой статье для изучения патриотизма как ценности, соответствует одному из сформулированных нами элементов оценки ценности.

В анкете согласие или несогласие с суждениями предлагалось оценить по девятибалльной шкале Лайкерта, которая была выбрана в связи с тем, что анализ полученных социологических данных предполагал использование в т. ч. методов многомерного статистического анализа – факторного и кластерного.

С целью апробации авторской методологии социологической диагностики ценностей с 17 мая по 1 июня 2023 г. автором было проведено социологическое онлайн-исследование «Традиционные и стратегические ценности студенческой молодежи»³ среди студентов РАНХиГС очной формы обучения (N=4338) через их личные кабинеты; из которых 89% составляют обучающиеся по программам бакалавриата, 11% – обучающиеся по программам магистратуры, равномерно

¹ Исследование включало индикаторы диагностики ценностей, указанных в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

² Методические рекомендации по разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/04/Методические%20рекомендации%20по%20разработке%20рабочей%20программы%20воспитания%20и%20к....pdf> (дата обращения: 07.07.2024).

³ Газиева И. А. «Традиционные и стратегические ценности студенческой молодежи» Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023624330, 01.12.2023. Заявка от 15.11.2023

распределённые по курсам обучения; 64,5% – девушек, 35,5% – юношей – пропорционально составу обучающихся в РАНХиГС по полу.

Кроме того, структура выборки включает распределение респондентов по месту обучения: студенты региональной сети РАНХиГС (59,4%) и студенты Московского кампуса (40,1%). Безусловно, данная выборка не репрезентирует всю студенческую молодёжь России и характеризует лишь студентов одного конкретного вуза, однако отражает его региональную специфику, поскольку была составлена пропорционально количеству студентов РАНХиГС, обучающихся в филиалах конкретных регионов. Распределение респондентов по Федеральным округам можно увидеть в таблице 3.

Таблица 3

Региональная структура выборки, %

Федеральные округа	%
Центральный федеральный округ	15,2
Северо-Западный федеральный округ	13,6
Приволжский федеральный округ	8,1
Южный федеральный округ	9
Сибирский федеральный округ	6
Уральский федеральный округ	3,5
Северо-Кавказский федеральный округ	2,2
Дальневосточный федеральный округ	1,8
Итого: филиалы	59,4
г. Москва	40,1
Всего	100,0

С целью определения надёжности шкалы оценки индикаторов ценностей выполнено её расщепление с помощью пакета IBM SPSS Statistics. Как видим из таблицы 4, коэффициенты Спирмена-Брауна и Гуттмана равны 0,938 и 0,938 соответственно, что говорит о том, что предложенная шкала обладает отличной статистической надёжностью. Дополнительно был проведён расчёт статистики Альфа Кронбаха для каждой половины опросника: надёжность обеих частей оказалась очень хорошей ($\alpha=0,966$ и $\alpha=0,967$ соответственно).

Далее с целью определения латентных взаимосвязей между индикаторами изучаемых нами ценностей, а также выявления характеризующих ими типологий был проведён многомерный статистический анализ массива данных социологического исследования: факторный и кластерный, – благодаря чему выделилось 16 факторов; совокупная объяснённая дисперсия составляет 67,4 (см. табл. 5).

В рамках последующих исследований количество компонент было сокращено с целью выделения меньшего количества наиболее значимых факторов [10].

Таблица 4

Оценка надёжности шкалы при расщеплении

Альфа Кронбаха	Часть 1	Значение	0,966
		N элементов	66 ^a
	Часть 2	Значение	0,967
		N элементов	65 ^b
		Общее N элементов	131
Корреляция между формами			0,884
Коэффициент Спирмена-Брауна	Равная длина		0,938
	Неравная длина		0,938
Коэффициент половинного расщепления Гуттмана			0,938

^a Вопросы: с 1 по 66 (суждения по первой и второй группе индикаторов анализа ценностей)

^b Вопросы: с 67 по 131 (суждения по третьей и четвертой группе индикаторов анализа ценностей)

Таблица 5

Объяснённая совокупная дисперсия

Компонент	Ротация суммы квадратов нагрузок		
	Всего	% дисперсии	Кумулятивный %
1	29,4	22,5	22,5
2	16,5	12,6	35,0
3	5,2	4,0	39,0
4	4,6	3,5	42,5
5	4,5	3,4	46,0
6	4,2	3,2	49,2
7	3,5	2,7	51,9
8	3,4	2,6	54,5
9	3,3	2,5	57,0
10	2,7	2,1	59,0
11	2,6	2,0	61,0
12	2,1	1,6	62,6
13	1,7	1,3	63,9
14	1,7	1,3	65,2
15	1,6	1,2	66,5
16	1,3	1,0	67,4

Однако в данной статье мы представляем факторную модель в первоначальном виде, поскольку именно в таком варианте выделился фактор патриотизма (компонент 2 – таблица 5), включающий индикаторы, отражающие характеристики сформулированного нами ранее операционального понятия.

Социологическая диагностика восприятия ценности патриотизма в среде студенческой молодёжи

В ходе подготовки данной статьи для нас было важно выявить типологические группы респондентов на основе взаимосвязей, установленных между ценностными суждениями, характеризующими ценность патриотизма, поэтому остановимся на анализе лишь фактора, объединяющего в себе сформулированные нами ранее индикаторы именно этой ценности (см. табл. 6).

Таблица 6

Содержание фактора ценности патриотизма

Индикаторы ценности патриотизма	Смысловая нагрузка суждения, составляющего содержание фактора	Факторные веса
Укрепление национальной идентичности	Готовность соблюдать традиции и обычаи своей страны	0,881
Любовь к Родине	Нравится быть гражданином своей страны	0,877
Любовь к Родине	Важность быть патриотом, любить свою Родину	0,873
Любовь к Родине	Любой гражданин должен любить свою страну	0,827
Укрепление государственности	Готовность соблюдать законы своей страны	0,731
Сплочение общества	Важность иметь возможность трудиться на благо общества, созидать что-то новое	0,645
Защита от внешних угроз	Важность нести ответственность за судьбу своей страны и её народа	0,614
Мотивация к общественной деятельности	Сделать всё, чтобы Россия была комфортным домом для её народа	0,578

На рисунке 2 наглядно представлено, что в зоне положительных значений фактора патриотизма находится 46,3% респондентов (кластер 4). Это говорит о том, что почти половина студентов полностью согласна с суждениями, составляющими содержание фактора, а значит – совокупно описывающими содержание понятия ценности патриотизма. Эти студенты и сами любят свою страну, и считают, что её должны любить все; они не только готовы соблюдать законы и традиции своей страны, но и делают всё, чтобы она стала комфортным домом для её народа. В то же время каждый четвёртый респондент (25,3% – кластер 5) придерживается нейтральной позиции в отношении утверждений, составляющих содержание фактора патриотизма, не высказывая ни однозначного согласия с ними, ни однозначного несогласия.

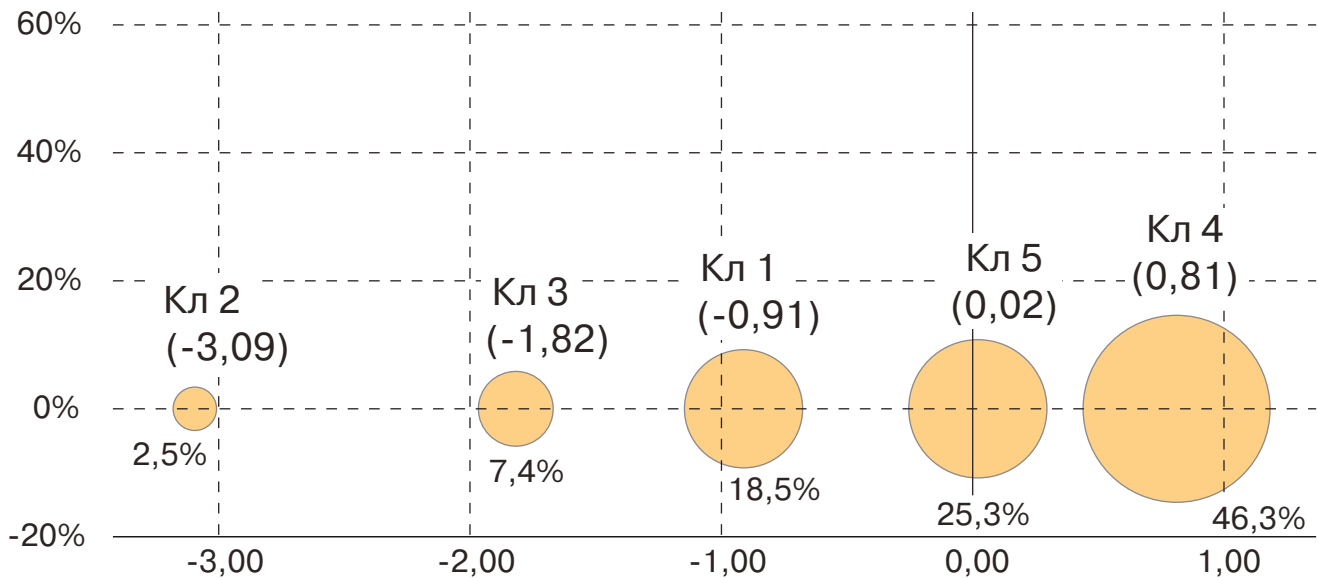

Рис. 2. Графическое отображение распределения массива данных по фактору ценности патриотизма

Однако ещё более важным для нас показателем является то, что в зоне отрицательных значений фактора, а значит, полностью или скорее не согласных с суждениями, входящими в его содержание, находится 28,4% респондентов (кластеры: 2, 3, 1). Факт того, что более половины респондентов придерживается либо нейтрального, либо отрицательного мнения относительно содержания фактора ценности патриотизма, говорит о необходимости более детального исследования этих типологических групп, поскольку их социальная и гражданская позиция сейчас и в перспективе вызывает некоторые опасения.

Для того, чтобы выявить дополнительные характеристики для всех типологических групп, в первую очередь, для групп, находящихся в зоне отрицательных значений фактора патриотизма, были построены таблицы сопряжённости, позволяющие наглядно увидеть распределение мнений респондентов разных групп с суждениями, характеризующими разные ценности, перечисленные в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а также в «Методических рекомендациях по разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования», разработанных Министерством науки и высшего образования РФ¹. В силу того, что в данных документах ценностей немало, мы отобрали по 10 ценностных суждений с наибольшей и наименьшей разницей между

¹ Методические рекомендации по разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/04/Методические%20рекомендации%20по%20разработке%20рабочей%20программы%20воспитания%20и%20к....pdf> (дата обращения: 07.07.2024).

долями согласий респондентов типологической группы, находящихся в зоне положительных значений фактора (кластер 4), и согласиями респондентов, находящихся в типологической группе с наименьшими отрицательными координатами (кластер 1). Такой подход обоснован тем, что для нас наиболее интересными являются социальные признаки, принципиально отличающие респондентов, настроенных непатриотично, от явно выраженных патриотов, и признаки, являющиеся наиболее близкими для представителей обеих типологических групп. Так, в таблице 7 представлены топ-10 ценностных суждений с наибольшей разницей в их оценках; в таблице 8 представлены топ-10 ценностных суждений с наименьшей разницей в их оценках.

Для простоты анализа линейных распределений и наглядности представления его результатов изначально использованная в ходе опроса девятибалльная шкала была преобразована в программе SPSS Statistics в трёхбалльную посредством перекодировки, где значение шкалы в диапазоне 1–3 балла соответствуют 1 баллу, 4–6 соответствуют 2 баллам, 7–9 соответствуют 3 баллам. Далее построенные таблицы сопряжённости были оптимизированы и преобразованы в таблицы 7 и 8 следующим образом: в строки внесены лишь доли респондентов, полностью согласных с суждениями (7–9 баллов).

Как видно из таблицы 7, ключевым признаком, наиболее заметно отличающим представителей «положительной группы» от представителей «отрицательной группы», является их отношение к суждениям, характеризующим, в первую очередь, ценность патриотизма, составляющим содержание данного фактора. Так, утверждают, что им важно нести ответственность за судьбу своей страны и её народа 97,1% представителей «положительной группы» и лишь 16,9% представителей «отрицательной группы»; высоко оценили важность быть патриотом и любить свою Родину 98,8 и 20,3% респондентов двух групп соответственно; считают, что любой гражданин должен любить свою страну 91,9 и 17% респондентов соответственно; готовы соблюдать традиции и обычаи своей страны 98,7 и 27,5% респондентов соответственно.

Заметим, что в обеих преобразованных таблицах (7 и 8), а также в таблице 10 вычисленная значимость $\alpha=0,000$ при высоких значениях χ^2 подтверждает значимость статистических различий в оценках ценностных индикаторов представителями разных типологических групп.

Необходимо отметить, что распределение центров кластеров в таблице 7 говорит о том, что полученная порядковая шкала по фактору ценности патриотизма обладает хорошей различающей способностью; ответы респондентов разных типологических групп распределились в чёткой зависимости от координат центров кластеров: чем меньше координата, тем ниже степень согласия респондентов с параметрами фактора, и наоборот, чем больше координата, тем выше степень согласия. Надо сказать, что такая зависимость характерна и для других ценностных суждений, не вошедших в содержание фактора ценности патриотизма.

Так, например, видим, что представители «положительной типологической группы» заметно выше оценивают некоторые суждения, характеризующие

Таблица 7

Распределение респондентов разных типологических групп, согласных с ценностными суждениями (наибольшая разница в оценках представителей «положительных» и «отрицательных» типологических групп)

Суждения	Номера, центры и объёмы кластеров					Всего по массиву, %	Разница: кл. 4/кл. 1, п. п.	χ^2^*
	Кл2 (-3,09) 2,5%	Кл3 (-1,82) 7,4%	Кл1 (-0,91) 18,5%	Кл5 (0,02) 25,3%	Кл4 (0,81) 46,3%			
Важно нести ответственность за судьбу своей страны и её народа	0,9	5,3	16,9	61,6	97,1	64,1	80,2	368,8
Важно обеспечивать преемственность поколений	0	3,4	18,1	68,1	98,2	66,3	80,1	398,0
Готовность трудиться на благо своей страны и её народа	0	8,4	19,1	77,1	98,0	69,1	78,9	393,5
Важно быть патриотом, любить свою Родину	0	2,5	20,3	68,6	98,8	67,0	78,5	390,3
Важно сохранять историческую память народа	0	8,8	23,5	80,2	99,3	71,3	75,8	409,6
Любой гражданин должен любить свою страну	0,9	4,1	17,0	55,7	91,9	60,1	74,9	309,7
Важно видеть и чувствовать единство народов России	0,9	14,4	23,4	71,6	97,4	68,6	74,0	338,5
Готовность передавать память о важных исторических или культурных событиях в России	0	10,6	27,4	86,1	99,7	73,8	72,3	403,0
Готовность соблюдать традиции и обычаи своей страны	0	9,1	27,5	83,5	98,7	72,6	71,2	393,9
Внутри каждой семьи должна обеспечиваться преемственность поколений	1,8	7,8	22,0	59,4	92,9	62,7	70,9	311,1

* У всех суждений уровень значимости $\alpha=0,000$

ценность преемственности поколений, которая, как можно увидеть из таблицы 7, чужда представителям всех типологических групп, находящихся в зоне отрицательных значений данного фактора: важность обеспечивать преемственность поколений отметили 98,2 и 18,1% респондентов «положительной» и «отрицательной группы» соответственно; согласны с тем, что внутри каждой семьи должна обеспечиваться преемственность поколений – 92,9 и 22,0% респондентов противоположных групп соответственно.

Ценность патриотизма, будучи весьма широким понятием, тесно связана с целым рядом других, скажем так, родственных ценностей. К ним относятся как раз те ценности, суждения о которых наряду с ценностными суждениями о патриотизме представлены в таблице 7. Помимо ценности преемственности поколений, приведённой ранее, к таким ценностям относятся: ценность созидательного труда (готовность трудиться на благо своей страны и её народа высоко оценили 98,0 и 19,1% двух групп соответственно); ценность исторической памяти (важность сохранять историческую память народа высоко оценили 99,3 и 23,5% респондентов соответственно); готовность передавать память о важных исторических или культурных событиях в России (высоко оценили 99,7 и 27,4% респондентов соответственно); ценность единства народов России (важность видеть и чувствовать единство народов России высоко оценили 97,4 и 23,4% респондентов соответственно).

Важно заметить, что больше половины суждений, указанных в таблице 7, не имеют ни одного положительного утверждения от респондентов, находящихся в самой малочисленной, но самой радикальной типологической группе с самыми большими отрицательными координатами (кластер 2), что говорит о ярко выраженном отторжении представителями этой типологической группы не только самой ценности патриотизма, но и родственных ей ценностей, что проявляется в наиболее явной демонстрации непатриотических настроений.

Что касается характеристик, которые являются наиболее близкими всем типологическим группам, то они относятся преимущественно к ценностям максимально «приземлённым», утилитарным. Дело в том, что в таблице 8, помимо нескольких традиционных российских ценностей (здоровья, справедливости и достоинства), представлены ценности, которые, в дополнение к ряду ценностей, представленных в Указе Президента РФ № 809, предложены Министерством науки и высшего образования РФ¹ и включают три группы ценностей: ценность развития и самореализации, ценность профессионального опыта и ценность самостоятельности. Остановимся на этих ценностях более подробно.

Так, наименьшая разница в оценках представителей «положительных» и «отрицательных» типологических групп (от 11,3 п. п до 14,4 п. п.) характеризует отношение к ценностям профессионального опыта и развития: лишь 11,3 процентных пунктов составляет разницу в оценках суждения о том, что труд человека должен оплачиваться по достоинству (97,9 и 86,6%, представители двух противоположных групп соответственно); 11,3 процентных пунктов – разница в оценках двух противоположных групп важности наличия высокого дохода (93,1 и 81,6% соответственно); важность карьерных перспектив для всех и для себя подчёркивает 96,0 и 98,4% представителей положительной группы

¹ Методические рекомендации по разработке рабочей программы воспитания и календарного плана воспитательной работы образовательной организации высшего образования. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/04/Методические%20рекомендации%20по%20разработке%20рабочей%20программы%20воспитания%20и%20к....pdf> (дата обращения: 07.07.2024).

респондентов и 83,8 и 84,4% представителей противоположной группы респондентов соответственно. Помимо ценностей профессионального опыта и развития высоко в этой группе оценивается суждение, характеризующее ценность самостоятельности, разница в оценках которой составляет 12,4 процентных пункта.

На символическом втором месте по уровню схожести оценок находится одна из традиционных российских ценностей – ценность достоинства: 89,9 и 72,2% респондентов противоположных типологических групп полностью согласны с тем, что достоинство личности определяется индивидуальными качествами человека. Здесь же отметим ценность возможности профессиональной самореализации, разница в оценках которой представителями противоположных групп на 1 процентный пункт больше, чем ценности достоинства (18,7 п. п. и 17,7 п. п. соответственно).

К суждениям, характеризующим немногим меньше по сравнению с предыдущими ценностями единство в высоких оценках респондентов, относится ценность здоровья (согласны с тем, что каждый человек должен иметь крепкое здоровье 94,1 и 66,4% респондентов соответственно); ценность справедливости (согласны с тем, что качество жизни человека зависит от действий самого человека 84,9 и 57,3% соответственно).

Именно эти ценности разделяются почти одинаково представителями всех типологических групп, за исключением самой удалённой и самой малочисленной типологической группы (кластер 2).

Исходя из представленного анализа данных, можно говорить о том, что почти одинаково представителями противоположных типологических групп разделяются те ценности, которые определяют условия, влияющие на комфортность и успешность их индивидуального существования. Так, многие респонденты, независимо от уровня устойчивости своих патриотических ориентаций, хотят, в первую очередь, иметь перспективы карьерного роста и возможность профессиональной самореализации. Они считают, что человек должен получать удовлетворение от работы и иметь высокий доход – «по достоинству», быть максимально самостоятельным в принятии решений, иметь крепкое здоровье. Кроме того, по мнению респондентов очень многое зависит от самого человека, а не от каких-либо внешних обстоятельств (качество жизни индивида зависит от действий его самого; достоинство личности определяется её индивидуальными качествами).

В то же время большинство ценностей, которые являются родственными патриотизму, предсказуемо, не разделяются большинством респондентов, находящихся в зоне отрицательных значений фактора патриотизма. Так, для большинства представителей отрицательных типологических групп неважно обеспечивать преемственность поколений, сохранять историческую память народа, видеть и чувствовать единство народов России; кроме того, они не готовы трудиться на благо своей страны и её народа, а также передавать память о важных исторических или культурных событиях в России; они не считают, что внутри каждой семьи должна обеспечиваться преемственность поколений.

Таблица 8

Распределение респондентов разных типологических групп, согласных с ценностными суждениями (наименьшая разница в оценках представителей «положительных» и «отрицательных» типологических групп)

Суждения	Номера, центры и объёмы кластеров					Всего по массиву, %	Разница: кл.4/кл.1, п. п.	χ^2 *
	Кл2 (-3,09) 2,5%	Кл3 (-1,82) 7,4%	Кл1 (-0,91) 18,5%	Кл5 (0,02) 25,3%	Кл4 (0,81) 46,3%			
Каждый человек должен иметь крепкое здоровье	31,8	63,3	66,4	85,9	94,1	83,0	27,7	125,3
Качество жизни человека зависит от действий самого человека	28,2	51,1	57,3	73,5	84,9	72,9	27,6	85,7
Важно иметь возможность профессиональной самореализации	44,5	69,4	80,0	93,8	98,7	89,3	18,7	168,5
Достоинство личности определяется индивидуальными качествами человека	40,0	66,0	72,2	80,2	89,9	80,5	17,7	92,6
Человек должен получать удовлетворение от работы	44,5	72,1	80,9	89,2	95,3	87,2	14,4	109,4
Важно иметь перспективы карьерного роста	47,3	68,0	84,4	93,2	98,4	89,1	14	173,5
Каждый человек должен быть максимально самостоятельным в принятии решений	45,5	52,1	66,3	68,4	78,7	69,4	12,4	65,7
Каждый человек должен иметь возможность подниматься по карьерной лестнице	46,4	70,3	83,8	90,4	96,0	87,7	12,2	113,5
Важно иметь высокий доход	48,2	66,1	81,6	89,9	93,1	85,3	11,5	125,8
Труд человека должен оплачиваться по достоинству	54,5	77,0	86,6	93,8	97,9	91,0	11,3	128,3

* У всех суждений уровень значимости $\alpha=0,000$

По сути своей, приведённые суждения характеризуют социогуманизм [18; 19], отсюда всех респондентов, положительно оценивающих проанализированные нами ценностные суждения, можно назвать «социальными гуманистами», а группу респондентов, оценивающих положительно «утилитарные» ценности и настроенных не патриотично, назовём «социальными индивидуалистами»; соответственно, группу, демонстрирующую нейтральные оценки, назовём «социально неопределившимися».

Патриотизм в контексте традиционных российских ценностей

Одной из наших исследовательских задач является определение ценностей, родственных патриотизму, что составляет не только научный, но и организационно-инструментальный интерес. Дело в том, что на сегодняшний день в нашей стране предпринимается немало попыток по формированию и обеспечению устойчивости ценности патриотизма в молодёжной среде посредством реализации целого ряда программ и проектов разного уровня: от вузовских до федеральных. Однако, как мы смогли убедиться ранее, реальный уровень патриотизма в молодёжной среде далёк от желаемого декларируемого. Представляется, что в ходе разработки новых программ по повышению уровня патриотизма важно учитывать те ценности, которые являются родственными ему и в то же время принимаются большей частью молодёжи, включая социальных индивидуалистов и социально неопределившихся.

В предыдущем разделе мы уже описали несколько ценностей, родственных патриотизму. Однако по результатам факторного анализа невозможно выявить полный перечень этих ценностей, поскольку использование данного статистического метода решает иные задачи, поэтому обратимся к результатам корреляционного анализа.

Мы рассчитали корреляцию одного из ключевых суждений о ценности патриотизма («Для меня важно быть патриотом, любить свою Родину») со всеми оцениваемыми в рамках данного исследования ценностными суждениями. В результате корреляционного анализа по методу Ч. Спирмена выделились шесть ценностных суждений, которые максимально коррелируют с ценностным суждением о патриотизме (см. табл. 9); p -уровень значимости корреляции всех суждений одинаков: $p < 0,001$.

Согласно полученным результатам корреляционного анализа, респонденты связывают со значением ценности патриотизма больше всего суждение, характеризующее ценность служения Отечеству и ответственности за его судьбу (0,791), а также ещё две ценности с высокими коэффициентами корреляции: ценность исторической памяти (0,773) и ценность преемственности поколений (0,755). Кроме того, в перечень родственных ценностей вошли три ценности со средними коэффициентами корреляции: ценность прав и свобод гражданина (0,589), ценность семьи (0,550), ценности созидательного труда (0,535).

Чтобы понять, как ценности, являющиеся родственными патриотизму, воспринимаются представителями разных типологических групп, построим таблицы сопряжённости в логике, описанной в предыдущем разделе. Поскольку восприятие нескольких родственных ценностей мы уже описали ранее и вынуждены были констатировать их преимущественно негативное восприятие социальными индивидуалистами (историческая память, преемственность поколений, созидательный труд), построим таблицы лишь с учётом не охваченных ранее ценностей (служение Отечеству и ответственность за его судьбу, права и свободы гражданина, семья).

Таблица 9

Показатели корреляции между индикатором ценности патриотизма и индикаторами «родственных» ценностей (коэффициент Спирмена)

Ценности	Суждения, подтверждающие личностную значимость патриотизма	Корреляции*
	Для меня важно...	
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	нести ответственность за судьбу своей страны и её народа	0,791
Историческая память	сохранять историческую память народа	0,773
Преемственность поколений	обеспечивать преемственность поколений	0,755
Права и свободы гражданина	знать, уважать и использовать конституционные права и свободы человека	0,589
Семья	иметь крепкую семью	0,550
Созидательный труд	иметь возможность трудиться на благо общества, созидать что-то новое	0,535

* р-уровень значимости корреляций: $p < 0,001$

Таблица 10

Распределение респондентов разных типологических групп, согласных с ценностными суждениями (наименьшая разница в оценках представителей «положительных» и «отрицательных» типологических групп)

Суждения	Номера, центры и объёмы кластеров					Всего по массиву, %	Разница: кл.4/кл.1, п. п.	χ^2 *
	Кл2 (-3,09) 2,5%	Кл3 (-1,82) 7,4%	Кл1 (-0,91) 18,5%	Кл5 (0,02) 25,3%	Кл4 (0,81) 46,3%			
Для респондента важно:								
Нести ответственность за результаты своих решений	37,3	64,3	72,5	92,9	98,5	87,3	34,2	188,5
Знать, уважать и использовать конституционные права и свободы человека	28,2	52,1	54,1	88,1	99,2	82,6	47,0	225,1
Иметь крепкую семью	5,5	27,2	42,1	74,1	90,5	70,6	48,4	173,5

* У всех суждений уровень значимости $\alpha=0,000$

Как видно из таблицы 10, разница между долей согласий респондентов, входящих в типологическую группу с положительной координатой, и долей согласия респондентов, входящих в первую отрицательную группу, является заметной, но не критичной. Так, о важности для них нести ответственность за результаты своих решений говорит 98,5% представителей положительной

и 72,5% представителей отрицательной группы. Заметно больше разница между оценками представителями положительной и отрицательной группы двух других суждений: знать, уважать и использовать конституционные права и свободы человека (99,2 и 54,1% респондентов противоположных групп соответственно), иметь крепкую семью (90,5 и 42,1% респондентов противоположных групп соответственно).

Исходя из данных, приведённых в таблице 10, можно сделать вывод о том, что три родственные патриотизму ценности вполне неплохо воспринимаются представителями студенческой молодёжи. В силу того, что ценность как социальный феномен представляет собой такую морально-нравственную универсалию, которая не только регламентирует наши поступки, но и направляет их, можно допустить, что программы и различные мероприятия, нацеленные на формирование патриотизма, но основанные на ценностях служения Отечеству и ответственность за его судьбу, ценности прав и свобод гражданина, а также ценности семьи, будут более эффективно формировать и ценность патриотизма в том числе.

Заключение

Патриотизм, будучи весьма широким в содержательном плане понятием, рассмотрен в статье с позиции ценностного подхода. В понимании автора он представляет собой проявляющуюся в любви к своей Родине устойчивую во времени, общественно-значимую универсалию, следование которой обеспечивает укрепление национальной идентичности и государственности, мотивацию к общественной деятельности, сплочение общества, в т. ч. перед внешними угрозами. Основой данного определения понятия патриотизма как социальной ценности мы обозначили для себя его ключевые функциональные индикаторы: сплочение общества, укрепление национальной идентичности; защита от внешних угроз; укрепление государственности; мотивация к общественной деятельности.

Указанные функциональные индикаторы составили содержание фактора ценности патриотизма, на основе которого были определены типологические группы в зависимости от их координат в пространстве фактора: «социальные гуманисты» (типологическая группа – в зоне положительных значений фактора ценности патриотизма); «социально неопределившиеся» (типологическая группа – в зоне нейтральных значений фактора); «социальные индивидуалисты» (три типологические группы – в зоне отрицательных значений фактора).

Такой подход дал нам возможность понять, что представители типологических групп, находящиеся в зоне отрицательных значений данного фактора, кардинальным образом расходятся с представителями положительной типологической группы в оценках суждений, характеризующих как саму ценность патриотизма, так и родственные ей ценности. Они отрицательно относятся ко всем суждениям в залоге важности и готовности относительно обеспечения

преемственности поколений и единства народов России, сохранения исторической памяти народа; они не готовы трудиться на благо своей страны и её народа.

В то же время представители обеих групп оценивают почти одинаково высоко ценности, определяющие условия, которые влияют на комфортность и успешность их индивидуального существования: профессиональное развитие и самореализация, здоровье, самостоятельность, достоинство, справедливость.

Такие результаты дают возможность говорить нам о том, что большая часть представителей каждой типологической группы нацелена, в первую очередь, на профессиональное развитие и самореализацию. В то же время представители типологической группы «социальных индивидуалистов» не готовы делиться со своей страной плодами того, что будет составлять их профессионализм, формирующийся, благодаря ресурсам этой страны, например, включённости в систему высшего образования. Представители же противоположной типологической группы, «социальные гуманисты», напротив, в своих социальных планах и ориентациях демонстрируют уверенность в том, что счастье и благополучие каждого человека неразрывно связаны с благополучием всего общества.

В то же время «социальные индивидуалисты», резко негативно относясь к половине ценностей, определённых нами по результатам корреляционного анализа как родственных патриотизму (историческая память, преемственность поколений, созидательный труд), оценивают весьма высоко вторую половину родственных ценностей: служение Отечеству и ответственность за его судьбу, права и свободы гражданина, семья. В таких ответах усматривается хоть и неполное, но частичное проявление гражданственности, что демонстрирует потенциал формирования ценности патриотизма и среди «социально неопределившихся» респондентов, и среди «социальных индивидуалистов» посредством реализации мероприятий молодёжной политики, основанной на положительно воспринимаемых ценностях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1 / М. К. Горшков ; изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016. 416 с. ISBN 978-5-94881-342-4. EDN WETWRZ.
2. Фадеев П. В. Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 3. С. 78–95. DOI [10.19181/snsp.2022.10.3.9198](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9198). EDN BXPPWR.
3. Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2 (394). С. 67–74. EDN YGAMSJ.
4. Schatz R. T., Staub E., Lavine H. On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // Political Psychology. 1999. № 20. P. 151–174. DOI [10.1111/0162-895X.00140](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140).
5. Кузнецов И. М. Патриотизм региональной молодёжи в социологическом измерении (на примере Пензенской области) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11, № 2. С. 25–40. DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.2). EDN JHXXVO.

6. Елишев С. О. Социальное манипулирование молодёжью : монография. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 336 с. ISBN 978-5-88373-554-6. EDN [SWQCFM](#).
7. Дюркгейм Э. Социология её предмет, метод, назначение. М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2006. 352 с. ISBN 5-88373-037-Х.
8. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.
9. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. 413 с.
10. Газиева И. А. Социальная среда как фактор изменения ценностей студенческой молодёжи // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 2. С. 54–72. DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-2-54-72](#). EDN [DUADYA](#).
11. Shin H. J., Schwartz M. The Duality of Patriotism // Peace Review. 2003. Vol. 15, № 4. P. 419–426. DOI [10.1080/1040265032000156672](#).
12. Wang J., Jia S. The Contemporary Value of Patriotism // Advances in Applied Sociology. January 2015. Vol. 5, № 05. P. 161–166. DOI [10.4236/aasoci.2015.55015](#).
13. Motoi G. Values as an object of study for the American and the French sociology. A review of F. Znaniecki's and R. Boudon's perspectives // Social Sciences and Education Research Review. 2017. № 4 (2). P. 222–230.
14. Розов М. А. Проблема ценностей и развитие науки // Наука и ценности / Отв. ред. А. Н. Кочергин. Новосибирск : Наука, 1987. С. 5–26.
15. Corten A. Valeurs sociales et économies au seuil de la croissance : Essai de sociologie de la connaissance. Paris, Louvain : Les Éditions Nauwelaerts, 1967. 233 p.
16. Nathanson S. Patriotism, Morality, and Peace. Lanham : Rowman & Littlefield, 1993. 227 p.
17. Газиева И. А. Социология ценностей: методология исследования : монография. М. : Инфра-М, 2024. 253 с. ISBN 978-5-16-019683-1. DOI [10.12737/2133680](#). EDN [RNJQLC](#).
18. Бушуев В. В., Голубев В. С. Естественно-научные основы социального гуманизма. М. : ЛЕНАНД, 2018. 112 с. ISBN 978-5-9710-5415-3.
19. Голубев В. С. Основы экосоциогуманизма. М. : ИНФРА-М, 2022. 158 с. ISBN 978-5-16-017476-1. DOI [10.12737/1856825](#). EDN [IXDXPS](#).

Сведения об авторе

И. А. Газиева

кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
SPIN-код: [8411-6195](#)

Статья поступила в редакцию 16.07.2024; одобрена после рецензирования 22.08.2024; принята к публикации 27.01.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.1.7](#)

PATRIOTISM AS A SOCIAL VALUE: THE PERCEPTION OF STUDENT YOUTH

Inna Alexandrovna Gazieva

Institute for Social Sciences of the RANEPa,
Moscow, Russia,

gazieva-ia@ranepa.ru,

ORCID [0000-0002-0778-7171](#)

For citation: Gazieva I. A. Patriotism as a social value: the perception of student youth. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1):142–169. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.7).

Abstract: The article is devoted to one of the urgent problems in the field of studying and organizing youth policy: the assessment and formation of the value of patriotism. Current political rhetoric often speaks of a record high level of patriotism in Russian society, including among students, but with a closer study of the social environment, we have to admit that such statements are somewhat declarative. In this regard, the purpose of this article was to determine the content of the concept of patriotism as a value, which formed the basis of the methodology of the author's sociological research devoted to the study of the formation of social values among students. The survey was conducted from May 17 to June 1, 2023 through the personal offices of full-time RANEPa students (N=4338). Based on the results of factor and cluster analysis of the array of sociological data, a factor of the value of patriotism was formed, as well as typological groups of respondents described depending on the distribution of coordinates of cluster centers and the analysis of estimates of judgments that make up the content of the factor of patriotism and additional, clarifying judgments. The typological group of respondents in the zone of positive values of the factor is called "social humanists"; they highly value judgments concerning patriotism and are ready to develop and support their country in every possible way; They believe that the well-being of each person is inextricably linked to the well-being of society. The typological group of respondents who are in the zone of negative values of the factor (three clusters) are called "social individualists"; they have a negative attitude to patriotism as a social value and are not ready to share the fruits of their labor with their country, do not consider themselves to owe anything to it. The third typological group, traditionally intermediate, is called "socially undecided"; its representatives are in the zone of neutral, zero values of the factor and do not demonstrate a pronounced positive or negative attitude to the value of patriotism. In order to determine organizational and methodological approaches to the formation of the value of patriotism, according to the results of the correlation analysis, a list of values that are related to the value of patriotism was formed, of which half are evaluated sharply negatively by "social individualists", and half are evaluated positively by them. It is assumed that the development of mechanisms for the implementation of youth policy aimed at increasing the level of patriotism, based on positively assessed values, will be more effective in terms of forming patriotism among students who have a negative attitude towards it. This constitutes the author's next research task.

Keywords: social values, patriotism, youth policy, youth, higher education

REFERENCES

1. Gorshkov M. K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics). In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Novy'j xronograf; 2016. 416 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-342-4.
2. Fadeev P. V. Russian state-civil identity through the prism of perception of history, culture and socio-political life. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2022;10(3):78–95. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2022.10.3.9198](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.3.9198).
3. Khaliy I. A. Patriotism in Russia: the experience of typologization. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2017;2(394):67–74. (In Russ.).
4. Schatz R. T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*. 1999. № 20. P. 151–174. DOI [10.1111/0162-895X.00140](https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140).

5. Kuznetsov I. M. Patriotism of regional youth in the sociological dimension (on the example of the Penza region). *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2023;11(2):25–40. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2023.11.2.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2023.11.2.2).
6. Elishev S. O. Social manipulation of youth: a scientific monograph. Moscow: Kanon+ROOI «Reabilitaciya»; 2019. 336 p. (In Russ.). ISBN 978-5-88373-554-6.
7. Durkheim E. Sociology, its subject, method, purpose. Moscow: Kanon+ROOI «Reabilitaciya»; 2006. 352 p. (In Russ.). ISBN 5-88373-037-X.
8. Parsons T. The system of modern societies. Moscow: Aspect Press; 1998. 270 p. (In Russ.).
9. Rickert G. Natural sciences and cultural sciences. Moscow: Respublika; 1998. 413 p. (In Russ.).
10. Gazieva I. A. Social environment as a factor of changing the values of student youth. *Higher education in Russia=Vy'sshee obrazovanie v Rossii*. 2024;33(2):54–72. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2024-33-2-54-72](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-54-72).
11. Shin H. J., Schwartz M. The Duality of Patriotism. *Peace Review*. 2003;15(4):419–426. DOI [10.1080/1040265032000156672](https://doi.org/10.1080/1040265032000156672).
12. Wang J., Jia S. The Contemporary Value of Patriotism. *Advances. Applied Sociology*. January 2015;5(5):161–166. DOI [10.4236/aasoci.2015.55015](https://doi.org/10.4236/aasoci.2015.55015).
13. Motoi G. Values as an object of study for the American and the French sociology. A review of F. Znaniecki's and R. Boudon's perspectives. *Social Sciences and Education Research Review*. 2017;4(2):222–230.
14. Rozov M. A. The problem of values and the development of science. In: Science and values. A. N. Kochergin ed. Novosibirsk: Nauka; 1987. P. 5–26 (In Russ.).
15. Corten A. Valeurs sociales et économies au seuil de la croissance: Essai de sociologie de la connaissance. Paris, Louvain: Les Éditions Nauwelaerts; 1967. 233 p.
16. Nathanson S. Patriotism, morality, and peace, Lanham: Rowman & Littlefield; 1993. 227 p.
17. Gazieva I. A. Sociology of values: methodology. Moscow: Infra-M; 2024. 253 p. (In Russ.). ISBN 978-5-16-019683-1. DOI [10.12737/2133680](https://doi.org/10.12737/2133680).
18. Bushuev V. V., Golubev V. S. Natural science foundations of social humanism. Moscow: LENAND; 2018. 112 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9710-5415-3.
19. Golubev V. S. Fundamentals of ecosociohumanism. Moscow: Infra-M; 2022. 158 p. (In Russ.). ISBN 978-5-16-017476-1. DOI [10.12737/1856825](https://doi.org/10.12737/1856825).

Information about the Author

I. A. Gazieva

Candidate of Sociology, Associate Professor,

Senior Researcher

ResearcherID: [HKP-0645-2023](https://orcid.org/0009-0001-8100-8100)

Scopus AuthorID: [57476805800](https://orcid.org/0009-0001-8100-8100)

The article was submitted 16.07.2024; approved after reviewing 22.08.2024; accepted for publication 27.01.2025.

КИБЕРСТАЛКИНГ КАК СОВРЕМЕННАЯ УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Елена Викторовна Ларина

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

elena_shulgina@inbox.ru,

ORCID 0000-0002-4928-4388

Для цитирования: Ларина Е. В. Киберсталкинг как современная угроза общественной безопасности: меры противодействия в России и за рубежом // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 1. С. 170–189. DOI 10.19181/snsp.2025.13.1.8. EDN GVLOLM.

Аннотация. Информационно-телекоммуникационные технологии в современном мире становятся неотъемлемой частью социальной реальности, пронизывая все сферы общества. Такая тенденция, помимо безусловного прогресса в разных отраслях, ведёт и к возникновению новых вызовов и угроз, среди которых распространение различных форм кибердевиантности, представляющих опасность как для индивида, так и для общества в целом. Свидетельством актуальности рассматриваемой проблемы являются данные статистики российских правоохранительных органов об увеличении количества преступлений в сфере компьютерной информации, опубликованные сведения одной из ведущих компаний в сфере информационной безопасности о количестве жертв преследования в интернете в разных странах, а также увеличение числа выявленных приложений, направленных на осуществление сталкинга в виртуальном пространстве. Статья посвящена анализу феномена киберсталкинга как одной из наиболее агрессивных форм проявления отклоняющегося поведения в сети интернет, а также оценке мер противодействия рассматриваемому деянию, применяемых в различных странах мира. Распространение киберсталкинга угрожает защищённости, личной, информационной, финансовой безопасности граждан, таким образом создавая риски всей общественной безопасности. В рамках исследования произведён аналитический обзор действующих стратегий защиты безопасности населения в цифровой среде в разных странах мира, в частности, в США, Великобритании, Германии, Сингапуре, Индии, Китае, Японии и др. Рассмотрен статус киберсталкинга в Российской Федерации, а также существующие в отношении него меры противодействия. Обозначены наиболее широко применяемые в мировой практике механизмы борьбы с агрессией в сети. На основании изложенного сделан вывод о целесообразности применения наиболее эффективных мер противодействия киберсталкингу, успешно функционирующих за рубежом, для защиты российского населения в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: киберсталкинг, преследование, агрессия, виртуальное пространство, жертва, безопасность, меры противодействия

Введение

Проникновение цифровых технологий во все сферы жизни современного общества, помимо несомненных преимуществ, ведёт и к появлению новых угроз для общественной безопасности. Согласно опубликованным данным Министерства внутренних дел РФ за период январь – декабрь 2023 г., общее количество преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации выросло на 29,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Прирост преступлений в этой сфере составил 270%, в том числе количество случаев неправомерного доступа к компьютерной информации увеличилось на 295,2%, мошенничества – на 41,3%. В общем объёме зарегистрированных преступлений доля совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составляет 34,8%, что превышает аналогичный показатель предыдущего года (26,5%)¹. Таким образом, преступления в сети представляют реальную угрозу для современного общества. Наибольшую опасность при этом несут действия, совершённые с помощью информационных технологий и направленные на причинение психологического и зачастую физического вреда жертве. Одним из них является киберсталкинг. Острота проблемы актуализирует запрос на комплексный анализ феномена преследования граждан в сети интернет.

Цель статьи заключается в социологическом анализе феномена киберсталкинга как угрозы для безопасности современного общества, обобщении и оценке эффективности мер предотвращения и противодействия данному явлению в российской и зарубежной практике.

Методологическая база исследования

В официальных документах общественная безопасность понимается как «состояние защищённости человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»². В научном сообществе понятие общественной безопасности трактуется в широком и узком смысле. И. Е. Ильичёв и Э. В. Богмацера в своём исследовании в качестве широкого понимания общественной безопасности приводят состояние защищённости личности и общества от совокупности различных по характеру угроз, в качестве узкого – состояние

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. 20 января 2024 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 18.02.2024).

² Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 года № Пр-2685 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499059750> (дата обращения: 11.03.2024).

защищённости жизни и здоровья граждан, а также интересов общества от противоправных посягательств в общественных местах законными мерами [1]. Киберсталкинг напрямую посягает на безопасность человека, причём не только в киберпространстве, но и в реальности, наносит ущерб правам и свободам человека и гражданина, прежде всего на неприкосновенность частной жизни. На эти представления автор опирался при формировании методики исследования, результаты анализа данных которого представлены в статье.

Базовой составляющей методики проведённого исследования были сбор, систематизация и анализ материалов оригинальных научных исследований по изучаемой проблематике при помощи специализированных информационно-поисковых систем. Произведён обзор статистических данных и нормативных актов, направленных на противодействие преследованию в офлайн- и онлайн-пространстве. Проанализированы результаты актуальных исследований учёных государственных университетов США (Г. Диллон, К. Дж. Смит), Великобритании (А. Давидович, К. Талбот, К. Брукфилд и др.), Турции (Б. Кукул), Индии (Л. Миноча), Сингапура (Т. Наир), Китая (Ю. Чжан, Ч. Ван, Т. Ву), данные агентств по оказанию помощи жертвам киберпреступлений, специалистов в области зарубежного права (Т. Исиара), компаний в сфере информационной безопасности. Представлены материалы российских исследований, посвящённых феномену киберсталкинга (Я. О. Кучина, Р. Д. Сулейменова, О. Зипельмайер и др.).

Теоретической рамкой исследования является концепция «общества риска», представленная в работах У. Бека [2]. «Общество риска» характеризуется высоким уровнем технологического развития, потребления, а также размыванием границ нормы и отклонения, что сопровождается появлением новых угроз и ростом напряжения в различных сферах жизни. Релятивизм в отношении допустимости тех или иных форм поведения в современном обществе, в частности, проявляется в отсутствии единой оценки уровня опасности преследования людей в виртуальном пространстве. Так, в одних странах в качестве наказания за киберсталкинг предусмотрена уголовная ответственность, в других же данное деяние вообще не криминализовано.

Цифровизация современного мира всё чаще становится предметом исследования в контексте проблем безопасности. Я. И. Гишинский фиксирует переход значительной части преступности в киберпространство, обусловленный высоким уровнем латентности совершения криминальных деяний, большими возможностями сохранения анонимности и ухода от ответственности лиц, совершающих правонарушения [3]. Д. Лаптон анализирует взаимодействие человека и персональных данных, оставляемых им в цифровом пространстве. Такие цифровые персональные данные являются источником информации о людях и способны вносить корректировки в принятые решения, совершения действий этими людьми и по отношению к этим людям, тем самым оказывая влияние на их жизнь в целом. Отсюда с цифровизацией связаны значительные риски, которые необходимо учитывать, оставляя цифровые следы в виртуальном

пространстве [4]. Д. Н. Карпова рассматривает социальную цифровизацию как процесс, который ставит условия существования общества в зависимость от цифровых технологий. Одним из признаков социальной цифровизации становится появление ненамеренных и практически неконтролируемых последствий, что оказывает значительное влияние на общественные отношения, в том числе в сфере безопасности [5]. Ю. Ю. Комлев исследует повсеместное внедрение информационных технологий с точки зрения значительной криминальной угрозы, которую несут в себе киберпреступления, достигшие массового уровня [6]. Он определяет киберпреступность как «множество проявлений негативной кибердевиантности, состоящих в нарушении уголовно-правовых запретов с использованием компьютеров, цифровых технологий и обращённых против компьютерных систем, социальных сетей и их пользователей» [7]. Е. С. Иванова, А. Н. Евдокимова отмечают, что кибербезопасность становится одной из наиболее значимых отраслей современных обществ. Повсеместное использование во всех сферах жизнедеятельности человека информационно-телекоммуникационных технологий привело к уязвимости от различных воздействий в цифровой среде, которые могут быть направлены как на государственную инфраструктуру, предприятия, так и на отдельно взятых граждан [8]. Таким образом, повышение уровня кибербезопасности приобретает важное значение для защиты прав и свобод населения на современном этапе общественного развития.

Результаты исследования

Масштабы распространения и формы киберсталкинга как угрозы для безопасности современного общества. В соответствии с одним из наиболее полных определений киберсталкинг – это «продолжительное навязчивое поведение лица, состоящее из множества повторяющихся действий, направленных на насильственное установление контакта с объектом интереса и навязывание ему общения, совершаемое с использованием возможностей виртуальной среды на основе постоянного отслеживания действий жертвы, сбора информации о ней и её окружении, влекущее причинение морального и психического вреда, а также способное повлечь иные тяжкие последствия» [9, с. 50].

Исследователи-правоведы П. Н. Кобец, К. А. Краснова определяют киберсталкинг как преследование какого-либо лица при помощи интернета и других электронных устройств, включающее в себя угрозы с целью доведения преследуемого до истощения от перенапряжения нервной системы [10, с. 78]. Общественная опасность киберсталкинга заключается в насильственном вторжении в частную жизнь жертвы, наличии оснований у преследуемого опасаться за свою жизнь и здоровье. Научное понимание киберсталкинга через призму психологии содержит описание эмоций, испытываемых жертвой: «киберсталкинг – использование электронных средств для преследования жертвы через повторяющиеся сообщения или звонки, вызывающие страх, тревогу

и раздражение» [11]. С социологической точки зрения, киберсталкинг рассматривается как одна из форм цифровых девиаций, которая носит трансграничный характер и направлена не на компьютерное устройство, а на реального человека – пользователя интернета [7]. Такие цифровые формы девиантного поведения несут в себе большую угрозу для общественной безопасности за счёт расширения группы риска, на которую могут быть направлены, по сравнению с девиациями в офлайн-пространстве [12], а также по причине отсутствия чётко установленных принудительных правовых мер, пресекающих такие деяния.

Таким образом, киберсталкинг – это не только одна из форм девиантного поведения, требующая профилактических мер, данный феномен включает и криминологический аспект, т. е. является преступлением, поскольку нарушает одно из главных прав человека, закреплённых в конституции – право на неприкосновенность частной жизни, а также несёт угрозу психологическому и физическому здоровью преследуемого.

Официально статистика относительно количества случаев киберсталкинга в России не ведётся. По данным одной из крупнейших компаний в сфере информационной безопасности «Лаборатория Касперского», во всём мире число пострадавших от киберсталкинга пользователей в 2022 году составило 29 312 человек, что в целом соответствует аналогичному показателю 2021 года¹. Однако в полученное количество включены лишь пользователи продукции данной компании, а реальное число пострадавших может быть несоизмеримо больше.

По имеющимся данным, в 2022 году ежемесячно в среднем 3 333 человека становились новыми жертвами преследования: пик пришёлся на март – 3 891 человек и январь – 3 685 человек, спад – на июль – 2 930 человек и июнь – 2 969 человек².

С 2019 года, в соответствии с данными «Лаборатории Касперского», тройка стран – лидеров по количеству случаев киберсталкинга, остаётся неизменной: Россия, Бразилия, Индия. Причём в 2022 году по числу пострадавших Россия существенно опережает остальные страны – 8 281 человек (Бразилия – 4 969 человек, Индия – 1 807 человек). Для сравнения, по данным того же источника, количество жертв преследования в 2022 году в Европе – 3 158 человек, в США – 1 585³.

По данным исследователей среди жертв, подвергшихся киберсталкингу, преобладают женщины и молодёжь 18–29 лет [13]. В соответствии с результатами опроса американского Центра помощи предотвращения и информирования о преследовании (SPARC), примерно каждая третья женщина и каждый шестой мужчина подвергались преследованию⁴. Статистическая информация, пред-

¹ О состоянии сталкерского ПО в 2022 году // securelist by Kaspersky : сайт. URL: <https://securelist.ru/the-state-of-stalkerware-in-2022/106956> (дата обращения: 01.02.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Fact sheets & infographics // SPARC : сайт. URL: <https://www.stalkingawareness.org/fact-sheets-and-infographics/> (дата обращения: 29.01.2024).

ставленная в исследовании «Технологии защиты детей в интернете», также подтверждает, что жертвами большинства различных проявлений киберсталкинга чаще становились женщины, хоть и не всегда с большим перевесом (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение по полу жертв различных проявлений киберсталкинга, %

Проявления киберсталкинга	Пол	
	Мужчины	Женщины
Сексуальные домогательства в интернете	26,1	73,9
Навязчивые попытки установить контакт онлайн	26,6	73,4
Сталкеринг с использованием идентичности других людей	46,4	53,6
Домогательства в интернете (не сексуального характера)	47,7	52,3
Угрозы	53,8	46,2

Источник данных: исследование «Технологии защиты детей в интернете»¹. В таблице приводятся доли мужчин и женщин в общем количестве проявлений каждого вида.

Киберсталкинг, как правило, осуществляют люди в той или иной степени знакомые со своей жертвой. В то же время, в среднем около трети (32,6%) выбирают в качестве цели преследования незнакомцев². Среди киберсталкеров преобладают мужчины различного возраста. Так, например, по данным европейского исследования подростков от 16 до 19 лет (N=8000) 27% из них осуществляли киберпреследование в течение последнего года³. Что касается личностных характеристик киберсталкеров, то, как правило, такие люди испытывают трудности в установлении социальных контактов, склонны к проявлению агрессии и зависти⁴. По данным исследования, включающем психодиагностику 137 сталкеров, лишь у 28% из них не было выявлено никаких признаков психических расстройств. Остальные 72% характеризовались теми или иными расстройствами психики, наиболее распространённые из которых – антисоциальные, нарциссические, пограничные личностные расстройства (более 50%), алкогольная и/или наркотическая зависимость (46%), тревожный невроз/аффективные расстройства (31%), психоз (10%) [14].

¹ Исследование «Технологии защиты детей в интернете». 2022. URL: https://www.companyrussia.ru/social/kids-safety/Технологии_защиты_детей_Результаты_исследования.pdf (дата обращения: 04.02.2024).

² Там же.

³ *Milmo D.* Risky online behaviour “almost normalized” among young people, says study // *The Guardian*: сайт. 5 декабря 2022 г. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2022/dec/05/risky-online-behaviour-almost-normalised-among-young-people-says-study> (дата обращения: 05.02.2024).

⁴ *Григорьевых А.* «Я знаю о тебе всё». Что такое киберсталкинг и как защититься от преследований в интернете // *Такие дела*: сайт. 29 сентября 2023 г. URL: <https://takiedela.ru/notes/ya-znayu-o-tebe-vse-cto-takoe-kiberstal/> (дата обращения: 05.02.2024).

На современном этапе развития информационно-телекоммуникационных технологий появилось большое количество средств, при помощи которых стало возможным достаточно легко осуществлять преследование: специальные программы и приложения для прослушки разговоров и чтения переписок, удалённое получение доступа к камерам видеонаблюдения, установленным в общественных местах, мониторинг фото- и видеоматериалов, точек геопозиции, выкладываемых в виртуальных социальных сетях, и др. В открытом доступе можно найти специальные сталкерские программы, направленные на сбор разнообразных сведений о жертве преследования: от текстовых сообщений и фотографий до конкретных координат местонахождения отслеживаемого устройства. Причём обнаружить такие программы на гаджетах жертв достаточно сложно ввиду их работы в фоновом режиме, незаметном для неподготовленных пользователей. В 2023 году специалистами было выявлено 182 различных сталкерских приложения, чаще всего распространяемых под видом программ, предназначенных для осуществления родительского контроля или для защиты безопасности гаджета¹.

Противодействие киберсталкингу в России и в зарубежной практике.

В целях противодействия киберсталкингу в разных странах мира применяется широкий диапазон мер от простого информирования о возможности столкнуться с данной опасностью до уголовного наказания агрессора.

Безусловно, одним из наиболее серьёзных направлений противодействия преследованию в интернете является правоприменительная практика, предусматривающая различные виды ответственности от денежного штрафа до реального лишения свободы. Так, в Канаде преследование было криминализовано ещё в 1993 году. Уголовная ответственность, в соответствии с законом, наступает за такие действия, как постоянно повторяющиеся звонки со сбросом после снятия трубки, нежелательный поток рассылок текстовых и голосовых сообщений, навязывание контакта в интернете, выведывание персональных данных через знакомых жертвы и др. [15]. В Великобритании среди законов, направленных на борьбу с киберпреступностью, выделяют Закон о вредоносных коммуникациях, принятый в 1988 году, и Закон о защите от преследования 1997 года. В качестве вредоносных коммуникаций упомянутый закон квалифицирует отправку одним лицом другому определённых предметов и/или сообщений неприличного или оскорбительного характера, содержащих угрозу или заведомо ложную информацию, с целью вызвать беспокойство или причинить страдания [16]. В Японии национальный закон против преследования был принят в 2000 году. С тех пор он периодически дополнялся посредством включения новых способов преследования. Сначала он содержал запрет на преследования офлайн, а также при помощи повторяющихся телефонных звонков, затем произошло включение электронной почты и далее платформ социальных сетей в качестве инструментов преследования. Дополненный закон криминализировал как повторную отправку сообщений в социальных сетях при условии, что

¹ О состоянии сталкерского ПО в 2022 году // securelist by Kaspersky : сайт. URL: <https://securelist.ru/the-state-of-stalkerware-in-2022/106956> (дата обращения: 01.02.2024).

получатель не хочет их получать, так и оставление нежелательных комментариев. В 2014 году был принят Основной закон о кибербезопасности, который лежит в основе всей политики Японии по борьбе с преступностью в сети [17]. С 2007 года сталкинг является уголовно наказуемым в Германии. В качестве преступления рассматриваются различные действия, которые можно отнести к преследованию, в частности ограничение привычного образа жизни жертвы, попытки установить контакт при помощи средств связи или третьих лиц, угрозы причинения вреда жизни, здоровью и свободе преследуемого. Даже намерение агрессора повлиять на образ жизни жертвы квалифицируется в качестве преступления. Кроме того, в тексте закона содержится пункт, указывающий, что список перечисленных действий не является исчерпывающим и может быть дополнен в каждом конкретном случае [16]. В 2022 году преследование было официально внесено в Уголовный кодекс Турции как преступление, характеризующееся постоянным причинением одним лицом серьёзного беспокойства другому лицу за свою безопасность или безопасность своих родственников посредством осуществления физической слежки или попыток установления контакта при помощи любых средств связи, информационных систем или третьих лиц. За данное деяние предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до двух лет [16]. В Сингапуре в 2022 году был обновлён ряд законодательных актов, касающихся преступлений против личности. В них добавлены положения о совершении преступлений онлайн. Так, в соответствии с Законом о защите от преследований, акты киберсталкинга, публикация частной информации о лице в интернете со злым умыслом (доксинг) теперь квалифицируются как преступления и предусматривают наказание в виде значительных штрафов и/или лишения свободы. Отдельно был принят Закон о преступном вреде в интернете, который содержит список конкретных правонарушений и наделяет правительство более широкими полномочиями в сфере борьбы с преступной деятельностью в сети [18].

В Индии наиболее широко применяемым против киберсталкинга является Закон об информационных технологиях, в соответствии с которым нарушение конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни в виртуальном пространстве наказывается тюремным заключением до двух лет и/или существенным денежным штрафом [19]. Однако исследователи утверждают, что данный закон, принятый ещё в 2008 году, не защищает население от агрессии в сети. В качестве мер, повышающих эффективность противодействия киберпреступности, индийские эксперты указывают на необходимость ужесточения наказания – киберпреследование должно быть признано тяжким преступлением, за совершение которого следует увеличить тюремное заключение до семи лет и повысить взыскание минимального штрафа в 20 раз. Кроме того, необходимо реформировать сам текст закона, который не распространяется на преследование мужчин со стороны женщин и/или других мужчин. Язык закона делает его конкретным для преследователя мужчины и жертвы женщины. В качестве преступления не рассматриваются угрозы. Несмотря на серьёзный вред состоянию

физического и психологического здоровья жертвы, который наносят сами угрозы совершения преступления, необходимо дожидаться их реализации. Более того, если совершённое киберпреследование не повлекло за собой таких значительных последствий, как преступление сексуального характера, кража личных данных, террористические акты, то преступник подлежит освобождению под залог [19]. Помимо реформирования законодательства, в целях упрощения борьбы со случаями киберпреследования упоминается также необходимость сокращения количества посещений жертвой отдела полиции, сохранение конфиденциальности пострадавших для их защиты от социальной стигматизации, предоставление возможности подавать жалобы онлайн [19].

В Китае нет единого закона, охватывающего различные формы киберсталкинга, однако есть положения о кибербезопасности, закреплённые в конституции. К ним относятся нарушения прав на личную информацию, намеренное занесение в компьютерную систему вирусов, установка шпионских программ и др. По данным положением предусмотрено наказание в виде штрафа, ареста и тюремного заключения. В 2017 году был принят специальный закон, регулирующий сбор, хранение и передачу личных данных сетевыми операторами. Этот закон устанавливает строгие требования к локализации данных и ограничения на трансграничную передачу личной информации и других важных сведений [20].

Не менее значимым направлением противодействия киберсталкингу является комплекс реабилитационных мер для пострадавших. В США работают сайты агентств по оказанию помощи жертвам различных преступлений, в частности киберсталкинга. Они содержат практические советы по предотвращению опасного поведения в сети, с которыми в свободном доступе может ознакомиться любой желающий. Среди них рекомендации создавать двухфакторную аутентификацию, избегать отправки личной информации через общедоступный Wi-Fi, использовать антивирусное и антишпионское программное обеспечение для периодического сканирования компьютера, закрывать веб-камеру, когда она не используется, и др. Предоставляется телефон горячей линии, куда можно обратиться за помощью в случае столкновения с киберпреследованием¹. В Великобритании функционируют различные организации поддержки жертв преследования. К ним относятся, например, Сеть по борьбе с преследованием (Network for surviving stalking), Защита от преследования (Protection against stalking). Действует бесплатная Национальная линия помощи жертвам преследования. Министерство юстиции при правительстве Великобритании оказывает помощь пострадавшим и предоставляет рекомендации на всех этапах – от сообщения о преследовании до поиска поддержки на местном уровне [19]. В Берлине уже больше десятилетия функционирует консультативный центр, специализирующийся на сталкинге – Stop-Stalking. Причём данный центр предоставляет консультирование и психологическую поддержку не только жертвам, но и самим преследователям.

¹ Wendell T. Eight Tips to Protect Yourself from Cyberstalking // SafeHorizon: сайт. URL: <https://www.safehorizon.org/stories/protect-yourself-from-cyberstalking/> (дата обращения: 08.02.2024).

В центре оказывают свои услуги психологи, социальные педагоги и юристы. Вся помощь для пострадавших оказывается бесплатно и защищается законом о неразглашении сведений частной жизни. Ежегодно в центр обращаются около 500 жертв и 120 агрессоров [14]. Среди предпринимаемых мер в Сингапуре следует выделить создание специальных онлайн-сообществ в целях обеспечения эмоциональной поддержки людей, имеющих травмирующий опыт, обсуждения волнующих вопросов, обмена жизненными историями и формирования чувства общности пострадавших [18]. Создан специализированный центр поддержки жертв онлайн-ущерба, призванный обеспечить комплексную помощь и безопасное пространство, в который могут обратиться те, кто столкнулся с агрессивным поведением в сети. Данный центр имеет свою телефонную линию помощи, линию текстовых сообщений, команду профессиональных специалистов, оказывающих бесплатные консультационные услуги и юридическую помощь.

Отдельно следует отметить, что в Японии предусмотрены специальные социальные программы для сталкеров. Так, например, программа STER направлена на образование и реабилитацию выявленных и осуждённых сталкеров. Специалисты данных программ подчёркивают необходимость остановить и «перевоспитать» агрессоров, пока их действия не привели к ещё более серьёзным последствиям [19].

Один из блоков мер профилактики киберсталкинга в разных странах представлен организацией информационно-просветительских программ. В Великобритании много внимания уделяется обучению различных социальных групп в сфере информационно-коммуникационных технологий. Так, подчёркивается важность формирования у молодёжи соответствующих навыков и различных способов вмешательства, если они стали свидетелями преступления в сети, предоставляется обратная связь, т. е. конкретная информация о случаях, когда и как подобное вмешательство помогало жертвам [21]. Исследователи также предлагают создать специальные группы социальных работников, обладающих навыками и знаниями в сфере IT-технологий, которые будут консультировать жертв кибер-агрессоров, в частности, по таким вопросам, как безопасно дистанцироваться от преследователя в цифровом пространстве, адекватно оценить возможный риск, не допустить эскалации насилия [22]. В американскую образовательную систему включены различные программы профилактики. Одна из наиболее широко распространённых из них – DARE. Изначально она была разработана для борьбы с потреблением наркотиков и их негативными последствиями, в настоящий момент данная программа включает в себя уроки по безопасности в интернете. В США также действуют различные специализированные некоммерческие организации. Например, работа организации Enough is Enough направлена на повышение осведомлённости общественности об опасностях в сети и способах противодействия им ¹. Сеть поддержки против киберпреступности (Cybercrime Support

---

¹ Who we are: our mission // Enough is Enough : сайт. URL: <https://enough.org/aboutus> (дата обращения: 08.02.2024).

Network) предоставляет помощь и консультации частным лицам и организациям до, во время и после случаев столкновения с киберпреступлениями ¹.

Американские исследователи делают акцент на сильной системе ценностей, разработанной для противодействия киберпреследованию. Они считают, что такая система может помочь сдерживать преступную деятельность в сети. Например, раннее выявление негативного поведения в интернете может быть осуществлено при помощи оценивания того, насколько индивид следует семейным ценностям, и связанного с этим социального давления [23]. Важную роль играет также личная ответственность пользователей, т. е. каждый человек должен внимательно и ответственно относиться к тому, какую информацию о себе он выкладывает в публичную сферу интернета. Предотвращению киберсталкинга способствует повышение осведомлённости не только посредством информационно-просветительских программ, но также привития детям надлежащего онлайн-этикета родителями или другими авторитетными лицами.

В Сингапуре с 2021 года в школьную программу введён курс по воспитанию характера и гражданственности (Character and Citizenship Education), в рамках которого подчёркивается важность следования моральным ценностям, комфортного пользования интернетом и уважения личных границ как офлайн, так и онлайн. Данный курс также направлен на повышение осведомлённости о различных опасностях, которые может содержать виртуальное общение [18]. В июле 2022 г. Министерство связи и информации Сингапура разработало ряд информационно-просветительских и образовательных программ для обеспечения поддержки жертв киберпреследования, а также в целях пропаганды ответственного поведения в интернете.

В Индии эксперты также подчёркивают важность повышения уровня информированности в школах, т. к. использование интернета начинается в раннем возрасте, дети должны быть хорошо осведомлены о том, как безопасно вести себя в сети. Количество информации о киберпреступности и методах борьбы с ней должно увеличиваться с повышением возраста учащихся. Кроме того, сотрудники, поступающие на место работы, также должны пройти обучение по предотвращению киберпреступности и, в частности, киберсталкинга, дополненное отраслевыми знаниями по профессии [19].

Помимо повышения осведомлённости в рамках профилактики агрессии в сети внедряется специальное программное обеспечение и современные правила интернет-площадок, направленные на организацию безопасного пребывания в сети. В США созданы специальные сервисы, которые могут отслеживать и защищать личную информацию в интернете, обеспечивать комфортное пребывание пользователей в сети, а также предоставляются дополнительные инструменты безопасности при обмене персональными данными, среди которых усиленные настройки конфиденциальности или методы частного просмотра веб-страниц [23]. Ещё одним важным шагом в борьбе с киберсталкингом в Америке является сведение

¹ Cybercrime Support Network. Official site. URL: <https://fightcybercrime.org> (дата обращения: 08.02.2024).

к минимуму возможности компаний и частных лиц отслеживать действия людей в интернете, данные об их местоположении. Так, одна из самых популярных американских социальных сетей после протеста пользователей отозвала функцию, которая отправляла подписчикам аккаунта сообщения с информацией о покупках его владельца на различных сайтах. В качестве необходимой задачи указывается также работа с приложениями и сайтами, навязывающими пользователям раскрытие информации об их местонахождении [23]. В Сингапуре функционирует специальный портал Агентства кибербезопасности (GoSafeOnline), который предоставляет целенаправленную информацию для повышения осведомлённости об опасностях интернета, консультации для жертв агрессии онлайн [18].

Китайскими учёными были проведены исследования, в результате которых сформулированы конкретные рекомендации по работе виртуальных социальных платформ, снижающие вероятность распространения киберпреследования. К таким рекомендациям относятся: устранение ощущения полной анонимности пользователей посредством ввода хотя бы одного обязательного проверяемого идентификатора владельца аккаунта; усиление мониторинга при помощи системы предупреждений агрессивного поведения в сети; снижение асинхронности общения пользователей между собой, т. к. отсутствие непосредственной реакции жертвы, откладывание её во времени способствует затормаживанию дальнейших действий агрессора [20].

В Японии организован специальный Совет по стабильному использованию интернета, который в рамках своей деятельности сформировал руководящие принципы по противодействию кибератакам и конфиденциальности коммуникаций, а также Комиссия по защите личной информации, Национальный центр готовности к инцидентам и стратегии кибербезопасности (NISC). В качестве необходимых мер правительство страны работает над повышением отслеживаемости и прозрачности киберпространства, а также поощрением жертв киберпреступлений сообщать о них в полицию и специализированные государственные органы с целью минимизации условий для преступности в сети ¹.

Что касается Российской Федерации, то здесь киберсталкинг не криминализован, т. е. официально не рассматривается в качестве преступления. При этом существует ряд положений административного и уголовного кодексов, предусматривающих наказание за определённые проявления агрессии в виртуальном пространстве: ст. 128.1. УК РФ – клевета, совершённая с использованием интернета; ст. 137 УК РФ – незаконный сбор и распространение сведений о частной жизни других лиц без их согласия; ст. 119 УК РФ – угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; ст. 110 УК РФ – доведение до самоубийства ². В то же время, пока жертва агрессивного поведения в сети не докажет

---

¹ Cybersecurity strategy. The Government of Japan, September 28, 2021. URL: <https://www.nisc.go.jp/eng/pdf/cs-senryaku2021-en.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).

² УК РФ Статья 128.1. Клевета // КонсультантПлюс: сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8a73d26dba7976d6c43cc94aa1515368fef256f0/ (дата обращения: 20.02.2024).

реальную опасность поступаемых ей угроз либо не получит фактический вред своей жизни и здоровью со стороны преследователя, реакция правоохранительных органов не последует.

Ещё в 2019 году в Госдуме РФ состоялось заседание круглого стола по проблеме киберсталкинга и противодействия ему, по итогам которого был принят проект резолюции, содержащий предложение по введению уголовной ответственности за назойливое преследование в интернете¹. Однако данной статьи в уголовном кодексе РФ до сих пор нет.

Вместе с тем необходимо отметить, что российская правовая сфера постепенно развивается в направлении повышения уровня обеспечения информационной безопасности. В конце 2022 г. Верховный Суд РФ опубликовал постановление, уточняющее некоторые вопросы, которые возникают в судебной практике по уголовным делам в сфере компьютерной информации². Данное постановление позволяет более точно квалифицировать преступные деяния, совершённые в киберсфере, а также обязывает суды при рассмотрении дел, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, устанавливать общественно опасные последствия, которые такой доступ за собой повлечёт.

30 декабря 2024 г. Правительство РФ утвердило «Концепцию государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий»³. В тексте данной концепции официально признана проблема отсутствия в стране необходимого уровня информационной безопасности, обозначена одна из главных целей государства – защита граждан от противоправных действий, в том числе от нарушения неприкосновенности частной жизни при использовании информационных технологий. Концепция содержит перечень основных задач, которые ставит перед собой государство в сфере информационной безопасности, среди них совершенствование средств противодействия различным правонарушениям с использованием информационно-коммуникационных технологий, создание соответствующих специализированных подразделений, повышение уровня безопасности персональных данных, обеспечение систематического широкого информирования населения о новых угрозах, развитие пользовательской культуры и грамотности поведения населения в цифровом пространстве и др. Для выполнения поставленных задач предполагается создание

¹ В ГД обсудили идею ввести уголовную ответственность за киберсталкинг // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20191206/1562060603.html> (дата обращения: 19.02.2024).

² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» // Консультант-Плюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434573/7ad11c1823e584a73bbfbac49e996e617343f1ca/ (дата обращения: 19.12.2024).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.12.2024 № 4154-р // Официальное опубликование правовых актов : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501090003?index=1> (дата обращения: 15.01.2025).

специализированной платформы, призванной обеспечить оперативный обмен данными между различными ведомствами и правоохранительными органами с целью раскрытия и пресечения противоправных действий в сети; организация системы профилактики; своевременное совершенствование законодательства для ответа на новые виды преступлений и др. Актуальность поставленных задач и средств для их выполнения не вызывает сомнений, однако ввиду недавнего принятия данной Концепции, в настоящее время не представляется возможным оценить эффективность её реализации.

Проблема stalking, в том числе совершаемого в виртуальном пространстве, не находит достаточного освещения в российском информационном поле, что создаёт иллюзию её незначительности и неактуальности. Так, несмотря на представленные выше данные специализированных организаций о большом числе жертв преследования, петиция, созданная ещё в декабре 2016 г. с целью введения в уголовный кодекс РФ статьи о stalking, на момент написания статьи набрала только чуть больше половины необходимых подписей – 81 151 из 150 000¹.

Заключение

Тотальная виртуализация, пронизывающая все сферы жизнедеятельности современного общества, создаёт не только новые возможности для дальнейшего прогресса в различных областях, но и способствует появлению новых серьёзных вызовов и угроз безопасности. Развитие технологических возможностей послужило толчком для перехода некоторых форм девиантного поведения в цифровую среду. В частности, опубличивание персональных данных посредством размещения их в виртуальном пространстве приводит к формированию зависимости безопасности человека от уровня надёжности сохранения конфиденциальности предоставленных сведений, от цели их использования, от того, в чьи руки данные сведения могут попасть. Особые опасения в связи с этим вызывает лёгкость, с которой злоумышленники, используя современные технологии, могут получить доступ к личной информации жертвы, включая номер телефона, адрес проживания, данные о счетах, имуществе и т. д., скрыто подключиться к телефону или компьютеру преследуемого. В то же время анонимность самих преследователей не только существенно затрудняет пресечение их действий, но и оказывает растормаживающий эффект, снимает немедленное негативное подкрепление неприемлемого поведения.

Несмотря на явную общественную опасность, которую несёт в себе киберstalking, в настоящее время в России не предусмотрена система мер, направленных на эффективное противодействие ему. В связи с этим представляется целесообразным обратиться к рассмотренному положительному опыту ряда

---

¹ Ввести в УК РФ статью о stalking (преследовании) // Change.org : сайт. 7 декабря 2016 г. URL: <https://www.change.org/p/правительство-рф-введите-в-ук-рф-статью-о-сталкинге-преследовании> (дата обращения: 22.02.2024).

зарубежных стран, в которых функционируют механизмы защиты безопасности населения в виртуальном пространстве, и перенять наиболее эффективные из них. Результаты проведённого анализа позволяют к таким мерам отнести: криминализацию действий преследования в интернете, постоянный мониторинг актуальной ситуации по безопасности в сети, своевременное реформирование законодательства с учётом появления новых угроз, широкое информирование населения о существующих рисках, с которыми можно столкнуться в цифровой среде, понятное донесение данной информации с учётом возраста и особенностей восприятия целевой аудитории, образовательные кампании, создание специализированных организаций, оказывающих бесплатную разностороннюю помощь жертвам преследования. Официальное признание киберсталкинга преступным деянием закрепляет рассмотрение данного явления в правоприменительной практике в качестве угрозы правам человека и общественной безопасности, предусматривает чётко определённую ответственность за его совершение и предполагает неотвратимость наказания. Организация регулярного мониторинга виртуального пространства на предмет появления новых рисков и угроз правам человека, ценностям и интересам общества способствует оперативному приведению законодательства в соответствие с актуальной ситуацией, что необходимо для оперативного пресечения данных вызовов, постоянного поддержания должного уровня безопасности. Информационно-просветительские программы, ориентированные на разные группы населения, направлены на обеспечение необходимой подготовки граждан к возможным угрозам в сети, на предоставление рекомендаций по защите личной, информационной, финансовой безопасности. Работа специализированных организаций, оказывающих помощь жертвам агрессии, призвана восстановить состояние защищённости личности от противоправных посягательств.

На данный момент в связи с отсутствием чётко регламентированных действий, направленных на предотвращение и пресечение киберсталкинга в России, угроза общественной безопасности со стороны рассматриваемого деяния только возрастает, что подтверждается представленными в работе статистическими данными и результатами специализированных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ильичев И. Е., Богмацера Э. В. Общественная безопасность и безопасность общества: соотношение понятий // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 11–19. EDN **YUKGEL**.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седелника, Н. Фёдоровой ; посл. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5. EDN **RAYTKJ**.
3. Гилинский Я. И. Очерки по криминологии. СПб : Алеф-Пресс, 2015. 140 с. ISBN 978-5-905966-60-6.
4. Вершинина И. А., Лядова А. В. Данные в цифровом мире: новые возможности или дополнительные риски? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 4. С. 977–984. DOI [10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984). EDN **OPNQCR**.

5. Карпова Д. Н., Проскурина А. С. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 97–105. DOI [10.31171/vlast.v28i1.7048](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7048). EDN [RDJMRV](#).
6. Комлев Ю. Ю. Преступность: тренды и вызовы на пороге новой технологической революции // Вестник ВЭГУ. 2017. № 4 (90). С. 67–75. EDN [ZDAYVB](#).
7. Комлев Ю. Ю. От цифровизации социума к киберпреступности, кибердевиантности и развитию цифровой девиантологии // Российский девиантологический журнал. 2022. Т. 2, № 1. С. 17–26. DOI [10.35750/2713-0622-2022-1-17-26](https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-17-26). EDN [CLLGN](#).
8. Иванова Е. С., Евдокимова А. Н. Кибербезопасность в основе обеспечения национальной безопасности страны // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 7, № 11. С. 559–563. DOI [10.47576/2712-7516_2022_11_7_559](https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_11_7_559). EDN [YOQRTU](#).
9. Кучина Я. О. Проблема экстраполяции элементов криминологической характеристики отдельных видов преступности в киберпространстве: общая характеристика киберсталкинга // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3 (29). С. 47–51. EDN [CAXCWU](#).
10. Кобец П. Н., Краснова К. А. Об общественной опасности киберсталкинга и необходимости его предупреждения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 77–83. EDN [YAAIQH](#).
11. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодёжи // Национальный психологический журнал. 2020. Т. 2, № 2 (38). С. 3–20. DOI [10.11621/npj.2020.0201](https://doi.org/10.11621/npj.2020.0201) EDN [YJIBIE](#).
12. Грязнова Е. В., Владимиров А. А., Соколова В. А. Девиантное поведение молодёжи в виртуальной среде // Глобальный научный потенциал. 2022. № 9 (138). С. 36–38. EDN [NINWZQ](#).
13. Сулейменова Р. Д., Руденко В. В., Кышко М. Е. Совершенствование аспектов информационной безопасности в условиях глобализации информационного пространства: киберсталкинг // Наукосфера. 2023. № 5-2. С. 317–323. EDN [XBQYIS](#).
14. Зипельмайер О. Психосоциальное и психотерапевтическое консультирование женщин, пострадавших от сталкинга // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2020. № 19. С. 30–39. EDN [WAFULZ](#).
15. Батеева А. А. Киберсталкинг как угроза психологическому благополучию личности в интернет-пространстве // Психология в системе социально-производственных отношений : сборник материалов III Международной научно-практической конференции (Красноярск, 17 апреля 2020 года). Красноярск : Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева. 2020. С. 175–179. EDN [UIEXOХ](#).
16. Kukul B. Personal Data and Personal Safety: re-Examining the Limits of Public Data in the Context of Doxing // International Data Privacy Law. 2023. Vol. 13, № 3. P. 182–193. DOI [10.1093/idpl/ipad011](https://doi.org/10.1093/idpl/ipad011). EDN [BVJXBA](#).
17. The Privacy, Data Protection and Cybersecurity Law Review. Ninth edition. London : Law Business Research Ltd., 2022. 519 p. ISBN 978-1-80449-116-4.
18. Nair T., Teo Y.-L. Creating Women's «Safe Space» in Digital Life: Perspectives from Singapore. S. Rajaratnam School of International Studies, 2023. URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep53092> (дата обращения: 12.02.2024).
19. Minocha L. Cyber Stalking Prevention And Management // Shodhganga: a reservoir of Indian theses: сайт. URL: <https://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/368801> (дата обращения: 10.02.2024).
20. An Integrative Theory Addressing Cyberharassment in the Light of Technology-Based Opportunism / P. B. Lowry, J. Zhang, G. D. Moody [et al] // Journal of Management Information Systems. 2019. Vol. 36, № 4. P. 1142–1178. DOI [10.1080/07421222.2019.1661090](https://doi.org/10.1080/07421222.2019.1661090).

21. To Intervene or Not to Intervene: Young Adults' Views on When and How to Intervene in Online Harassment / A. Davidovic, C. Talbot, C. Hamilton-Giachritsis, A. Joinson // Journal of Computer-Mediated Communication. 2023. Vol. 28, № 5. DOI [10.1093/jcmc/zmad027](https://doi.org/10.1093/jcmc/zmad027). EDN KOCPOU.
22. Brookfield K., Fyson R., Goulden M. Technology-Facilitated Domestic Abuse: An under-Recognised Safeguarding Issue? // The British Journal of Social Work. 2024. Vol. 54, № 1. P. 419–436. DOI [10.1093/bjsw/bcad206](https://doi.org/10.1093/bjsw/bcad206). EDN EKCDKS.
23. Dhillon G., Smith K. J. Defining Objectives for Preventing Cyberstalking // Journal of Business Ethics. 2019. Vol. 157. № 1. P. 137–158. DOI [10.1007/s10551-017-3697-x](https://doi.org/10.1007/s10551-017-3697-x). EDN HTNZTH.

Сведения об авторе

Е. В. Ларина

кандидат социологических наук,
научный сотрудник
SPIN-код: 4048-6769

Статья поступила в редакцию 28.12.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025; принята к публикации 10.02.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.1.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.8)

CYBERSTALKING AS A MODERN THREAT TO PUBLIC SECURITY: COUNTERMEASURES IN RUSSIA AND ABROAD

Elena Viktorovna Larina

Institute of Sociology of FSTAS RAS,
Moscow, Russia,
elena_shulgina@inbox.ru,
ORCID [0000-0002-4928-4388](https://orcid.org/0000-0002-4928-4388)

For citation: Larina E. V. Cyberstalking as a modern threat to public security: countermeasures in Russia and abroad. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(1):170–189. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.1.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.1.8).

Abstract. Information and telecommunication technologies in the modern world are becoming an important part of social reality, permeating all spheres of society. This trend in addition to unconditional progress in various sectors of life, also leads to the emergence of new challenges and threats, including the spread of various forms of cyberdeviance that pose a danger to the individual and society. The relevance of the problem under consideration is provided by statistics from Russian law enforcement agencies on the multiple increase in crimes in the field of computer information, published information from one of the leading companies in the field of information security on the number of victims of stalking on the Internet in different countries, as well as an increase in the number of identified applications aimed at stalking in virtual space. This article is devoted to the analysis of the phenomenon of cyberstalking, which is one of the most aggressive forms of manifestation of deviant behavior

on the Internet, as well as to research of measures to counteract the problem under study used in various countries of the world. The methodological basis of the conducted research was the collection, systematization and analysis of materials of original scientific works in the field of the studied problems using specialized information search systems. A review of statistical data and legislative acts aimed at countering various manifestations of harassment have been also carried out. In particular, an analytical review was made of the current strategies for protecting the security of the population in the digital environment in countries such as the USA, Great Britain, Germany, Singapore, India, China, Japan, etc. The status of cyberstalking in the Russian Federation, as well as the existing countermeasures against it, was considered. Statistical data on the number of victims of cyberstalking, as well as their age and gender distribution are presented. Some characteristics of the persons carrying out the persecution and the means by which they usually act are indicated. An overview of the key elements of current strategies for protecting public safety in the digital environment in Europe, Asia and the United States is provided. The most widely used mechanisms for combating aggression in the network are identified which are part of the cybercrime counteraction system in most of the countries under consideration which may indicate a high level of their effectiveness. Such mechanisms include the criminalization of various forms of harassment in the virtual space, monitoring the degree of cybersecurity of users, constantly increasing the level of public awareness of existing risks on the Internet, specialized educational campaigns, providing free assistance to victims of harassment, etc. Based on the above, it was concluded that it is advisable to use the most effective measures to counter cyberstalking operating abroad to protect the Russian population in the virtual space.

Keywords: cyberstalking, persecution, aggression, virtual space, victim, security, countermeasures

REFERENCES

1. Ilyichev I. E., Bogmatsera E. V. Public safety and security of society: the relationship of concepts. *Problems of Law Enforcement=Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti*. 2018;(1):11–19. (In Russ.).
2. Beck U. Risk Society. Towards another modernity. Translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova; Last words by A. Filippov. Moscow: Progress-Tradiciya; 2000. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-059-5.
3. Gilinsky Ya. I. Essays on criminology. St. Petersburg: Alef-Press; 2015. 140 p. (In Russ.).
4. Vershinina I. A., Lyadova A. V. Data in the digital world: new opportunities or additional risks? *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia=Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. Series: Sociology. 2020;20(4):977–984. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-4-977-984).
5. Karpova D. N., Proskurina A. S. Socio-technical turn in the study of digitalization of society. *Power=Vlast'*. 2020;28(1):97–105. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v28i1.7048](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7048).
6. Komlev Yu. Yu. Crime: trends and challenges on the threshold of a new technological revolution. *Bulletin of VEGU=Vestnik VEGU*. 2017;4(90):67–75. (In Russ.).
7. Komlev Yu. Yu. From the digitalization of society to cybercrime, cyberdeviance and the development of digital deviantology. *Russian Deviantological Journal=Rossiyskiy deviantologicheskij zhurnal*. 2022;2(1):17–26. (In Russ.). DOI [10.35750/2713-0622-2022-1-17-26](https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-17-26).
8. Ivanova E. S., Evdokimova A. N. Cybersecurity as a basis for ensuring the national security of the country. *Journal of Applied Research=Zhurnal prikladnykh issledovaniy*. 2022;(11):559–563. (In Russ.). DOI [10.47576/2712-7516_2022_11_7_559](https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_11_7_559).

9. Kuchina Ya. O. The problem of extrapolating elements of criminological characteristics of individual types of crime in cyberspace: general characteristics of cyberstalking. *Crime Investigation: Problems and Solutions=Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya*. 2020;(3):47–51. (In Russ.).
10. Kobets P. N., Krasnova K. A. On the public danger of cyberstalking and the need to prevent it. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia=Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 2018;(3):77–83. (In Russ.).
11. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Chigarkova S. V. Types of cyber aggression: experience of adolescents and youth. *National Journal of Psychology=Natsional'nyy psikhologicheskij zhurnal*. 2020;2(2):3–20. (In Russ.). DOI [10.11621/npj.2020.0201](https://doi.org/10.11621/npj.2020.0201).
12. Gryaznova E. V., Vladimirov A. A., Sokolova V. A. Deviant behavior of young people in a virtual environment. *Global Scientific Potential=Global'nyy nauchnyy potentsial*. 2022;(9):36–38. (In Russ.).
13. Suleymenova R. D., Rudenko V. V., Kyshko M. Ye. Improving aspects of information security in the context of globalization of the information space: cyberstalking. *Scienceosphere=Naukosfera*, 2023;(5-2):317–323. (In Russ.).
14. Zipel'mayyer O. Psychosocial and psychotherapeutic counseling of women victims of stalking. *Social Services for Families and Children: Scientific and Methodological Collection=Social'noe obsluzhivanie semej i detej: nauchno-metodicheskij sbornik*. 2020;(19):30–39. (In Russ.).
15. Bateyeva A. A. Cyberstalking as a threat to psychological well-being of an individual in the Internet space. In: Psychology in the system of social and industrial relations: collection of materials of the III international scientific and practical conference, Krasnoyarsk, April 17, 2020. Krasnoyarsk: Sibirskij gosudarstvennyj universitet nauki i texnologij imeni akademika M. F. Reshetneva; 2020. P. 175–179. (In Russ.).
16. Kukul B. Personal data and personal safety: re-examining the limits of public data in the context of doxing. *International Data Privacy Law*. 2023;13(3):182–193. DOI [10.1093/idpl/ipad011](https://doi.org/10.1093/idpl/ipad011).
17. The privacy, data protection and cybersecurity law review. Ninth edition. London: Law Business Research Ltd., 2022. 519 p.
18. Nair T., Teo Y.-L. Creating women's "safe space" in digital life: perspectives from Singapore. S. Rajaratnam School of International Studies, 2023. Available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep53092> (accessed: 12.02.2024).
19. Minocha L. Cyber stalking prevention and management. Shodhganga: a reservoir of Indian theses: website. Available at: <https://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/368801> (accessed: 10.02.2024).
20. Lowry P. B., Zhang J., Moody G. D., Chatterjee S., Wang Ch., Wu T. Proposing an integrative theory to address the sociotechnical nature of cyberharassment in light of technology-based opportunism. *Journal of Management Information Systems*. 2019;36(4):1142–1178.
21. Davidovic A., Talbot C., Hamilton-Giachritsis C., Joinson A. To intervene or not to intervene: young adults' views on when and how to intervene in online harassment. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2023;28(5). DOI [10.1093/jcmc/zmad027](https://doi.org/10.1093/jcmc/zmad027).
22. Brookfield K., Fyson R., Goulden M. Technology-facilitated domestic abuse: an under-recognised safeguarding issue? *The British Journal of Social Work*. 2024;54(1):419–436. DOI [10.1093/bjsw/bcad206](https://doi.org/10.1093/bjsw/bcad206).
23. Dhillon G., Smith K. J. Defining objectives for preventing cyberstalking. *Journal of Business Ethics*. 2019;157(1):137–158. DOI [10.1007/s10551-017-3697-x](https://doi.org/10.1007/s10551-017-3697-x).

Information about the Author

E. V. Larina

Candidate of Sociology,
Researcher

The article was submitted 28.12.2024; approved after reviewing 20.01.2025; accepted for publication 10.02.2025.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор – *Горшков М. К.*

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Кравченко С. А.*

Заведующая редакцией – *Зорина А. Е.*

Научные редакторы:

Зеленская О. Ю., Камышан В. В., Савоськина А. П.

Технический редактор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; вёрстка: *Щербов М. Ю.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2025. Том 13, № 1. Дата выхода в свет 27.03.2025.

 № 1, 2025
ТОМ 13

ISSN 2413-6891

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

Москва, 117218, ул. Кржижановского,
д. 24/35, к. 5, e-mail: snsp@isras.ru
тел. 8 499 125-00-79
<http://www.socnp.ru>